

Антон Грановский Гончие смерти

Гиблое место – 8

Антон Грановский Гончие смерти

*Так воин хочет отдохнуть. А ворон хочет есть,
И принимает долгий сон он не за то, что есть.
А мне велели передать, что воин будет спать,
И просыпаться, и впадать в беспамятство опять.*
Денис Новиков

Пролог

Дыхание с хрипом вырывалось из узкой груди Прошки. Прижав к груди баранью ногу, парень стремглав неся по темной улице.

– Дерdzi его! – отчаянно вопили вслед. – Дерdzi ворёнка!
«Еще чуть, – думал Прошка. – Еще немного».

До переулка всего ничего. Сейчас Прошка добежит до переулка, свернет в него – и только они его и видели. Проклятые китаёзы! Удавятся за кусок баранины!

Прошка крепче прижал к себе баранью ногу. Вот и переулок. Свернуть в него, добежать до деревянного забора, перемахнуть, еще раз свернуть, юркнуть в дыру, перебежать через подклет разрушенной школы и – вот она, сытая седмица!

Прошка свернул в переулок и бросился к забору, но в этот миг жилистая рука китайского мясника-забойщика ухватила его за шиворот и резко рванула назад. Ворот Прошки затрещал, а сам он резко сбавил ход, но еще пару шагов протащил китаёзу за собой, однако еще несколько жилистых желтых рук ухватили Прошку за плечи и повалили на землю.

– Попался, гадзёнысь! – заорал один из китаёз.

Тут к трем мясникам подоспели еще двое. Прошка попытался встать, но его снова

сбили с ног. Мягкий войлочный сапожок китайца ударил его в скулу. Прошка вскрикнул от боли, но баранью ногу не выпустил. И рад был бы выпустить, но руки сами вцепились в парное мясо, и приказы им отдавал совсем не разум, а пустой, урчащий желудок.

Били Прошку сильно, от души. Он уж было собрался отдать богам душу, как вдруг один из китайцев крикнул:

– Упыря!

А другой поддержал его, заверещав еще громче:

– Здеся упыря! Безим!

Кто-то сильно ударил Прошку по спине, он ойкнул от боли и ткнулся лицом в грязь, но баранью ногу не выпустил. Потом Прошку перестали пинать, и войлочные сапоги китайцев затопали по переулку.

Полежав с минуту неподвижно, чтобы боль чуток утихла, Прошка, по-прежнему крепко прижимая к груди свою добычу, приподнял голову и выплюнул на землю кровь из разбитого рта. Потом огляделся. Китайцев в переулке больше не было, но у темной стены сарая кто-то стоял.

Прошка зажал баранью ногу под мышкой, достал из сапога нож и, морщась от боли в ушибленных ребрах, тяжело поднялся на ноги.

– Эй! – окликнул он темного человека. – Эй, ты кто?

Человек продолжал молча стоять у стены. Прошка стер с глаз мутную пелену слез и снова взглянул на незнакомца. Взглянул – и лучше бы не глядел. Волосы на голове у Прошки встали дыбом, а по спине стекла к ягодицам струйка холодного пота. У стены стоял упырь.

Прошка попятился. В руке у него был нож из белого железа. Можно было попытаться прикончить упыря, однако Прошка медлил. Как ни крути, а упырь спас его от китайцев. Кроме того, он легко мог добраться до Прошки, пока тот лежал на земле да отплевывал кровь, но почему-то не стал.

– Эй, урод! – снова окликнул Прошка. – Ты почему меня не слопал?

Чудовище молчало. Прошка внимательней взгляделся в его лицо. Пришелец из Гиблого места был по-мертвому бледен, но взгляд у него был растерянный и тоскливый, словно у затравленного зверя.

Сглотнув слюну, Прошка хрипло проговорил:

– Бежал бы ты лучше отсюда. Китайцы натравят на тебя наших мужиков, а те жалеть не станут. Переломают тебе кости батогами, а после отсекут серпом башку. Будешь тогда знать, как стоять да глазами хлопать.

Упырь, будто что-то понял, повернул голову и посмотрел на просвет переулка.

– Вот-вот, – сказал Прошка и слегка поежился. Все-таки находиться рядом с упырем было страшновато. – Ты это... Ты делай что хошь, а я пойду, ладно?

Монстр снова перевел взгляд на Прошку. Он словно бы хотел что-то сказать, да не мог. Тогда Прошка крепче прижал к себе баранью ногу и, держа нож наготове и не спуская с упыря глаз, осторожно двинулся мимо него. Упырь не делал попыток напасть. Он стоял на месте и медленно поворачивал голову вслед за крадущимся вдоль стены парнем.

Отойдя на безопасное расстояние, Прошка остановился. Урод стоял на том же самом месте, что и прежде, и все так же смотрел на него. Прошка нахмурился.

– Дурак ты, упырь, – с досадой проговорил он. – Точно дурак. Погубят ведь тебя, нешто не понимаешь?

Пришелец из Гиблой чащобы продолжал молчать, глядя на Прошку своими грустными, тоскливыми глазами. И Прошка не выдержал.

– Ладно, – выдохнул он. – Попробую тебя вывести. Только слушаться меня, а не то нам обоим канты. Понял?

Упырь ничего не сказал, но веки его слегка дрогнули, будто он хотел вымолвить «да», но снова забыл, как это делается. Прошка осторожно подошел к упырю. Задумался на мгновение – не стащит ли упырь баранью ногу? – но вспомнил, что упыри не едят «мертвого мяса», и немного успокоился.

Положив украденную ногу на землю, Прошка снял кафтан и осторожно, готовый в любой миг отпрыгнуть, набросил его чудовищу на плечи. Затем поднял мясо, прижал его к себе левой рукой, а правой потихоньку повлек упыря к выходу из переуллка.

– Ногами-то бойчее шевели, – грубовато поторопил он. – Я тебя на себе волоочь не нанимался.

Проскользнуть через главную улицу незамеченными им не удалось. Дорогу преградил разъезд охоронцев – четыре всадника на рослых, упитанных конях.

– Кто такие? – хрипло окликнул Прошку и его мрачного спутника начальник разъезда.

Упырь вздрогнул под кафтаном, а Прошка повернулся к охоронцам так, чтобы они не увидели баранью ногу, и ответил:

– Свои мы. Я плотников сын. А это – мой старший брательник. Домой его веду.

Ратник взгляделся в лицо уроды, но сгустившиеся сумерки не позволили ему разглядеть монстра как следует.

– Пьяный, что ль?

Прошка кивнул:

– Ну!

– Видать, совсем твоему брательнику хреново, лица на нем нет.

– Ничего, не впервой. Проспится и будет как новенький.

– Ладно, идите.

Прошка отвернулся и потащил упыря прочь.

– Да шевели же ты копытами, – хрипло пробормотал он чудовищу на ухо, стараясь не дышать глубоко, чтобы не вдыхать странный и неприятный запах жженой травы, исходивший от упыря.

– Эй, парень! – снова окликнул Прошку начальник разъезда.

У Прошки упало сердце. Он остановился и, стараясь, чтобы голос не дрожал, отозвался:

– Чего еще?

– Китайцы сказывали, видели где-то тут упыря. Не встречал ли?

– Нет, дяденька, не встречал. Коли б встретил – живым бы уже не был.

– И то верно, – кивнул начальник. – Ну, ступай! И будь осторожен!

– Буду.

Прошка отвернулся и повлек упыря дальше.

До городской стены дошли быстро. Прошка мигом нашел лазейку, показал на нее упырю и сказал:

– Лезь в дыру и чеши в свой лес. И больше в город не суйся. В другой раз встречу – сам порешу.

Упырь стоял неподвижно и молча. Похоже, он вообще не соображал, что ему делать дальше.

– Н-да, – хмуро проговорил Прошка. – Знал я, что упыри тупые, но чтобы настолько...

Вдали послышался перестук копыт.

– Сюда едут! – взволнованно сказал Прошка. – Да не стой же ты на месте! Лезь в дыру, дубина!

Прошка толкнул уроды к дыре, а сам повернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь. Баранья нога все еще была при нем. Миновав рожицу кленов, Прошка зашагал дальше, когда позади послышался шорох. Ворёнок остановился и настороженно глянул на деревья.

– Эй! – тихо, но грозно окликнул он. – Эй, кто там?

Из-за дерева шагнула фигура. Упырь стоял в лунном свете, сутуловатый, неуклюжий, и выглядел совершенно потерянным. Прошка сплюнул на землю и с досадой проговорил:

– Увязался же ты на мою голову! Хуже бродячей собаки!

Прошка задумался. Бродить по городу с бараньей ногой смертельно опасно. Однако было совершенно ясно, что безмозглый упырь от него не отвяжется. Поразмыслив с минуту, Прошка в конце концов решил занести ногу в полуразрушенную избушку, которую самовольно занял месяц назад, спрятать ее в тайный ящик, который хранил в подполе, а

потом уже вывести глупого упыря в лес.

По пути к избушке упырь вел себя смирно. В избушку он долго не решался зайти, и кончилось все тем, что Прошка просто втолкнул его внутрь, ввалился сам и захлопнул дверь.

– Имей в виду, – пригрозил он упырю, – у меня кинжал из белого железа. Только дернись – вмиг отсеку башку!

Прошка отложил баранью ногу, а затем достал из кармана то, что должно было обеспечить ему сытую жизнь не на седмицу, как сворованное мясо, а на целый год вперед. Это была берестяная коробочка с бурой пылью.

Прошка таскал ее при себе уже три дня, но никак не мог найти порядочного перекупщика. Одни давали слишком малую цену, другие обещали много, но по их глазам Прошка ясно видел – заикнись он, что бурая пыль у него при себе, зарезали бы, не задумываясь.

Прошка положил тряпицу на стол и осторожно развернул ее. И вдруг случилось нечто настолько подлое и невероятное, что Прошка поначалу даже не поверил своим глазам. Упырь, бывший до сих пор смирнее битой собаки, вдруг подпрыгнул к столу, оттолкнул Прошку и ткнулся пакостной мордой в бурую пыль.

Прошка крепко выругался и изо всех сил врезал упырю кулаком по зубам. Упырь отшатнулся, но снова бросился к бурой пыли. Прошка снова ударил. И еще раз. Сбил упыря с лавки, выхватил из-за голенища нож и выставил перед собой.

– Только попробуй, гад! Порву!

Упырь поднялся на ноги и, облизываясь, как собака, отошел в угол. Прошка пригрозил ему ножом, а затем взглянул на размазанные по столу жалкие остатки бурой пыли.

– Вот гад! – закипая от гнева, воскликнул он. – Ты же ее слопал! Ты хоть знаешь, сколько она стоила, чучело?

На глаза Прошке навернулись слезы. Он поднял нож и свирепо посмотрел на упыря. Тот виновато заскулил в своем углу, однако Прошка заметил, что физиономия у него была довольная.

– Жрешь бурую пыль? – прорычал, забыв об осторожности, Прошка. – На кой ляд, а? Это же не мясо и не хлеб!

Упырь, тихонько поскуливая, вышел из своего угла, поднял руку и неуверенно прочертил в воздухе какой-то знак. В том месте, где он это сделал, появилось голубое туманное облачко.

– Ты чего? – хмуро спросил Прошка. – Чего делаешь?

Упырь опустил руку и уставился на облачко. И вдруг оно стало расти. Прошка вытаращил глаза и попятился. Облако было странное. Ростом с Прошку, но не округлое и пышное, а плоское, как блин или как щит. Огромный голубоватый блин, сотканный из голубоватой мерцающей дымки.

Прошка опасливо приблизился к голубому блину, шагнул в сторону и заглянул за него. Блин оказался еще тоньше, чем он предполагал. Пожалуй, не толще бересты. Прошка внимательно оглядел блин и сзади и спереди, затем взглянул на упыря и сурово спросил:

– Это чего? Зачем?

Урод глянул на него своими грустными собачьими глазами, но ничего не сказал. Тогда, поняв, что с безмозглым упырем разговаривать бесполезно, Прошка решил исследовать странное облако сам. Он вынул из-за голенища нож и поднес острое к мерцающей поверхности облака. Ничего не произошло. Тогда Прошка медленно и осторожно проткнул блин ножом. Рука не встретила сопротивления, и клинок утонул в мерцающем облаке больше чем наполовину.

Прошка вытянул шею и посмотрел с другой стороны, надеясь увидеть торчащий оттуда конец ножа, однако ничего не увидел. Нахмурившись, Прошка вынул клинок из облака и исследовал его взглядом. Ничего. Нож как нож.

Чудовище оскалило зубы и издало горлом жутковатый, булькающий звук. Прошка погрозил ему ножом и хмуро пригрозил:

– Посмейся мне еще! Вот сейчас возьму за шиворот и суну туда башкой!

Упырь стер ухмылку с рожи, и Прошка снова повернулся к облаку-блину. Постоял, подумал, а затем поднял руку и медленно протянул ее к мерцающей поверхности облака. Коснулся этой поверхности пальцем и тут же отдернул руку. Посмотрел на палец, но никаких изъянов не нашел. С пальцем все было в порядке.

Тогда Прошка решился сунуть в облако руку.

Сунул. Подержал. Заглянул за облако, надеясь увидеть свои пальцы с той стороны, но, как и было в случае с ножом, ничего не увидел. Прошка выдернул руку и осмотрел ее. Убедившись, что с ней все в порядке, ворёнок подошел к облаку вплотную, шепотом призвал на помощь богов Хорса и Семаргла, а затем решительно сунул в облако голову.

На мгновение Прошке показалось, что он ослеп от яркой вспышки, но в следующий миг зрение вернулось к нему, и он увидел нечто такое, отчего у него захватило дух.

Несколько мгновений воренок таращился вокруг с раскрытым ртом, а затем захлопнул рот, судорожно сглотнул слюну и хрипло прошептал:

– О, Боги... Этого не может быть.

Глава первая **Странник из далекой земли**

1

Невысокий, очень стройный юноша шел по Хлынъ-граду, беспрестанно оглядываясь по сторонам. Было заметно, что все увиденное юношей в новинку и в диковинку.

Кто-нибудь мог бы предположить, что юноша этот – сельский простак-отрок, которому родители впервые дали денег на посещение главного города княжества. Однако лицо юноши было совсем не простецким, а, напротив, суровым и сосредоточенным. Огромные серые глаза его глядели на все с умным спокойствием, а мягкие и припухлые, будто у девушки, губы были плотно сжаты, свидетельствуя если не о силе воли, то об упрямстве.

Одет юноша был в кожаную куртку, чуть похожую на охотничью, но необычного покроя. Всю ее сплошь покрывали карманы и кармашки. На плечах у юноши был короткий темный плащ, на ногах – кожаные мягкие сапоги с высокими голенищами, а на голове – шерстяная серая шапочка, надвинутая до самых бровей.

Протиснувшись сквозь толпу, собравшуюся на Сходной площади, юноша взошел на Сходный мост. Здесь шла бойкая торговля. На самых видных местах красовались лубочные картинки, печатанные на досках. Рядом лежали рукописные книги, сочиненные хлынскими и иноземными грамотеями. Какой-то артельщик торговался с книжником за сказку про красавца «Пленку Сурожанина», переложенную с фряжского.

– Дорого ты, дядя, просишь! – горячился артельщик. – За эти деньги я могу купить себе четверть пуда козьего сыра!

– Ну, так иди и купи, – не сдавался книжник. – Сыр что – съел его, и нету. А книгу сам прочтешь, деткам своим картинки покажешь, а после еще и соседям за полцены загонишь. Вот и думай, что выгоднее – сыр или книга!

Сероглазый юноша окончания спора ждать не стал, прошел мимо. Книжные лавки кончились, начались иные. Теперь на виду были развешаны сукна, сбруя, парча, позументы с бусами, канитель и кружево для обшивки сарафанов. Юноша то и дело останавливался и со сдержанным удивлением смотрел то на бусы, то на парчу.

После вещевых лавок пошли съестные. Здесь торговали рыбой, коровьим и свиным мясом, курами и перепелами. Юноша смотрел на развешанное на крюках мясо расширившимися от удивления глазами, и даже слегка приоткрыл рот. Казалось, он впервые видит столько ествы разом.

Чуть в стороне, прячась за лавками, стояли подкрашенные бабы. Они были пестро и вызывающе одеты, многие – заметно хмельные. Во рту у каждой было закусено по

серебряному колечку. У тех, что помоложе, с бирюзой, у прочих – с голубым или алым смазнем.

Юноша остановился и уставился на колечки. Пока он стоял, к торговкам этим то и дело подходили мужчины. Бабы же, проходя мимо, плевались и тихо ворчали:

– У, бесстыжие!

– Чтоб вам пусто было, лиходельницы!

Сероглазый юноша собрался идти дальше, но тут одна из молодых с колечком в зубах подошла к нему и заглянула ему в лицо.

– Купи колечко, парень! – с улыбкой процедила она сквозь зубы.

Юноша нахмурился и хотел пройти мимо, но молодка встала у него на пути.

– Купи, не пожалеешь!

Она выплюнула колечко в узкую ладонь и показала его юноше. Лукаво прищурилась:

– Так купишь?

– Мне не нужно, – угрюмо проговорил сероглазый юноша необычайно мягким и высоким голосом.

– Купи, не пожалеешь, – не унималась молодка, сверкая полоской белых зубов.

Юноша прищурил серые глаза, словно ему в голову пришла какая-то идея.

– Как дорого? – спросил он, вдруг заинтересовавшись.

Выговор у него был странный, не по-здешнему мягкий и слегка коверкающий слова. Молодка хихикнула.

– А тебе как – с хмельным сбитнем или насухо?

– А как лучше?

– Со сбитнем! Но так дороже.

– Что ж...

Юноша потянулся в карман, но девка отрицательно качнула головой и быстро сказала:

– С тебя четыре денежки, но рассчитаемся после. Ступай с площади в Ситный переулок. Но иди тише, а то не догоню.

– А Ситный – это который?

– Тот, что за красной избой.

– А где эта изба?

Молодка улыбнулась.

– В той стороне, куда солнце заходит.

Юноша кивнул, повернулся и зашагал в ту сторону, к которой склонялось солнце.

– А ну – разойдись! – громогласно гаркнул вдруг кто-то.

Толпа, ругаясь и матерясь, раздвинулась в стороны, и юноша увидел трех ряженных парней с потешными харями. У одного была козья харя, у второго – баранья, у третьего – свиная. Ряженные волокли на цепи черного медведя. Цепь была приделана к кольцу, а кольцо – продето сквозь нижнюю губу зверя.

Ряженные дудели в дудки и плясали, высоко задирая ноги, и по народу пробежала волна смеха и веселого говорка.

– Эй, скоморохи! – задорно крикнул кто-то. – Князь Добровол запретил играть в городе на дудках и свиристелках! Али не знаете?

– Пушай его запрещает! – весело крикнул в ответ один из скоморохов. – На губах сбубним!

Он сунул дудку в карман и принялся дудеть на губах, да так смешно и глупо, что народ покатился со смеху.

Один из мальчишек схватил с прилавка крынку с тертым хреном и с гоготом швырнул ее в морду медведю. Медведь резко дернулся в сторону, тряхнул головой, зарычал и вдруг сгреб лапами ближайшую бабу. Народ не сразу уразумел, что произошло, и опомнился лишь тогда, когда баба отчаянно заверещала в когтистых лапах мишки, а по косынке ее побежала кровь.

Скоморохи потащили медведя за цепку, но тот обернулся, выпустил бабу из лап и с

ревом бросился на скоморохов. Настигнув одного из них, он сшиб парня с ног и подмял его под себя.

Народ шатнулся в стороны. Кто-то завопил от страха, кто-то – от боли.

И тут сероглазый юноша проявил себя самым неожиданным образом. Вместо того чтобы броситься со всей толпой наутек, он подскочил к медведю и с силой ударил его ладонями по ушам. Затем, когда обескураженный мишка выпустил из пасти плечо скомороха, юноша схватил его за ошейник и резко рванул на себя. Опрокинув мишку на спину, юноша прыгнул ему на грудь, склонился к нему низко-низко и проворковал ему что-то на ухо на странном, курлыкающем языке.

Медведь замер, потом рыкнул и тряхнул огромной башкой – будто кивнул.

Юноша соскользнул с медведя и поднялся на ноги. Затем поправил на голове шерстяную шапочку и быстро зашагал прочь.

Народ пришел в движение, загудел. А несколько ратников, пробившись через толпу, уже набросились на медведя и принялись крутить ему лапы веревками.

2

Молодка нагнала парня сразу за красной избой. Подбежала, дернула за рукав, а когда он обернулся, блеснула зубами и спросила:

– Куда пойдём – ко мне или к тебе?

– Никуда, – ответил тот.

Девка удивленно и недоверчиво вскинула брови, затем огляделась по сторонам, чуть подалась вперед и уточнила:

– Ты чего? Хочешь прям здесь? Гляди – люди увидят, крик подымут!

Парень поморщился и проговорил сухим, неприветливым голосом:

– Не того хочу. Другого.

– Другого? – Девка нахмурилась. – Вообще-то, я *другого* не делаю. Но коли приплатишь ещё четыре денежки...

– Я плохо знаю город, – сказал вдруг парень. – И хочу, чтобы ты помогла мне найти нужный дом.

– Дом? – В глазах молодки мелькнуло недоверие. – Затем и позвал?

– Да, затем и позвал.

Молодка скользнула взглядом по ладной фигурке парня, по его нежному, словно у ребенка, лицу. Казалось, она разочарована.

– Какой же тебе нужен дом, парень? Ты скажи, я проведу.

– Дом дознавателя Крюка. Знаешь такой?

По лицу молодки пробежала тень, темные, подправленные углем брови съехались к узкой переносице.

– А тебе на что дознаватель? – спросила она.

– Нужен, раз говорю.

– Нужен, говоришь? – Молодка прищурила лукавые глаза, взгляделась в лицо юноши и вдруг нагло, с издевкой проговорила: – А иди-ка ты к лешему, щенок!

Затем повернулась и зашагала обратно к площади. Однако парень быстро нагнал ее, схватил за плечо и резко развернул.

– погоди!

– Сам годи, коли хочешь! А меня не трожь! – Девка дернула плечом. – А ну – пусти! Пусти, говорю!

Парень не отпустил, тогда молодка матюкнулась, махнула рукой и что было мочи двинула его кулаком по голове.

Шапка слетела с головы парня, но вместо того, чтобы бежать, молодка застыла на месте с открытым ртом. По плечам парня рассыпались длинные густые каштановые волосы. И вдруг все стало понятно и очевидно, настолько, что молодка даже удивилась – как это она не

поняла раньше?

– Так ты девка! – ахнула молодка.

Парень, оказавшийся девкой, поднял шапку с земли и поспешно натянул ее на голову. Молодка облегченно вздохнула. Потом улыбнулась и сказала:

– Теперь понятно, почему любви не захотел. А я уж подумала, что тебе не нравлюсь. Как тебя зовут?

Девка натянула шапку до глаз, подоткнула пальцами волосы, глянула на молодку суровым взглядом и нехотя ответила:

– Я зовусь Лесаною.

– А я – Милкою. Ты и правда хочешь, чтобы я отвела тебя к пыточным домам?

– Да.

– Но почему ты обратилась ко мне?

– Я ко многим обращалась. Никто не хочет идти к пыточным домам. Здесь это считается плохой приметой. Надеюсь, ты не веришь в дурацкие приметы?

Милка лукаво улыбнулась.

– Я верю во многие приметы, Лесана. Но еще больше я верю звону медных монеток. Доплати мне еще три денежки, и я отведу тебя хоть к лешему в берлогу.

Лесана недоверчиво посмотрела на Милку, затем достала из кармана куртки кошель, высыпала на ладонь несколько монеток и протянула их молодке.

– Держи.

Монетки перекочевали в узкую ладошку Милки. Вдруг она вытаращила глаза на что-то за спиной у Лесаны и испуганно вскрикнула:

– Гляди, чего это там!

Лесана быстро обернулась. Оглядела стены, кровли, окна домов, нахмурилась и снова повернулась к молодке.

– Я ничего не...

Милка опрометью неслась по переулку, зажав в руке деньги. Она знала, что бежит быстрее всех в городе, и всегда этим гордилась. Лагодка, подруга Милки, лучше всех дралась. Вторуша, другая подруга Милки, ловко крутила в пальцах ножик и могла порезать кого хошь. Милка плохо дралась и боялась ножа, зато бегала так, что за ней не смогли бы угнаться даже княжьи скороходы.

Ублажать парней – ремесло опасное. Парни часто входят в раж, могут и по зубам дать, а то и чего похуже. Да и бабы продажных молодок ненавидят. Любая норовит исподтишка локтем в бок двинуть. Тут, коли не умеешь за себя постоять или удрать от опасности, никак не выжить.

Однако на этот раз ноги Милку не спасли. До конца переулка оставалось всего полторы сажени, когда цепкая рука ухватила ее за волосы и швырнула к стене. Милка зашипела по-змеиному и попыталась царапнуть Лесану ногтями по лицу, но девка, переодетая парнем, ловко перехватила ее руку и сжала так сильно, что молодка вскрикнула.

– Не хватай, паскуда! – морщась от боли, выкрикнула она. – Убери грабли, говорю!

– Успокойся, – ледяным голосом приказала Лесана. – Угомонись, дура.

Милка поняла, что самой ей из беды не выпутаться и что пришло время звать на помощь дядьку Хвороста.

– Хворост! – закричала она так громко, что Лесана испуганно отшатнулась. – Дядька Хворост, помоги!

Звать пришлось недолго. Хворост, как всегда, появился в переулке будто бы ниоткуда. Только что его не было, и вот он стоит, заслоня собой полдома. Полукафтан плотно обтягивает толстые, как столбы, руки. Суконная шапка едва умещается на огромной голове. Рыжая борода такая густая, что в ней может свить гнездо цапли.

– Пошто молодку мою мнешь, паря? – прорычал Хворост, подступая к Лесане и гневно сверкая на нее глазищами.

Девка, переодетая парнем, глянула на верзилу хмурым взглядом и сказала:

– Я заплатил.

Дядька Хворост осклабился.

– Думаешь, коли заплатил, то можешь портить молодке морду?

Великан Хворост остановился в шаге от Лесаны, навис над ней скалой. Лесана скользнула взглядом по его толстому лицу и сухо произнесла:

– Прошу тебя, человек, не доставай меня.

– Что? – Глаза великана сузились. – Как ты меня назвал, щенок?

– Я назвал тебя человеком.

В глазах Хвороста полыхнул свирепый огонек, и тут он увидел, что в руке Лесаны появился длинный витой нож, каких в Хлынь-граде отродясь не ковали. На мгновение великан оторопел, но тут Милка крикнула:

– Хворост, не гляди на его ножик, этот парень – баба!

– Вон оно что! – верзила усмехнулся. – То-то, я смотрю, паренек ладненький да гладенький. Значит, ты девка? Ротик-то у тебя вкусный, я и отсюда вижу. Слышь-ка, красавица, а иди ко мне работать. Обижена не будешь. Из десяти заработанных денежек – три твои. Ну, и меня будешь ублажать, когда скажу. Соглашайся, милая.

Серые глаза Лесаны гневно сузились.

– Отвяжись от меня, орясина, – яростно проговорила она. – Отвяжись, пока я тебе бороду не подрезала.

Верзила побагровел.

– Ну, считай, сама напросилась!

Он с хрустом сжал пудовые кулаки и ринулся на Лесану. Милка, стоявшая в стороне, не сразу сообразила, что произошло. Сначала ей показалось, что здоровяк Хворост подмял девку под себя, но миг спустя она увидела, как он взлетел в воздух, кувыркнулся через голову и рухнул спиной на битые камни. С трудом поднявшись, он хотел врезать Лесане, но она увернулась от огромного кулака, перехватила его руку и резко вывернула ее. В руке у Хвороста что-то хрустнуло, и он громко застонал.

Лесана одной рукой схватила его бороду, задрала ее кверху и быстро срезала кинжалом – под самый подбородок.

– В другой раз сломаю тебе шею, Хворост. А сейчас... – Она, презрительно дернув губами, обронила: – Пошел вон.

Отшвырнув отрезанный кусок бороды, Лесана выпрямилась и повернулась к Хворосту спиной, будто забыла о его существовании. Милка видела, как дядька Хворост борется с желанием напасть на Лесану сзади. Казалось бы – чего проще? Сгрести девку руками да хорошенько сжать – косточки и полопаются. Но нет, не решился Хворост напасть на девку, не рискнул.

Не глядя на Милку, верзила повернулся, понурил голову и зашагал прочь из переулка.

3

Теперь Милка была по-настоящему напугана. Никогда прежде она не видела, чтобы кто-то смог побить дядьку Хвороста. А эта худосочная девка не только побила, но и срезала ему бороду под корень. Что же это такое делается в мире?

Всхлипнув, Милка затараторила:

– Забери у меня все деньги, но не заставляй идти к пыточному дому. Прошу тебя!

– Ты обещала мне, – сухо сказала Лесана. – И ты мне его покажешь.

– Ратники не любят, когда кто-то глазеет на пыточный дом или ходит возле. Нас с тобой схватят!

– Не схватят. Ну а схватят, так сами пожалеют. Пошли! – Лесана схватила молодку за шиворот и толкнула вперед. – Ступай самым ближним путем!

Делать нечего, Милка, шмыгая носом, поплелась по переулку к северной окраине города.

Шли они долго. Попадавшийся по пути народец провожал нарумяненную молодку и хмурого отрока сердитыми взглядами. Бабы плевались, мужики хохотали и отпускали скабрзные шуточки.

Лесана шла вперед легкой, невесомой походкой, не обращая внимания на шутки мужиков и кривившиеся физиономии баб. Ее лицо было спокойным и строгим, словно у человека, уверенного в своих силах и сосредоточившегося на нелегкой работе, которую надлежит как можно быстрее сделать.

Милка, морщась от усталости, едва плелась. Она была бы рада сбежать, но знала, что мерзкая девка догонит ее. Догонит и прибьет. Рассчитывать на то, что кто-нибудь заступится, не приходилось.

После получаса ходу Лесана и Милка пересекли пустырь, поросший тополями, перебрались через овражек, спугнув несколько бродячих псов, и вышли на неширокую тропку. Впереди маячили три больших дома, сложенных из старых, темных бревен. Каждый из домов был обнесен забором высотой в сажень.

Милка остановилась и перевела дух. Затем покосилась на Лесану и тихо сказала:

– Тот, что слева, первый пытошный дом. Там сидят княжьи дознаватели. Во втором – каты, которые растягивают узников на дыбе и ломают им кости. А третья, поменьше прочих двух, молодецкая. Там сидят ратники.

Милка шмыгнула носом, состроила жалобное лицо и спросила:

– Теперь ты отпустишь меня?

Лесана качнула головой.

– Нет.

Ресницы молодки дрогнули.

– Я ведь все тебе показала, – жалобным голосом проговорила она.

– Верно. Но ты мне еще понадобишься.

Милка хлюпнула носом, на глазах у нее заблестели слезы, но Лесана не обратила на это никакого внимания. Вместо того чтобы проявить сочувствие, переодетая парнем девка достала из кармашка сухую веточку травы и протянула ее Милке.

– Съешь это! – приказала она.

Милка испуганно заморгала.

– За... зачем?

– Съешь, говорю.

Делать было нечего, Милка взяла сухую веточку и положила на язык.

– Жуй! – приказала Лесана.

Милка нехотя разжевала. Тотчас по телу ее заструился холод. Милка открыла рот и зябко повела плечами – кожа ее начала коченеть, а в следующий миг молодка почувствовала, что у нее отнимаются ноги, и, вспотев от страха, медленно опустилась на землю.

– Ты... околдовала... меня... – непослушным голосом проговорила Милка, глядя на свою мучительницу расширившимися от ужаса глазами.

– Сиди здесь и не пытайся уползти, – велела Лесана.

Милка заплакала.

– Мои... ноги... – обливаясь слезами, всхлипнула она. – Я их... не чувствую... Что ты со мной сделала, гадина?

Лесана, не обращая внимания на слова Милки и больше не глядя в ее сторону, поправила на боку кинжал, повернулась и зашагала к дому дознавателей. Походка девушки была легкой и уверенной.

«Великие боги, сделайте так, чтобы эта гадина сдохла!» – взмолилась про себя Милка.

Лесана остановилась, глянула на молодку через плечо и с холодной насмешливостью проговорила:

– Дура. Если я сдохну, ты останешься лежать тут. И будешь лежать, пока тебя не объедят собаки. Молись своим богам, чтобы я вернулась!

Сказав так, Лесана отвернулась и зашагала дальше, а Милка уставилась ей вслед с

перекошенным от страданий, страха и изумления лицом.

Когда до забора оставалось несколько шагов, Лесана резко рванулась вперед, пробежала оставшееся расстояние бегом и вдруг высоко подпрыгнула. Издалека Милке показалось, что Лесана не коснулась заостренных концов забора ни руками, ни ногами, а просто перелетела через него, как петух перелетает через изгородь.

А Лесана, мягко приземлившись по другую сторону забора, услышала голоса приближающихся ратников и молниеносно отпрянула к стене дома. Подхватив рукою край плаща, она прикрыла им лицо и плотно вжалась спиной в стену пыточной избы. По плащу пробежала радужная волна, и вдруг он потемнел и стал неотличим цветом и фактурой от темных бревен дома.

Три охоронца в полном вооружении, тихо переговариваясь, прошли мимо. Один из них скользнул по вжавшейся в стену Лесане взглядом, но не заметил ничего подозрительного.

Когда охоронцы ушли, Лесана отвела плащ от лица, по удивительной ткани вновь пробежала радужная волна, и она снова стала обычным сукном.

4

День подходил к концу, и дознаватель Крюк чувствовал себя сильно умаявшимся. С утра он успел «обработать» четырех полонцев, причем двое из них оказались просто негнбаемыми малыши. Руки Крюка распухли от ударов, несмотря на то что перед каждым дознанием он аккуратно перевязывал их мягкой тряпицей.

Кожаный фартук Крюка был забрызган кровью. Дознаватель чувствовал, что и борода его испачкана чужой кровянкой, и от этого ему было слегка не по себе. Однако сил для того, чтобы встать и пройти к умывальнику, он не находил.

Сидя за столом, Крюк откинулся на спинку тяжелого дубового кресла и прикрыл глаза. Проклятая работа! С утра до вечера молоти кулаками да тверди одни и те же вопросы – по десять, а то и по сто раз кряду.

– Я для этого слишком стар, – хрипло пробормотал Крюк, поднял руки к лицу и потер пальцами усталые глаза.

И в этот миг тихий голос проговорил ему на ухо:

– Сиди, как сидишь, и останешься цел.

Крюк открыл глаза и увидел перед собой юное девичье лицо.

– Ты кто, милая?

– Кто я, тебя не касается. Я пришла сюда, чтобы задать тебе несколько вопросов. Как только ты ответишь на них, я уйду.

Крюк усмехнулся. Кем бы ни была эта девка, но, придя в пыточную, она поступила крайне глупо. Поразмыслив немного, Крюк решил не спешить. Развлечений в его работе было мало, и поэтому он хотел сполна насладиться этим скоморошьим спектаклем.

– Так говоришь, ты пришла, чтобы задать мне вопросы?

– Да.

– Гм... А что будет, коли я не стану на них отвечать?

– Ты сам знаешь.

– Будешь меня мучить?

– Буду.

Дознаватель усмехнулся.

– Я хорошо умею терпеть боль, милая. А ты – быстро устанешь. Твои руки слишком слабы, чтобы держать железные клещи. А кулаки твои слишком малы и нежны. – Облизнув губы и насмешливо посмотрев на девку, Крюк заговорил снова: – У тебя странный выговор, милая. Откуда ты явилась?

– Из далекой страны, названия которой ты не знаешь, – отчеканила Лесана.

– Одежда твоя тоже выглядит странно. Ты недавно у нас?

Лесана нахмурилась.

– Кажется, ты не понял, что я сказала. Спрашивать буду я. А ты будешь отвечать. Знаком ли тебе человек, которого все называют Первоходом?

– Ты говоришь про Глеба Первохода? – приподнял бровь дознаватель.

Лесана кивнула:

– Да.

– Когда-то я его знал. Но с той поры прошло так много времени, что я почти не помню его лица. – Крюк усмехнулся. – После моих дознаний лица у всех узников одинаковые. Синяки и ссадины уродуют их. Первые полчаса у них разные глаза, но через час или полтора и глаза становятся одинаковыми. В них нет ничего, кроме боли и мольбы.

– У Первохода были такие же глаза?

– Конечно. Хотя держался он долго. Гораздо дольше, чем остальные. Гиблое место сделало его сильным, но против моих молотков и клещей не устоит никто. Даже темная тварь.

– Ты сравниваешь Первохода с темной тварью? – удивилась Лесана.

Крюк усмехнулся.

– Только темная тварь может молча и бесстрастно смотреть на то, как ей вырывают ногти. Человек на это неспособен. Поверь мне – уж я-то знаю. Пока я прижигал его раскаленным железом, он не проронил ни звука. А когда я устал, он усмехнулся и сказал: «Ты хорошо знаешь свое дело, дознаватель. Но мне нечего тебе рассказать».

Крюк потянулся за кувшином с квасом. Лесана не стала ему препятствовать. Подождав, пока он хлебнет квасу и вытрет рукавом рот и бороду, она продолжила допрос:

– Я слышала, что у Первохода был огнестрельный посох. Где он сейчас?

Внезапно Крюку надоело отвечать, а в душе его стал подниматься гнев. Возможно, он слишком устал для глупых шутовских спектаклей. Будучи совершенно уверен в том, что сможет одним движением переломить наглой девчонке шею, он уж было поднял для этого руку, но под пристальным взглядом Лесаны тело Крюка обессилело, а руки налились такой тяжестью, будто их оплели железом.

«Что же это? – с испугом подумал дознаватель. – Что со мной происходит?»

Девка тем временем приблизила свое узкое лицо к его лицу, заглянула ему в глаза и сказала:

– Ты ведь знаешь про ольстру. Не упрямься и ответь мне.

Крюк вновь попытался поднять руки, но кисти его пронзила острая боль. «Колдунья!» – понял, наконец, дознаватель. Он застонал, с ненавистью посмотрел на девку и хрипло проговорил:

– Вижу, ты умеешь быть настойчивой. Ольстру Первохода охоронцы разбили о камни. Потом князь Добровол отдал ее кузнецу Вакару, чтобы тот склеил куски и заставил ольстру работать. Но у Вакара ничего не получилось. Да и не было больше в ольстре особой надобности. У князя есть отряд стрельцов, вооруженных мушкетами.

– Что такое мушкеты? – коротко спросила Лесана.

– Те же ольстры, только хуже. Стреляют не так часто и не так далеко. Да и весом раза в два потяжелей.

Лесана задумчиво нахмурилась и что-то прикинула в уме.

– Ты сказал, что кузнеца зовут Вакаром?

– Да.

– Он человек?

Крюк сдвинул косматые брови:

– Что за вопрос? Ты издеваешься надо мной?

– У Первохода при себе было что-нибудь?

– О чем ты?

– Я говорю о чудных вещах, которые вы приносите из Гиблого места. Были такие вещи у Первохода?

Крюк нахмурился, припоминая, потом отрицательно покачал головой и ответил:

– Нет.

– С кем дружил Первоход? Кому доверял свои тайны?

– С кем дружил? – Крюк хмыкнул. – Да ни с кем. Хотя... был у него вроде один приятель. Здоровенный парень по прозвищу Хлопоня. Или Хлопота... Точно уж и не вспомню.

– Куда увезли Первохода после пыток?

– В Морию.

– Что это?

– Самое страшное место на земле. Я бы мог много порассказать тебе о нем, но не стану.

– Почему?

Крюк прищурил темные глаза, прислушался к чему-то и вдруг иронично проговорил:

– Потому что нашему разговору пришел конец.

Лесана встревоженно вскинула голову и посмотрела на дверь. Из коридора доносились приглушенные голоса. Дознаватель Крюк облегченно вздохнул.

– Вот и все. Через пять минут мы с тобой поменяемся местами, милая. И поверь, я тоже умею задавать вопросы и получать на них ответы. Раскаленное железо тому порукой.

5

Лесана выхватила из-за пояса кинжал, и в этот момент дверь распахнулась, и в пыточную ввалились три охоронца. Завидев Лесану, они с лязгом вытянули из ножен мечи.

Лесана, выставив перед собой кинжал и глядя на охоронцев исподлобья, попятилась к стене. Дознаватель Крюк рассмеялся и весело взглянул на охоронцев, как бы призывая их посмеяться вместе, но те были серьезны и угрюмы. Бывалые воины, они по собственному опыту знали, что чем беспомощнее враг на вид, тем опаснее он может быть в бою. Змея тоже мала и лишена когтей, однако укус ее грозит смертью.

– Кто она? – спросил тот из охоронцев, который выглядел старше и чьи ножны были отделаны серебром.

– Просто девчонка, – хрипло ответил Крюк, осторожно разминая ожившие руки. С той секунды, как Лесана отвела от дознавателя взгляд, кровь вновь заструилась по его жилам и оцепенение стало проходить. – Но будьте с ней осторожнее. Похоже, она владеет каким-то колдовством.

Пожилой охоронец прищурил блекло-голубые, холодные и прозрачные, как замороженное стекло, глаза и сказал, обращаясь к Лесане:

– Ты не уйдешь от нас, милая. Убери кинжал, тогда мы не станем тебя сильно уродовать.

Лесана, ничего не отвечая и злобно сверкая на охоронцев глазами, сунула левую руку в карман куртки. Это движение не укрылось от охоронцев, и они приподняли мечи выше, готовые отразить внезапную атаку. И тут Лесана заговорила:

– Зря вы сюда пришли, – произнесла она своим странным голосом, чуть коверкая слова. – Теперь мне придется причинить вам зло. Одион! Двойчан! Тройчан! Заклинаю вас болотным духом и песьими жабрами – оборотитесь свиньями!

Лесана швырнула охоронцам в лица горсть измельченной сухой травы. Охоронцы отшатнулись, опустили мечи и зашлись сухим кашлем, похожим на лай, но вот лай этот стал звучать все выше и противнее и наконец обернулся визгливым свиным хрюканьем.

Воспользовавшись замешательством, дознаватель Крюк вскочил на ноги и ринулся вон из пыточной. Опустившись на корточки, охоронцы бросились Лесане в ноги, насели на нее своими рылами и едва не повалили на пол. Расшвыряв пинками двух охоронцев и перепрыгнув через третьего, Лесана выбежала в коридор и огляделась по сторонам в поисках удравшего дознавателя.

Крюка в коридоре уже не было, зато из-за угла вывернули новые охоронцы.

– Вот она! – крикнул один, указав на нее обнаженным мечом.

Пару мгновений Лесана стояла на месте, пытаясь выбрать наилучший образ действий. Она не боялась принять бой, но на то, чтобы заставить охоронцев хрюкать, ушло слишком много сил, восполнить которые Лесана еще не успела. Она повернулась и бросилась бежать.

– Держи ее! – раздался громкий крик.

– Держи ведьму!

Перед глазами у Лесаны промелькнула картинка из книги, виденная на Сходном мосту. Ведьма привязана к столбу, в ногах у нее пылает хворост, а пламя лижет бедра и лоснящийся от пота живот. Распущенные волосы ведьмы уже занялись огнем, и лицо ее, воздетое к небу, искажено лютой болью.

Воспоминание о картинке придало Лесане сил. Она быстро добежала до поворота, свернула за угол, а затем, не останавливаясь, подпрыгнула на стену и стала подниматься вверх по выпуклым кирпичам.

Сапоги преследователей грохотали совсем близко. Лесана быстро вскарабкалась на широкий подоконник.

– Вот она! – крикнули внизу охоронцы.

Кто-то метнул в нее копьё, и оно, просвистев у Лесаны над самым ухом, вылетело в окно. Лесана набрала полную грудь воздуха, будто собиралась нырять в воду, а потом резко выдохнула и прыгнула в окно.

Пролетев две сажени, отделяющие ее от земли, Лесана мягко, по-кошачьи, приземлилась на покрытый сухой травой пригорок, перекувыркнулась через голову и снова вскочила на ноги.

6

Милка успела отползти довольно далеко и отползла бы дальше, если бы ее не учуяли бродячие псы. Три здоровенных пса окружили молодку, отрезав ей путь к отступлению. Они стояли, оцетинив жесткие загривки и выжидая момент, чтобы наброситься на девку и перегрызть ей горло.

Услышав мягкую поступь Лесаны, псы оглянулись и угрожающе зарычали.

– Лесана! – слабым голосом окликнула Милка. – Лесана, помоги мне!

Один из псов прижал к голове уши и свирепо рявкнул на молодку.

– Лесана! – снова позвала Милка.

В руке приближающейся Лесаны блеснул кинжал.

Лесана нахмурилась и громко что-то проговорила на своем курлыкающем языке. Пес притих, поджал хвост, повернулся к Лесане облезлым боком и испуганно отпрыгнул в сторону. Второй громко зарычал, но тоже ретировался, а третий, самый рослый и крепкий, глянул Лесане в глаза и, угрожающе оскалив зубы, шагнул ей навстречу.

Он прыгнул на Лесану, но она не стала дожидаться, пока лапы зверя опрокинут ее на землю, а зубы вцепятся ей в шею – с воинственным криком бросилась псу навстречу, увернулась от лязгнувших клыков и с размаху вонзила в голое песье брюхо свой витой кинжал.

Пес высоко заскулил, а двое других повернулись и пустились наутек. Пнув подышающего зверя, Лесана нагнулась и тщательно вытерла клинок об траву, затем вложила его в ножны и взглянула на Милку.

Та лежала под кривым тополем ни жива ни мертва от страха и смотрела на Лесану широко распахнутыми, покрасневшими от слез глазами.

– Отпусти меня, – жалобно попросила она. – Отпусти, прошу...

– Отпущу, – сказала Лесана, доставая что-то из кармана куртки. – Но сперва ты расскажешь мне, как добраться до... – Лесана запнулась. Хмуро взглянула на Милку и уточнила: – Как называются избы, в которых подают хмельной мед и перебродивший березовый сок?

– Эти избы зовутся кружечными, – слабым голосом ответила Милка.

– Есть ли среди кружечных изб лучшая, или все равны?
– Лучшим считается кружало, которое держит Озар.
Лесана присела рядом с Милкой, грубо и бесцеремонно раскрыла ей губы и сунула в рот ароматную сухую веточку.
– Жуй и глотай. Ты отведешь меня туда, поняла?
Милка послушно разжевала веточку и хрипло спросила:
– А коли отведу, отпустишь?
Лесана отрицательно покачала головой.
– Нет.
На глаза молодки навернулись слезы.
– Почему?
– Мне придется переночевать в вашем городе. Ты отведешь меня в свою избу и дашь мне кров и пищу.
– Но я живу не одна, – слабо возразила молодка.
– Вот как?
– Да. Со мною живет мама.
– Тогда скажешь ей, что я твоя товарка. А теперь пошевели ногами.
Милка пошевелила и тут же почувствовала в онемевших ступнях легкое покалывание. Пальцы ожили, и это заставило молодку радостно улыбнуться.
– Я их чувствую! – тихо воскликнула она. – Я снова чувствую свои ноги!
– Конечно, чувствуешь. – Лесана выпрямилась и протянула Милке руку. – Прости, что так поступила с тобой. Хватайся за руку и попробуй встать. Сперва будет больно, но после расходишься.
Милка ухватила левой рукой за теплую ладонь Лесаны, а правой схватила с земли камень. Лесана, не заметив этого, подняла молодку на ноги, и в это мгновение Милка что есть мочи ударила Лесану камнем по голове.
Шапка слетела с головы девки, кровь из рваной раны широкой волной побежала по распустившимся каштановым волосам. Секунду Лесана стояла, изумленно глядя на молодку, а потом рухнула в траву.
– Вот так! – хрипло выдохнула Милка и отшвырнула камень в сторону.
Придя в себя, Милка обшарила карманы Лесаны. К ее удивлению, карманы эти были в основном набиты сухой травой. И все же счастье улыбнулось Милке – во внутреннем кармане куртки она нашла небольшой кошелек, а в нем – пару золотых, четыре серебряных и два десятка медных монеток.
Радости молодки не было границ. Таких деньжищ Милка не заработала бы и за полгода! Это стоило всех ее страданий и страхов.
– Великая мать Мокошь, благодарю тебя! – радостно воскликнула Милка.
Несколько секунд она задумчиво смотрела на скрючившуюся в траве Лесану, размышляя – стоит ли ее добить, или пускай подышает сама? Решила, что добивать не станет. Бродячие псы хорошо знают свое дело, и не стоит лишать их удовольствия перекусить дерзкой девке глотку и напиться свежей, горячей крови.

7

Порочный град, выстроенный много лет назад богатейшим купцом Бавой Прибытком, знавал разные времена. При Баве город процветал так, что слава о нем разнеслась далеко за пределы Хлынского княжества. А Бава был так богат и влиятелен, что даже князь опасался с ним связываться.

Потом Баву Прибытка убили. Кто убил, доподлинно неизвестно. Одни говорили, что это сделали темные твари, другие, что в мрачное царство Нави купцу помог переправиться Глеб Первоход. Единого мнения по этому поводу у народа не было.

Глеб Первоход в свое время был так же широко известен в княжестве, как Бава

Прибыток. Все знали, что Первоход – лучший из ходоков в Гиблое место, и уважали его безмерно. И если князь побаивался Бава Прибытка, то сам Бава Прибыток – и на этот счет ни у кого не было сомнений – побаивался Глеба Первохода.

Да и куда бы девался Бава Прибыток без Первохода? Нужны новые оборотни для боев? Пожалуйста! Первоход расставляет в Гиблом месте силки и ловушки и уже через пару дней привозит в Порочный град парочку матерых острозубых тварей.

Нужны красивые волколачьи самки для мужских утех? И с этим нет проблем. Первоход снова отправляется в Гиблое место и несколько дней спустя привозит Баве Прибытку новую смазливую самочку.

То же и с чудными вещами. Никто не нашел в Гиблом месте столько чудных вещей, сколько нашел их Глеб Первоход. Но жизнь – штука полосатая, и благоденствие не может длиться вечно. Пришло время и Баве Прибытку отправиться на посмертные луга, а на смену ему пришел Крысун Скоробогат. Тоже ничего себе был купец – оборотистый, ушлый, жестокий. Этот платил Глебу Первоходу за пойманных тварей не золотом, а серебром. Однако платил большой мерой, и у Глеба не было причин жаловаться.

Не сказать чтобы Глеб Первоход и Крысун Скоробогат были в восторге друг от друга, но общее коммерческое дело сплачивает людей крепче, чем дружба. И все бы хорошо, но попала Глебу Первоходу под хвост вожжа. Устроился он к княгине Наталье первым советником и насоветовал ей закрыть Порочный град.

Крысун Скоробогат, ясное дело, взбеленился и натравил на Первохода своих охоронцев. Зубаст был Крысун, но Первоход оказался еще зубастее.

Кончилось все совсем скверно. То ли от злобы, то ли еще от чего, превратился Крысун Скоробогат в темную тварь, и Первоход сделал с ним то, что делал с другими темными тварями. А уж о нелюбви Глеба к темным тварям знали все. А особенно – сами темные твари. Редко какая из тварей решалась встать у Первохода на пути. А из тех, что решились, не выжила ни одна.

Глеб Первоход убил Крысуна Скоробогата. Но прочие купцы и бояре сплотились против Первохода единым фронтом и убрали его со своего пути.

И зажил Порочный град прежней жизнью, с той лишь разницей, что верховодить и заправлять тут всем стал не какой-нибудь купец, а сам князь Добровол.

Вот и в этот день в Порочном граде было шумно да весело. В игровых избах гости проигрывали последние гроши, в блажных – нюхали и ели бурую пыль, в распутных – миловались с молодками, а в главном кружале – тарасились на сражения тварей, ставя на них серебряные и медные деньги.

На этот раз на помосте бились не оборотень с волколаком и не упырь с упырем. Бились тут матерый оборотень и громадный русоволосый богатырь.

– Хлопуша, вали его! – кричали из зала.

– Убей тварюку, парень!

– Сверни гадине шею!

Русоволосый здоровяк сдал оборотня в железных объятиях, но тот рывком выдернул голову и попытался вцепиться богатырю зубами в руку. Однако парень оказался быстрее – отдернул руку и ударил оборотня огромным кулаком промеж глаз.

Оборотень лязгнул зубами, и на миг глаза его помутились. Верзила тут же перевернул чудовище на брюхо, закинул ему за голову левую руку и сдал шею, а правой ухватил тварь за нижнюю челюсть и резко дернул его волосатую башку на себя. Раздался громкий хруст, и чудовище обмякло в лапах богатыря.

Хлопуша выхватил из ножен небольшой кинжал и добил оборотня двумя быстрыми, точными ударами в грудь. Затем оттолкнул тварь от себя и тяжело поднялся на ноги.

– Слава богатырю! – крикнули из зала.

– Слава!

– Слава!

– Слава!

Хлопуша помахал зрителям рукой, потом пригладил ладонью растрепавшиеся волосы и сошел с помоста. Пару минут спустя он уже стоял у стойки и, запрокинув голову, пил холодный квас.

Опустив кувшин и вытерев рот рукавом рубахи, богатырь взглянул на приказчика и пробасил:

– Сколько сегодня?

– Чуть меньше, чем на прошлой седмице, но тоже неплохо, – последовал ответ.

Приказчик отсчитал несколько серебряных монет и положил их на стойку перед верзилой.

– Что будешь делать с деньгами, здоровяк?

– Не твое дело, – проворчал верзила, сгребая монеты в карман.

Чернобородый приказчик примирительно улыбнулся:

– Не сердись. Я просто спросил. Когда тебя снова ждать не помосте?

– Не скоро.

– Чего так?

– Надоели волколачьи морды. И от оборотней давно с души воротит. Да и на твою морду глядеть большого желания нету.

Приказчик засмеялся.

– Ну, смотри. К молодкам-то поднимешься? У нас три новые девки, я берег их для тебя.

Здоровяк на секунду задумался: посмотрел, задрал голову, наверх, где были распутные комнаты, потом перевел взгляд на бочки с пивом и вином.

– Сперва напьюся, – решил он. – А после и до молодок твоих очередь дойдет.

– Силен ты, брат! – снова засмеялся чернобородый приказчик. – Что ж, будь по-твоему. Охоронцы держат твой стол, можешь проходить и садиться. Чего тебе принести – вина или пива?

– Сперва вина. Да не скупись, выбери кувшин побольше. И про закуски не забудь. Что у тебя сегодня?

– Петухи с пряной зеленью и утки с огурцами. Еще есть куриные пупки на меду. Щи. Капуста с брусникой. Рыжики соленые рубленые, с лучком. Блины с капустой и с икрой. Вяленая рыба...

– Тащи петуха и куриных пупков, – распорядился верзила. – И капусты с брусникой положи. Да, и блинов дай – десяток.

Приказчик повернулся к стоявшему тут же целовальнику.

– Все слышал, Кнут? Пошевеливайся, наш гость не любит ждать! – Он снова перевел взгляд на богатыря и с приветливой улыбкой сказал: – Ступай за стол, Хлопуша. Сейчас все будет.

Верзила кивнул и зашагал к своему столу. Там, впрочем, его уже ждал человек. Это был сухопарый, пожилой, жилистый мужичонка в дорогом, но сильно поношенном полукафтани. Завидев приближающегося здоровяка, он нахмурился и полез в сумку, которую держал на коленях.

Продвигаясь между столами, верзила кивал знакомым бражникам, а те провожали его хвалебными возгласами:

– Молодец, Хлопуша!

– Я в тебя верил, парень!

– Ты – лучший!

Наконец верзила добрался до своего стола.

– Видал, как я его? – пробасил он, усаживаясь за стол. – И пяти минут не прошло.

– Да, драка была знатная, – одобрил сухопарый. Он выложил на стол две склянки и чистую длинную тряпицу. Затем осмотрел грузную фигуру богатыря внимательным взглядом. – Плохо выглядишь, Хлопуша. Он тебя достал?

– Оборотень-то? – здоровяк усмехнулся и небрежно проговорил: – Один раз, да и то вскользь.

– Покажь.

Хлопуша положил на стол руку и неторопливо засучил рукав. На внутренней стороне предплечья багровели три неглубоких рубца. Сухопарый осмотрел рубцы и хмуро проговорил:

– Крови почти нет. Это плохо.

– Не страдай, – небрежно осадил его Хлопуша. – Делай свое дело, а об остальном я позабочусь сам.

Сухопарый лекарь протер рубцы водой из склянки, а затем густо смазал их мазью и перетянул сверху чистой тряпицей. Верзила опустил рукав и убрал руку со стола.

Тут как раз подоспел и разносчик. Выставил на стол два оловянных кубка, большой кувшин с охлажденным красным вином и блюдо с жареным петухом, золотистая корочка которого выглядела так аппетитно, что у лекаря тут же потекли слюнки. Рядом разносчик поставил плошку с горячими блинами.

Богатырь Хлопуша взял кувшин и разлил вино по кубкам. Затем пододвинул к лекарю один из кубков, а второй взял сам. Отхлебнув вина, лекарь подождал, пока Хлопуша, в своей обычной манере, сделает несколько больших глотков, а затем спросил:

– Ты точно выпил настойку рысьего корня?

– Да, – отозвался здоровяк и брякнул полупустой кубок на стол.

– Это хорошо. Не нравятся мне твои рубцы, Хлопуша. Крови-то почти нет.

– И чего?

– У оборотней кровь из царапин не сочится.

Хлопуша прищурился.

– Хочешь сказать, что я обращаюсь? – подозрительно спросил он.

Лекарь мотнул головой.

– Нет, не думаю. Но тебя так часто кусают, что кровь твоя не успевает очиститься. В ней слишком много яду.

Богатырь оторвал от петушиной тушки ногу и принялся с аппетитом смаковать ее.

– За меня не переживай, – прошамкал он с набитым ртом и подмигнул лекарю. – Такого медведя, как я, никакая болячка не свалит.

– Может быть, и так, – нехотя согласился лекарь. – Но не забывай про настойку из рысьего корня. Хоть раз забудешь – тут же превратишься в темную тварь.

Хлопуша запил жареное мясо красным вином, вытер мокрые губы рукавом рубахи и благодушно улыбнулся.

– Невелика беда, – пробасил он. – Буду бегать по чащобе и ловить людишек. Поди плохо?

Лекарь нахмурился и покачал головой.

– Нельзя быть таким легкомысленным, Хлопуша. Завязывал бы ты с этими боями, а?

– Я бы завязал, да не могу. Уж больно хорошо за них платят.

– Ты ведь толковый охотник. И охоронцем был неплохим. Надень кольчугу, возьми в руки булаву и зарабатывай, как другие богатыри.

Хлопуша усмехнулся.

– На большой дороге, что ли?

– Зачем же так? – нахмурился лекарь. – На княжьей службе. Такие бугаи, как ты, всегда нужны.

Верзила ухмыльнулся и качнул лохматой, русоволосой головой.

– Нет, брат. Пусть княжье поле распахивают кони, а медведю на шею ярмо не напялишь. Медведь – он житель лесной, он свободу любит.

И Хлопуша снова взялся за кувшин с вином.

После двух кувшинов вина Хлопуша слегка захмелел.

– Ты со мной не спорь, – выговаривал он притихшему и пугливо озирающемуся по сторонам лекарю. – Нешто это хорошо? Гофы торгуют, а мы воем. Купцы с иноземцами целуются да по рукам ударяют, а нашим оборотистым середнячкам деваться некуда. Вот и

скажи мне, умник: куда катится Хлынское княжество?

Богатырь говорил негромко, и стол их стоял в стороне от прочих, однако лекарь не на шутку разволновался. Пригнув голову к столу и испуганно глядя на здоровяка, он прошептал:

– Хлопуша, не гневи богов.

– Богов? – Здоровяк дернул щекой. – При чем тут боги? Тут не боги, тут бояре. Радимичей с их земель согнали? Согнали. Кривичей за непокорность выжгли вместе с домами, бабами и детьми? Выжгли. И какого лешего Первоход выдумал эти пушки да ядра? Знамо дело, теперь князь Добровол...

При упоминании княжьего имени лекарь вздрогнул, быстро схватил с плоски блин и сунул его Хлопуше в рот.

– Жуй да не болтай! – громким шепотом велел он.

– Да уж, – прочавкал, перемалывая блин, Хлопуша. – Одно только удовольствие у честного человека и осталось – набить себе брюхо. А что до нашего князя, то он...

Лекарь подхватил с плоски последний блин и впихнул его в рот здоровяку.

– Прошу тебя, Хлопуша: не поминай сего имени вслух, – взмолился лекарь. – У меня ведь дома малые детки. Договоришься до того, что останутся мои деточки сиротами.

Проходивший мимо стола пьяный бражник в богатом кафтане, такой же здоровый и широкоплечий, как Хлопуша, остановился и угрюмо уставился на Хлопушу.

– Чего сказал про князя Добровола? – грубо спросил он.

– Ступай мимо, – даже не посмотрев в его сторону, обронил Хлопуша.

Богатырь в богатом кафтане опустил кулаки на столешницу и пригнул голову. Мохнатые брови бугая съехались к переносице.

– Повтори, что сказал про князя! – потребовал он, свирепо вращая глазами.

Хлопуша небрежно глянул на бугая, затем поднял руку и резко ударил его кулаком по голове. Бугай пару секунд стоял, тупо глядя на Хлопушу, потом глаза его закатились под веки, и он тяжело рухнул на пол.

Несколько охоронцев подбежали к распростертому на полу верзиле, взяли его за руки и за ноги и отнесли прочь. А Хлопуша, как ни в чем не бывало, пододвинул к себе блюдо с куриными пупками и продолжил трапезу.

8

На улице стемнело. По городу кружил злой осенний ветер, по-волчьи завывая в трубах темных изб. Изредка в отдалении мычала корова или начинали лениво лаять псы. Легкий морозящий дождь шуршал в сухой листве, бойко сеял в колдобинах. Сквозь сумрак то там, то тут пробивался легкий, едва заметный отблеск костерка, а возле них стояли мужики и, грызя орешки, обсуждали дневные дела.

В то время как Хлопуша жевал куриные пупки, на постоялый двор Дулея Кривого пришел странный отрок. Одет он был, как охотник, а на боку у него висели ножны с кинжалом, однако лицо парня было совсем юное и безусое.

На голове отрока была шерстяная шапочка, натянутая до самых глаз. Ворот его охотничьей куртки был испачкан пятнышками крови, а сам юноша был бледен и выглядел сильно изможденным и почти больным.

– Кто тут у вас главный? – спросил он у суесящегося во дворе холопа.

– Известно кто – Дулей Кривой, – ответил тот. – Это его двор.

– Он сдает комнаты?

– Знамо дело, сдает.

– Где мне его найти?

– Войди в эту дверь да сверни направо. А там иди, пока не уткнешься носом в створы. За ними и сидит Дулей Кривой.

Парень поблагодарил и зашагал к двери, на которую указал холоп. Походка у парня

была сбивчивая, будто у пьяного. Холоп посмотрел парню вслед прищуренным взглядом, хмыкнул и осуждающе покачал головой.

Парень тем временем вошел в дверь, свернул направо и дошел до створ. Остановившись, он поднял руку и негромко постучал в дверь.

– Чего надо? – отозвался из-за двери хриплый голос.

– Хочу взять комнату на ночь, – сказал парень. – Сдашь?

Прошло несколько секунд, потом послышалась чья-то тяжелая поступь. Лязгнул замок, и дверь открылась. Парень увидел перед собой кряжистого, пузатого мужика с кривым глазом, одетого в грязную рубаху. От мужика разило брагой и чесноком. Окинув фигурку юноши подозрительным взглядом, Дулей Кривой потеснился и сказал:

– Ну, проходи.

Парень вошел в комнату и огляделся.

– Кто такой? – грубовато спросил его Дулей. – Откудова прибыл? Рассказывай про себя.

– А тебе зачем? – удивленно и недовольно спросил юноша.

Дулей ухмыльнулся жирными губами:

– Надо. А ну как ты мне дом спалишь?

– А коли будешь знать мое имя, так думаешь не спалю?

Дулей нахмурился.

– Больно умный, да? Вот послушай-ка забавку. Встретились как-то на торжке два мужика. Один другому молвит: «Вот у меня выросло яблоко – положил на лавку – сломалась лавка, такое большое!» А второй ему: «Это что. Я свое яблоко положил на стол – развалился стол!» А первый: «А у меня выросло яблоко, так я его положил на телегу…» – «И чего, – спрашивает второй. – Сломалась телега?» – «Да нет. Но вылез червяк и сожрал лошадь».

– И к чему это ты? – не понял парень.

– К тому, что сей постоялый двор – мое яблоко. И коли захочу, сожру тебя с потрохами. Так что говори – кто ты и откуда, или убирайся к лешему.

Юноша сдвинул брови и яростно блеснул глазами, однако от резкого слова воздержался и покорно проговорил:

– Меня зовут Лесан. Прибыл я сюда из северного Приморья. На княжью службу.

– На кня-яжью? – протянул Дулей, с насмешливым любопытством разглядывая паренька. – Это на какую же?

Несколько мгновений парень в упор глядел на Дулея, причем лицо его при этом делалось все бледнее, а глаза – все темнее. И вдруг резко вскинул руку и схватил хозяина постоялого двора костяшками пальцев за нос.

Дулей вскрикнул и хотел вырваться, но не тут-то было. Пальцы паренька, даром что по-мальчишески тонкие, держали крепко.

Из глаз Дулея брызнули слезы.

– Что ж ты делаешь, щенок... – простонал он, багровея от боли. – За что?

– За то, что задаешь слишком много вопросов, – отчеканил парень. – А теперь – повторяй за мной. Я не стану совать нос в чужое дело.

– Не стану... в дело... – обливаясь слезами, пробормотал Дулей.

– Клянусь Сварогом.

– Сварогом... клянусь... Клянусь!

– Молодец.

Парень разжал пальцы. Дулей дернулся назад, пропятился несколько шажков, споткнулся и рухнул на упитанную задницу. Юноша шагнул к нему и присел на корточки.

– Служба у меня тайная, – тихо сказал он, глядя Дулею в глаза своими серыми, холодными глазищами. – Ежели кому про меня расскажешь – придет тебе конец. Не порешу я – порешат княжьи охоронцы. Потому как я – ихний человек. Все ли понял?

На Дулее не было лица.

– Д-да... – проямлил он, пропотев от страха. Потом кивнул и горячо добавил: – Я все

понял, добрый господин! Твоя служба тайная, и я буду держать рот на замке. Прости, что не услужил тебе сразу, княжий человек.

Парень выпрямился и потребовал:

– Дай мне чего-нибудь поесть.

Хозяин постоялого двора поднялся на ноги и двинулся к шторке, огораживающей закут. Там он долго возился, а потом вернулся к юноше, держа в одной руке липовый жбанчик с перебродившим березовым соком, в котором плавало овсяное зерно, а в другой – творог с толченой коноплей и ржаным хлебом.

– Откушай, чем Сварог послал, – дружелюбно и заискивающе проговорил он, выставив на стол кушанье и выпивку.

Юноша уселся на лавку и стал молча есть. Ел он довольно долго, с чувством, с толком, с расстановкой. Все это время Дулей Кривой стоял рядом с угодливым, приветливым лицом, однако в душе у хозяина постоялого двора бушевала буря.

«Дожили, – думал он с тоскливой злобой. – Объявляется этакий вот безусый юнец и говорит, что он на княжьей службе. Может, и врет, да как проверишь? В последнее время каждый второй в городе – согладатай. Дурные времена... Ох, дурные».

Поев творога и попив березовицы, парень отодвинулся от стола, вытер рот рукавом куртки и небрежно спросил:

– Где тут у вас самая хорошая кружечная изба?

– Кружал у нас много, – ответил Дулей. – Но коли хочешь лучшее, ступай в «Три бурундука».

– «Три бурундука»? Это там верховодит Озар-целовальник?

– Верно, – кивнул Дулей и отхлебнул браги. – У него и пиво наваристей, и водка крепче. А уж коли жареный гусь, то размером с поросенка.

– Объяснишь мне, как туда пойти?

– Само собой. А тебе зачем?

Парень метнул на Дулея яростный взгляд, и тот поспешно отвел глаза.

– Прости, коли влез не в свое.

Юноша немного помолчал, а затем сказал:

– Мне нужен один человек. Когда-то он дружил с Глебом Первоходом.

Брови Дулея удивленно взлетели к плешивому лбу.

– Эвона как. У Первохода было мало друзей. Кто ж это такой? Скажи, может, я знаю и пособлю его найти.

– Я знаю лишь, что его зовут Хлопуша.

– Хлопуша? – Дулей отрицательно качнул головой. – Нет, не знаю. Погоди-ка... Уж не про Хлопушу ли ты говоришь?

– Может быть.

– Ежели тебе нужен Хлопуша, то в «Трех бурундуках» ты его не найдешь. Искать его нужно не здесь.

– А где же?

– Слышал я, что Хлопуша нынче днюет и ночует в Порочном граде.

– Порочный град? – Юноша нахмурился. – Я об нем слышал. Не там ли купцы пропивают и проигрывают исподнее, а волколаки дерутся с упырями на большом помосте?

– Там, – кивнул Дулей. – Это то самое место.

– Что ж там делает Хлопуша?

Дулей прищурил кривой глаз и хмыкнул:

– Да разное. Такому удалцу, как наш Хлопуша, всегда найдется дело.

Юноша несколько секунд сидел молча, обдумывая слова Дулея Кривого, затем сказал:

– Мне нужно попасть в Порочный град. И побыстрее. Как это удобнее сделать?

– Это смотря на чем поедешь, – ответил хозяин постоялого двора. – Ежели возьмешь телегу, то и за три часа не доберешься. А коли разыщешь резвого, сытого коня да срежешь путь по лесной тропке, то через полтора часа будешь там.

– У тебя есть такой конь? – сухо осведомился парень.
Дулей, поняв, что совершил ошибку, побагровел от волнения и замялся:
– М-м... Э-э...
– Снаряди его для меня, – приказал парень. – И расскажи, как сыскать тропку.
– На дворе темно, – робко и неуверенно проговорил Дулей. – А по лесу шарят темные твари.
– Ничего. С тварями я как-нибудь справлюсь. Ты, главное, снаряди коня да разъясни дорогу.
Дулей помолчал, раздумывая, как бы повежливее отговорить гостя, потом сказал:
– Коня снарядить – полдела. Но умеешь ли ты ездить верхом? Лошадки у меня норовистые, смирной ни одной нету.
– Об этом не беспокойся, – сухо ответил юноша. – Главное – снаряди.

* * *

Дулей, в черствой душе которого все еще клокотала обида, не удержался от подлости. Снарядил для молокососа самого норовистого коня, такого, на каком и сам боялся ездить. Ездить боялся, а продать не мог. Хорош был конь – статен, крепконог, быстр, как ветер, но из-за противного нраву никто не хотел с ним связываться. Даже за полцены не брали.

Когда подводил юнца к снаряженному коню, покосился на его хмурое лицо и едва удержался от усмешки.

– Ну, вот твой конь, Лесан. Конь хороший. Ты скажешь, что княжьим скакунам не чета, а все ж, на мой взгляд, ничуть не хуже. Ты только посмотри на него!

Юноша посмотрел, пожал плечами и небрежно проговорил:

– Да. Кажется, конь хороший.

– Не только конь, но и снаряжение! – улыбнулся Дулей. – Взгляни на попону и на седло. На таком седле и десятнику ездить не стыдно!

Юноша ничего на это не сказал. Он остановился перед конем и с некоторой опаской заглянул ему в глаза. Конь захрапел и загарцевал на месте, выдавая норов.

Дулей снова незаметно усмехнулся. «Ну, сейчас пойдет веселье», – подумал он. А вслух сказал:

– Что ж, коли готов, так не жди. Чем раньше поедешь, тем раньше вернешься.

– Да. Ты прав.

Юноша сунул ногу в стремя, взмыл вверх и ловко запрыгнул на спину коня. Конь забрыкал, пытаясь сбросить юного седока, но тот пригнулся и что-то закурлыкал на ухо коню на незнакомом языке. И чем больше он курлыкал, тем смирнее становился конь. И вот уже конь не прыгает, не брыкает и не дергается, а стоит на месте смирно, едва перебирая крепкими ногами и косясь на своего седока лиловым глазом.

«Чудеса да и только!» – ахнул Дулей.

А парень тем временем сунул руку в карман и что-то достал в ладони. Затем протянул ладонь и прижал ее к широким конским ноздрям. По лоснящейся шкуре коня пробежала дрожь.

– Но, пошел! – крикнул парень и легонько ударил коня пятками в бока.

И конь подчинился. Понес седока важно и бережно, будто всю жизнь смирно ходил под седлом. Легко перепорхнул через невысокую изгородь и поскакал по дороге, набирая скорость и унося своего седока все дальше от постоянного двора. А Дулею только и осталось, что стоять посреди двора с открытым от изумления ртом и смотреть ему вослед.

Съедено было много. Жареный петух, десятка два блинов, куриные пупки, капуста с брусникой – от всего этого осталась лишь гора объедков. А выпито было еще больше. Когда

Хлопуша наконец насытился и отвалился от стола, живот его выпирал так сильно, что богатырю пришлось ослабить перевязь на штанах.

– Силен же ты, Хлопуша, есть, – с уважением проговорил лекарь, который за эти два с небольшим часа съел всего лишь несколько блинов и выпил пару кубков красного вина. – В следующий раз нужно устроить иное сражение. Поставить перед тобой и перед голодным волколаком по огромному тазу с едой и поглядеть, кто из вас быстрее все это умнет.

Тут дверь кружала, обитая толстым слоем рогожи, открылась и впустила нового гостя. Это был невысокий, худощавый юноша с нежным, почти детским лицом. Огромные серые глаза быстро оглядели зал и остановились на Хлопуше.

Юноша устремился мимо стойки к столам.

– Эй, парень! – окликнул гостя целовальник.

Юноша остановился и, повернув голову, вопросительно взглянул на целовальника.

– Пустых столов нет, – сказал тот. – Но ты можешь посидеть на лавке у стойки и подождать. Чего тебе налить?

– Я не хочу пить, – сказал юноша, отвернулся и зашагал дальше.

Целовальник нахмурился и хотел осадить наглого юнца, но вдруг передумал. Пожав плечами, он взял в руки тряпку и провел ею по стойке с таким видом, словно говорил: «Да пошло оно все к лешему! Что мне, больше всех надо?»

Юноша тем временем дошел до стола, за которым сидели Хлопуша и лекарь. Усевшись самочинно на лавку, он окинул Хлопушу быстрым, внимательным взглядом, как гробовщик, прикидывающий по фигуре клиента размеры будущего изделия.

Хлопуша вскинул брови и, в свою очередь, тоже осмотрел юношу, однако во взгляде его было больше удивления, чем интереса.

– Ну? – спросил он. – И чего тебе надо, выюн?

– Ты Хлопуша? – выпалил вместо ответа парень.

Богатырь и лекарь переглянулись.

– Ну, допустим, – с кривой усмешкой отозвался Хлопуша. – А ты кто такой?

– Меня зовут Лесан, – представился парень. – Я прибыл сюда из северного Поморья.

Хлопуша прищурил голубые глаза и с подозрением произнес:

– Выговор твой мало похож на поморский. Что тебе от меня нужно, парень?

Юноша стрельнул взглядом в сторону лекаря и сухо проговорил:

– То, что я хочу сказать, касается только тебя, Хлопуша. Пусть твой приятель уйдет.

Лицо здоровяка вытянулось от удивления.

– Ты слышал? – с усмешкой спросил он, обращаясь к лекарю. – Этот мальчишка хочет, чтобы ты ушел. Забавный наглец, верно?

Лекарь, однако, не улыбнулся.

– Я думаю, этот мальчик и впрямь хочет сообщить тебе что-то важное, – сказал он. – И я не стану вам мешать.

Лекарь поднялся с лавки, но перед тем, как покинуть их, наклонился к уху здоровяка и быстро прошептал:

– Будь с этим мальчиком осторожнее. Уж слишком отчаянный у него вид.

Дождавшись, пока лекарь отойдет к стойке, Хлопуша в упор посмотрел на парня и сурово проронил:

– Ну?

Юноша сдвинул брови, чуть-чуть подался вперед и тихо проговорил:

– Я искал тебя, потому что ты – друг Глеба Первохода. Прежде чем я снова заговорю, ответь: не ошибся ли я на твой счет?

Хлопуша прищурил глаза, долго смотрел на парня, а затем небрежно заявил:

– Ты не ошибся. Первоход был моим другом.

Юноша удовлетворенно кивнул и сказал:

– Если это так, то ты – тот, кто мне нужен. Слышал я, что Первоход поссорился с князем Доброволом и тот выслал его из княжества. И что страшнее того места, где теперь

обитают Первоход, в мире не сыщешь. Так ли это?

По лицу здоровяка пробежала тень, но он ничего не сказал.

– Я также знаю, что место это называется Мория, – продолжил парень, спокойно глядя на Хлопушу. – И что о нем рассказывают много страшных вещей.

Хлопуша с хрустом сжал в пятерне оловянный кубок, превратив его в лепешку.

– Клянусь пятою лешего, если ты тотчас же не выложишь мне, что тебе нужно, я...

– Не сердись на меня, – прервал Лесан его рычание. – Я не хочу с тобой ссориться, богатырь. Расскажи мне про Первохода и про страшное место, в котором его держат. Я хочу знать то же, что знаешь ты.

Лицо Хлопуши, однако, осталось холодным и неприязненным.

– Ты, видно, дурак, если думаешь, что я стану перед тобой распинаться, – сердито произнес он. – Откуда ты вообще такой взялся?

– Я уже сказал тебе, что прибыл из...

К столу нетрезвой походкой подошел пожилой купчик с растрепанной, перепачканной медом бородой.

– Хлопуша, – сипло проговорил он, глядя на верзилу приятельским взглядом, – я поставил на тебя десять монет, как ты и велел. Это – твоя доля.

С этими словами купчик высыпал на стол несколько медных монет и пару серебряных резанок. Хлопуша сгреб деньги и, не считая, сунул их в карман.

– Когда снова выйдешь на помост? – поинтересовался купчик.

– Когда проем все деньги, которые выручил сегодня, – последовал ответ.

– Ну, тогда проедай их скорее. Без тебя здесь скучно. Ты – единственный человек, который не боится выйти на помост и задать оборотням жару.

Хлопнув здоровяка ладонью по плечу, купчик повернулся и нетвердой походкой побрел прочь.

Юноша пристально посмотрел на Хлопушу.

– Значит, ты дерешься с темными тварями за деньги? – спросил он.

Богатырь глянул на паренька холодным взглядом и небрежно обронил:

– А тебе-то что за дело?

Юноша посмотрел на огромные пятерни Хлопуши, перевел взгляд на его широченные плечи, затем сказал:

– Твои руки мощнее медвежьих лап. А твоя шея толщиной напоминает бычью. Есть ли в Хлынском княжестве человек сильнее тебя?

Хлопуша слегка порозовел от приятных слов и, хмыкнув, проговорил:

– Не знаю, зачем ты спрашиваешь, парень, но во всем княжестве не найти человека, который одолел бы меня в драке.

– Значит, тебе нет равного?

Хлопуша кивнул:

– Нет.

– Позволю себе усомниться в твоих словах, – сильно повысив голос, заявил юноша.

Голос его прозвенел столь звонко, что бражники, сидевшие за ближайшими столами, вскинули головы и удивленно на него уставились. Хлопуша, предвидя какую-то хитрость, нахмурился.

– Что ты хочешь сказать, щенок? – недовольно спросил он.

– Ты способен одолеть в бою оборотня и волколака. Это отрадно. Сделаешь то же со мной – отдам тебе это!

Юноша положил на стол большой яхонтовый камушек и воззрился на Хлопушу.

– Ты хочешь со мной драться? – не поверил своим ушам богатырь.

Парень кивнул.

– Да! И ежели я тебя одолею, ты поможешь мне найти Глеба Первохода. Как тебе такой уговор?

Хлопуша ощерил в усмешке крупные, крепкие зубы.

– Я могу перешибить тебе хребет одним пальцем, – сказал он.

– Попробуй!

Хлопуша не собирался драться с тощим отроком, однако тут он заметил, что бражники за соседними столами смотрят на них. Парень говорил так громко, что они слышали его слова и теперь с любопытством ожидали развязки спора.

Хлопуша вновь перевел взгляд на парня.

– Я не хочу с тобою драться, малыш. Чести мне это не принесет, славы – тоже. А коли я невзначай зашибу тебя, люди объявят меня лютым зверем.

– Значит, ты боишься со мной биться? – юноша усмехнулся. – Вот уж не думал, что такие большие парни бывают такими трусами.

Хлопуша побагровел.

– Ты назвал меня...

– Что, Хлопуша! – крикнул кто-то из бражников. – Боязно биться с мальчишкой?

– Боишься, что он захлопает тебя ладошками?

Бражники загоготали. Хлопуша побагровел еще сильнее. Теперь уж во взгляде, которым он смотрел на парня, не было ни насмешки, ни жалости.

– Ладно! – прорычал здоровяк. – Идем на помост, птенец! Крепко бить я тебя не стану, но вежливости научу!

10

Зал наполнился гулом и рокотом голосов. Бражники делали ставки, но не на победу юноши, а на то, сколько мгновений или минут он устоит на ногах. Все сходились на том, что юноша строен и ловок и что, прежде чем Хлопуша выбросит его с помоста, дерзкий юнец вполне успеет покружить да попрыгать вокруг него секунд десять. А ежели повезет, то и все двадцать.

Когда ставки были сделаны, оба бойца взошли на деревянный помост. Страшен был сей помост, доски его были темны, но не от времени, а от впитавшейся в него крови. А уж пахло от этих досок так, что даже самые непритязательные бражники морщили носы. Это был запах самой смерти, и замыть его не было никакой возможности.

Встав друг против друга, драчуны замерли в ожидании сигнала. Смотрелись они рядом довольно комично. Один – огромный, широкоплечий, мощный, как лось. Второй – на две головы ниже, весь гибкий, ломкий, с лицом отрочески нежным и с глазами огромными, словно у девки.

Перед самым сигналом юноша натянул свою шерстяную шапочку на самые брови и встал в боевую стойку, сжав руки в кулаки и выставив их перед собой.

– Начали! – крикнул от своего стола приказчик и ударил в бубен.

Противники ринулись друг на друга. Богатырь хотел схватить юнца за кушак и швырнуть спиной на помост, как не раз делал с упырями, но парень ловко увернулся от его растопыренных лап, забежал здоровяку за спину и несколько раз ударил его кулаками по пояснице.

Хлопуша резко развернулся и снова попытался схватить юнца, но тот вновь увернулся, а уворачиваясь, сумел перехватить руку богатыря и резко дернуть ее вперед. И вдруг случилось чудо: Хлопуша, огромный, тяжелый, мощный, как медведь, перекувыркнулся через голову и грохнулся спиной о доски помоста.

По залу пронесся вздох, сменившийся недоуменным ропотом. Тем временем юноша отскочил в сторону и снова встал в стойку, очевидно, не желая бить лежащего и давая Хлопуше время подняться на ноги.

Богатырь вскочил и тут же снова бросился в атаку. На этот раз он рассвирепел по-настоящему. Он уже не пытался схватить противника руками, а просто ударил его кулаком в голову, намереваясь выбить из дерзкого юнца дух. Однако огромный кулак Хлопуши провалился в пустоту, а юноша вновь оказался у него за спиной.

Богатырь развернулся, взревел, как зверь, и снова понесся на юношу с кулаками, но ловкий юнец быстро шагнул в сторону и подставил здоровяку ногу. Хлопуша споткнулся об выставленную ногу и рухнул на помост животом, больно стукнувшись об деревянный настил подбородком.

Юнец же не отошел, как сделал это в прошлый раз, а прыгнул Хлопуше на хребет, схватил правую руку богатыря и заломил ее Хлопуше за спину. Хлопуша застонал, по его покрасневшему лбу градом побежал пот.

Парень склонился над Хлопушей и тихо произнес:

– Сдавайся, – и надавил на заломленную руку чуть сильнее.

Богатырь поморщился от боли и, повернув голову, глянул на паренька налитым кровью глазом.

– Не позорь меня, отрок... – хрипло проговорил он. – Прошу... Я сделаю, как ты скажешь.

– Поклянись! – потребовал юноша.

– Клянусь Хорсом и Семарглом, – прохрипел Хлопуша.

– Хорошо.

И парень ослабил хватку. Хлопуша тут же вырвал руку и вскочил на ноги, а юноша опрокинулся на помост. Встать он не успел – Хлопуша нагнулся, сгреб его за пояс и шею и, резко выпрямившись, поднял над головой.

По залу прокатился рокот восторга.

– Прибей его, Хлопуша! – крикнул кто-то.

– Раздави клопа! – поддержал второй.

– Сломай его спину! – завопил третий.

Хлопуша несколько мгновений держал парня над головой, а потом со зверской усмешкой швырнул его на большую кучу опилок, которыми присыпали после сражений окровавленные доски.

Парень рухнул на кучу, попробовал встать, но силы покинули его, лицо снова ткнулось в опилки, и он затих.

Двое охоронцев подошли к юноше, схватили его за плечи и рывком подняли на ноги.

– Ну что, парень, против силы-то не попрешь, верно? – насмешливо спросил один.

А второй прибавил:

– Плеть ловка, но дуб не перешибет. Не на того ты дернулся, щенок.

Охоронец хотел дать парню подзатыльник, но Хлопуша перехватил его руку.

– А ну – не трожь! – взревел он. – Этот отрок отныне – мой друг! Он не побоялся выступить против меня, и честь и хвала ему за это!

– Честь и хвала отроку! – подхватили несколько голосов.

Хлопуша засмеялся, обнял парня лапшей за плечи и повел его к своему столу.

– Я твой должник, – шепнул он юноше на ухо. – Идем за мой стол.

Тот усмехнулся окровавленными губами и коротко кивнул.

11

– Прости, я забыл, как тебя зовут.

– Лесан.

– Лесан, хочешь чего-нибудь поесть?

Юноша отрицательно покачал головой.

– Нет. Я уже поел на постоялом дворе.

Хлопуша приподнял бровь.

– Так ты остановился на постоялом дворе?

– Да. У Дулея Кривого.

Богатырь усмехнулся.

– Дулей – мужик ушлый и жадный. Небось, ободрал тебя как липку?

Парень отрицательно мотнул головой:

– Не думаю.

Хлопуша прищурился.

– Ну да, – насмешливо произнес он. – Должно быть, ты и ему закрутил руку за спину. Где ты научился так хорошо драться, Лесан?

– Там, откуда я пришел, – уклончиво ответил юноша.

– В твоей стране все юноши умеют это?

– Не думаю, – снова сказал Лесан.

Хлопуша подал знак разносчику, тот кивнул, и не прошло и минуты – как на столе появился кувшин с вином и два чистых кубка.

– Не хочешь есть, так хотя бы выпей со мной, – предложил Хлопуша.

Однако парень нахмурился и твердо заявил:

– Я не пью хмельного.

– Что ж, дело твое. А я выпью.

Хлопуша доверху наполнил свой кубок вином и поднес его ко рту. Юноша терпеливо подождал, пока тот отопьет несколько глотков, потом сказал:

– Ты поклялся помочь мне, помнишь?

– Конечно. – Хлопуша вытер губы рукавом рубахи и добродушно поглядел на паренька. Будучи добрым и незлобивым человеком, здоровяк уже позабыл про то, что парень едва его не унизил, зато хорошо помнил, как ловко тот дрался, и уважал в малыше сильного и храброго противника. – Так что тебе нужно, Лесан?

– Кажется, я уже сказал тебе, что ищу Глеба Первохода. Он необходим мне, и я не успокоюсь, пока его не найду.

– Гм... – Хлопуша нахмурился. – Не в добрый час ты взялся его разыскивать. Первохода давно тут нет.

– Знаю. Первохода схватили люди князя Добровола и отвезли в Морию. Но что такое эта Мория? И как мне туда добраться?

Хлопуша помолчал, хмуря брови, а затем негромко проговорил:

– Про Морию говорят мало. Известно лишь, что это самое жуткое место на земле. Столь жуткое, что и представить нельзя. Поговаривают, в месте том полно чудовищ, похожих на крыс, и они каждый день грызут узнику печень, а ввечеру раны ему поливают мертвой водою, и они затягиваются. А с утра крысы начинают все сызнова.

– Ты знаешь, где это? – спросил парень.

Хлопуша вздохнул и покачал головой.

– Нет. Но я знаю того, кто знает.

– Отлично! Отведи меня к этому человеку, и ты мне больше ничего не должен!

Здоровяк отхлебнул вина, мрачно посмотрел на юношу и пробасил:

– Ты сказал, что хочешь найти Первохода. Но не сказал, зачем он тебе.

– А ты поклялся помочь мне – помнишь?

– Я все помню. Но Первоход – мой друг. Что, если ты ищешь его, чтобы убить? С тех пор как на трон сел Добровол, княжество кишит наемными убийцами.

Серые глаза паренька сверкнули.

– Я не убийца, – быстро проговорил он. – А Первохода я ищу, потому что... Потому что он нужен мне для дела.

– Для какого дела?

Парень молчал, опустив голову и хмуро поглядывая на Хлопушу исподлобья.

– Ну же, – подначил его здоровяк. – Если ты все мне расскажешь, от этого никому не будет плохо.

Юноша задумчиво подвигал тонкими, как стрелки, бровями, потом разомкнул губы и тихо произнес:

– Он может нас спасти.

– Спасти?

Парень кивнул:

– Да. Меня и мое племя.

– От кого?

Еще пару мгновений юноша молчал, словно набирался решимости, а затем выдохнул:

– От гончих смерти.

12

– Кто там? – отозвался из-за двери глуховатый голос.

– Это я, Хлопуша! – крикнул в ответ здоровяк. – Отвори дверь, Дягиль!

Последовала недолгая пауза, после которой голос из-за двери спросил:

– Зачем пришел?

– Есть разговор! Открой, чтобы я не кричал через дверь!

Лязгнул засов, и тяжелая дверь открылась. На пороге стоял высокий худощавый мужчина, одетый в изъеденный молью шерстяной подстёг, какие обычно носили под кольчугой ратники.

Выглядел мужчина жутковато. Все его лицо, безбородое и безбровое, было покрыто шрамами от ожогов, а вместо глаз на пришедших смотрели две багровые дыры.

Слепец приподнял лицо, осторожно понюхал воздух, а затем сказал:

– Кого это ты привел ко мне, здоровяк? Я чую запах юности.

– Ты прав, – отозвался Хлопуша. – Я привел с собой юношу, и этот юноша – мой друг. Его зовут Лесан.

– Вот как? – Слепец усмехнулся узкими, сожженными губами. – Надеюсь, ты не ошибся на его счет, потому что я чую и другой запах. И это запах смерти.

Хлопуша криво ухмыльнулся и пробасил:

– Может быть, тыпустишь нас, и мы обсудим это за столом?

Некоторое время слепец стоял молча, будто не знал, на что решиться, а потом шагнул в сторону и выдохнул:

– Входите.

Хлопуша пропустил юношу вперед, а затем вошел и сам. Слепец закрыл за ними дверь и опустил засов на скобы.

– Дягиль ослеп год назад, – тихо сказал Лесану богатырь. – Ему в лицо плеснули земляной кровью, а потом ткнули факелом.

– Кто?

– Беглые узники. Дягиль был охоронцем на службе у князя. Он сторожил клетки с полонцами, а когда кто-нибудь из них принимался шалить или кричать, входил в клетку и наказывал буйного полонца плетью и палками. Все узники ненавидели его и мечтали ему отомстить. У двоих это получилось.

– Ты дружишь с княжьем охоронцем? – удивился парень.

– Он неплохой человек, – добродушно ответил Хлопуша. – Просто ему не повезло.

– Не оправдывай меня перед этим юнцом, – сипло заговорил Дягиль у Хлопуши за спиной. – Каждый из нас сам выбирает свою судьбу, и я получил по заслугам. Проходите к столу. Из ествы у меня есть только краюха черного хлеба и две чесночные головки, так что не обессудьте.

– Мы не голодны, – пробасил Хлопуша. – Но холодной водицы я бы попил с удовольствием.

Дягиль проводил гостей в горницу и усадил за стол, а сам пошел за водой. Обстановка в доме была бедная, если не сказать – убогая. Стол, две лавки да кривоногая скамья – вот и вся мебель. Возле печи неровной грудой лежали дрова, однако сама печь не топилась.

– Я слышал, что князь платит своим охоронцам хорошую пенсию, – тихо сказал парень. – Почему Дягиль так бедно живет?

Хлопуша нахмурился и со вздохом ответил:

– Дягиль упустил узников. За это князь приказал побить его палками и вышвырнуть на улицу, лишив всех привилегий. Пока он отлеживался после побоев и ожогов, охранцы вынесли из его избы все, что он заработал за десять лет честной службы.

– Чем же он живет?

– Тем же, чем и другие калики. Побирается у капищ.

– Хватит болтать! – Дягиль поставил на стол деревянный, тронутый гнилью ковш с холодной водой. – Просил водицы – пей!

Хлопуша взял ковш и вежливо отхлебнул.

– Хороша у тебя водица, – похвалил он. – Всем бы такую.

Дягиль невесело усмехнулся.

– Это все, что у меня осталось. Обобрав мою избу, десятник приказал своим ратникам швырнуть в мой колодец дохлую собаку. Но те пожалели слепца и ослушались приказа.

– Мир не без добрых людей, – деловито высказался Хлопуша.

– Да уж, – хмыкнул слепец. – Ну? Так что у вас ко мне за дело?

Хлопуша и его юный спутник переглянулись.

– Дело у нас к тебе, Дягиль, вот какое. Когда-то ты был так хорош, что княгиня отправила тебя охранять тайное узилище под названием Мория. Было ли такое?

По обезображенному ожогами лицу калики пробежала тень.

– Ну, было, – неохотно ответил он. – Однако вспоминать мне об этом не хочется.

– И все же я попрошу тебя вспомнить, Дягиль. Расскажи нам про Морию. Спрашиваем про то не ради праздного интереса.

С этими словами Хлопуша положил на стол горстку медных денег. Дягиль прислушался к звону монеток, усмехнулся и сказал:

– Я вижу, ты умеешь просить, здоровяк. Что ж, я расскажу. Хоть мне и неприятно об этом вспоминать. Мория – это каменная темница. Расположена она на большом острове. А остров тот – на стрелке огромной реки, которая в разлив подобна морю. Называется та река Волхов.

– Волхов?

Слепец кивнул:

– Да. Места те славятся своими волхвами. А волхвы ведут свое знание от северных друидов, которые много сотен лет тому назад пришли на берега реки и основали там свои поселения. Земли там дикие и ничьи. Степняки туда не суются, потому что их коням не пройти через лес-глушняк. Волхвы живут вольготно. Они в дружбе с лесными людьми, те их уважают за премудрость и почитают чуть ли не богами.

Слепец сделал паузу, усмехнулся своим мыслям и продолжил:

– Князь Добровол волхвов не трогает, потому как состоят они у него на честной службе. Предсказывают судьбу, помогают советами, но более ценны тем, что приносят ему камни-самоцветы. Малахит, аметист, бирюза – все, что находят в своих непролазных лесах.

– И чем же он им платит за эту службу?

– Морией. Эта темница и есть его плата. Волхвы – чародеи. Они могут ворочать бревна одною лишь силою взгляда, но силы их безграничны. Чтобы волхвовать, им потребна постоянная подпитка.

– Князь привозит им еству?

Дягиль отрицательно покачал головой.

– Нет. Волхвы питаются человеческими страхами. Черпают их из кошмарных снов.

– А где ж они...

«А где ж они берут эти кошмарные сны?» – хотел было спросить Хлопуша, но вдруг осекся и побледнел. Он все понял.

– Ты хочешь сказать, что пищей волхвам служат кошмарные сны, которые видят узники Мории?

Дягиль кивнул безобразной головой и коротко ответил:

– Да.

– Никогда не слыхивал о таких чудесах.
– На свете много чудес, о которых ты не слыхивал, – заверил слепец. – Это – одно из них.

– Но почему говорят, что из Мории невозможно убежать?

– Потому что охраняют узилище не только люди, но и волхвы. Стоит кому-то без спросу переступить границу их владений, как непрошенный гость тут же превращается в прах!

– Это все сказки, – неуверенно проговорил Хлопуша.

– Сказки? – Дягиль прищурил выжженные глазницы. – Ты там был?

– Нет, – вынужден был признать Хлопуша.

– Тогда не говори, чего не знаешь. Я охранял Морию полгода. И за эти полгода натерпелся столько страхов, что иному хватит на всю жизнь.

Хлопуша нахмурился, но тут заговорил юноша:

– Дягиль, ты сказал, что узники Мории видят кошмарные сны. Откуда же берутся эти сны?

– Их посылают сами волхвы, – сухо ответил слепец.

Здоровяк и юноша переглянулись. Хлопуша еще больше нахмурился и спросил:

– Как волхвы это делают?

– Этого я не знаю, – отчеканил Дягиль.

– Гм... – Хлопуша поскреб пальцами нос. – Это пострашнее крыс, которые выедают тебе печень. Я не боюсь ничего на свете... Но кошмаров – боюсь.

На этот раз Дягиль не усмехнулся. Напротив, его обезображенное шрамами лицо как-то неприятно и тревожно дернулось.

– Зачем вам знать про Морию? – сипло спросил он. – На кой леший она вам сдалась?

– Один мой друг томится в Мории, – ответил Хлопуша, сжав руки в кулаки. – Давно. Счет пошел на годы.

– Ты говоришь о Глебе Первоходе? – уточнил слепец.

– Да. – Кулаки богатыря сжались так сильно, что костяшки его толстых пальцев побелели. – Лучше бы я не знал того, что ты мне только что рассказал, Дягиль.

Бывший охоронец качнул страшной головой.

– Я не рассказал тебе и сотой доли того, что знаю о Мории. Воистину, лучше принять мучительную смерть, чем попасть туда.

Хлопуша хотел что-то сказать, но юноша его опередил. Вперив взгляд в слепца и подавшись вперед, он порывисто проговорил:

– Возможно ли спасти узника, попавшего в Морию?

– Ты хочешь вытащить Первохода? – удивился Дягиль.

Юноша сдвинул брови и сухо ему ответил:

– Первоход нужен мне. И если придется отправиться за ним в ад, я отправлюсь в ад.

Дягиль едва заметно усмехнулся.

– Я никогда не был в аду, но думаю, что Мория ничуть не лучше. А за Первоходом тебе идти не следует. Даже если ходок жив, он уже не тот, каким был прежде.

– Что ты имеешь в виду, охоронец?

Слепец посмотрел на юношу пустыми, обезображенными огнем глазницами и сказал:

– Редко кому из узников Мории удастся сохранить рассудок. Большую часть дня и ночи узники спят, усыпленные дурманящими травами. И все это время им снятся кошмары. Выход из этого один – смерть. Но смерть не спешит за ними. Волхвы поддерживают силы узников с помощью целебных трав и чудодейственных заклинаний.

– Ты сказал, что волхвы питаются их кошмарами?

Дягиль кивнул:

– Верно. И я не советую тебе туда соваться. Даже если ты сумеешь пробраться на остров, ты все равно умрешь. Не раньше, так позже. И смерть твоя будет ужасна и мучительна.

Юноша сдвинул тонкие брови и потребовал:

– Расскажи мне, как добраться до Мории, а об остальном не беспокойся.

Новая горстка меди рассыпалась по столу. Дягиль улыбнулся и сказал:

– Этот звон – лучше любой музыки. Хорошо. Я расскажу тебе, как добраться до острова. Но имей в виду – лес и река вокруг Мории кишат ловушками, которые расставили хитроумные волхвы. Ты храбрый юноша, Лесан, но будь очень осторожен, вступив на их земли.

– Да будет так, – кивнул парень и приготовился слушать.

13

Ночь была звездная и теплая. Лесан задумчиво смотрел на звезды, и лицо у него при этом было такое, будто он видит не обычное ночное небо, а чудо чудное. Хлопуша легонько толкнул его плечом и спросил:

– У тебя есть деньги?

Парень вздохнул и покачал головой.

– Уже нет.

– Добраться до Мории без денег будет непросто.

– Деньги у меня были. Но у меня их украла молодка со Сходной площади.

– Вот как? – богатырь усмехнулся и взглянул на юношу с любопытством. – А не слишком ли ты молод, чтобы развлекаться с молодками?

Парень на это ничего не ответил. Тогда Хлопуша сказал:

– Ты забавный парень, Лесан. И я рад, что ты появился в моей жизни.

– Завтра утром я из твоей жизни исчезну, – заверил верзилу парень.

Хлопуша качнул большой, встрепанной головой.

– Вот уж это – нет. Мы отправимся в Морию вместе. Но для начала нужно хорошенько подкрепиться и запастись харчами на два дня пути.

Юноша отвел взгляд от звезд и внимательно посмотрел на здоровяка.

– Ты правда это сделаешь? – спросил он недоверчиво.

– А ты как думал? Первоход – мой друг. Случись со мной такая беда, он бы сделал все, чтобы вытащить меня. – Хлопуша нахмурился и добавил: – Об одном жалею: что не отправился на его поиски раньше.

– Отчего ж не отправился?

Богатырь пожал медвежьими плечами.

– Не знаю. Меня точно кто околдовал. А появился ты – и колдовство рассеялось. Будь рядом со мной Рамон, оно бы рассеялось гораздо раньше.

– Рамон? Кто это?

Хлопуша добродушно усмехнулся.

– Один толмач, с которым мы крепко дружили. Когда мы были вместе, я мог ни о чем не думать, потому что он был моей головой и моими мозгами.

– И где он теперь?

– Пропал. Вскоре после того, как князь охоронцы схватили Первохода и увезли его в Морию.

Лесан поежился от холодного ветра и раздумчиво проговорил:

– Не знаю даже, радует меня твое решение или огорчает. Я рад, что у меня будет сильный спутник. Однако ты должен знать, что, если на нас нападут, я буду спасать себя, а не тебя. Я не имею права погибнуть, пока не найду Первохода и не приведу его туда, где ему надлежит быть.

– На мой счет не беспокойся, – заверил его богатырь, веселясь от самоуверенности паренька. – Я и сам могу о себе позаботиться.

Лесан немного помолчал, а затем нехотя и как бы через силу произнес:

– Есть еще кое-что, о чем ты должен знать.

– Тебя зовут не Лесан, и ты прибыл не из Поморья?
Юноша отрицательно качнул головой.
– Нет, не это. – Он поднял руку, уцепился пальцами за шерстяную шапочку и одним движением сорвал ее с головы. Длинные, каштановые пряди рассыпались по его плечам. Хлопуша заморгал глазами.
– погоди... Так ты... Ты...
– Я не парень. И зовут меня не Лесан. Я – Лесана.
Некоторое время Хлопуша с изумлением пялился на девку, потом обхватил голову огромными ладонями и простонал:
– Меня одолела девка!.. Мыслимо ли такое?
– Тебе не в чем себя упрекнуть, – сказала Лесана, прищулив серые спокойные глаза. – Ты дрался яростно и умело. Никогда прежде у меня не было такого сильного противника.
– И все же ты меня одолела, – с мрачным отчаянием констатировал Хлопуша. – Если бы я знал, что ты девка, я бы не сдался. Скорее уж позволил бы сломать себе руку.
Лесана улыбнулась.
– Кажется, ты собирался отправиться на поиски ествы? Если это так, то раздобудь по пути и хороших лошадей.
Хлопуша тяжело вздохнул.
– Н-да... Не думал, что бывают такие девки, как ты. Но нам понадобятся не только лошади, но и оружие.
– У меня есть все, что нужно, – сказала на это Лесана. – А о себе позаботься сам.
Она снова натянула шапочку на голову и убрала под нее волосы. Глядя на девушку, Хлопуша вдруг понял одну вещь, от которой ему стало и приятно, и неудобно одновременно. Парень, с которым он дрался на помосте, оказался не просто девкой, а *красивой девкой*. Тонкий стан, длинная шея, нежный овал лица, огромные глаза и чувственные губы – не заметить все это мог лишь полный дурень.
«Я и есть этот дурень», – с досадой подумал Хлопуша.
– Сейчас мы разойдемся, – сказала Лесана. – А на рассвете встретимся – на этом же месте. Ты приведешь лошадей.
– А ты? – поинтересовался Хлопуша. – Чем будешь заниматься ты?
– Я схожу в лес и соберу кой-какой травы.
– Зачем?
Лесана едва заметно усмехнулась и коротко ответила:
– Пригодится.
Хлопуша был недоволен тем, что выслушивает распоряжения от девки. Однако все в ее облике говорило об одном: откуда бы ни прибыла Лесана, но там, в своей стране, она явно была не из последних.
Поняв это, Хлопуша скрепя сердце заставил себя привыкать к мысли, что отныне верховодить им будет молодая девка.

14

Прошка Суховерт был доволен своей жизнью. Не нравилось ему лишь одно, а именно: то, что он выглядел гораздо моложе своих лет. На улице прохожие называли его отроком, хотя по годам он давно уж был настоящим мужиком.

Впрочем, малый рост и худое сложение помогали Прошке в его деле. Разве смог бы он влезть в узкое окошко амбара, не будь он так мал да гибок? Да во всем Хлынь-граде не было такой дыры или такого переулка, в которые Прошка не смог бы протиснуться!

И все же иногда было обидно. Особенно когда молодые бабы не принимали его всерьез. Да и прозвище «ворёнок», которое дали Прошке взрослые воры, порою сильно его раздражало. В остальном же Прошка был удовлетворен своей жизнью и не желал в ней ничего менять.

Сидя за столом, Прошка хмуро смотрел на живого мертвеца, которого впустил и пригрел. Впервые Суховерт видел такого смиренного и странного упыря. Обычно в глазах у мертвеца нет ничего, кроме пустоты и голода. А этот смотрел, как человек. Нет – скорее, как собака!

Досадуя на себя за чрезмерную мягкость, Прошка надрезал ножом руку, выжал немного крови в деревянную плошку и пододвинул ее к упырю.

– Хлебай, чучело. Свою кровь тебе даю, понял? Это за то, что меня от мужиков спас.

Урод схватил плошку руками, быстро вылизал кровь, затем отодвинулся в угол и там задремал. «Проснется – опять захочет жрать, – подумал, глядя на упыря, Прошка. – И чего я ему тогда дам? Не палец же опять резать. В нем и крови-то уже не осталось. А может, бросить его к лешему? Он ведь упырь. Значит, темная тварь. Чего его жалеть?»

Однако это был необычный упырь, и Прошка отлично это понимал. То синее облако, которое сгустил в воздухе жалкий урод, оказалось не просто облаком, а настоящей дырой в другой мир. Чем-то вроде окна, в которое можно высунуть голову, чтобы посмотреть, что происходит снаружи.

В тот первый раз Прошка сильно испугался. Едва поняв, что облако – это дыра и что вокруг него – не привычные Хлынские леса, а Чашоба Другого Мира, ворёнок тут же втянул голову обратно. И с тех пор голову в облако не пихал. Да и не было его больше, облака-то.

– Слышь, упырь? – окликнул Прошка. – Упырь!

Тварь вскинула голову и уставилась на Прошку своими грустными собачьими глазами.

– Ишь, глядит. – Прошка передернул плечами. – И откуда только ты такой взялся?

Упырь дернул бледными губами, будто хотел улыбнуться, но улыбаться он не умел, и вместо улыбки вышла такая жуткая гримаса, что Прошка поморщился и попросил:

– Умоляю тебя, не скалься. От твоих ухмылок у меня мороз по коже.

Урод послушно перестал улыбаться.

– Вот так, – кивнул Прошка. – А теперь слушай. Я тебя кормлю и пою уже три дня. Кровушка своей для тебя не жалею. Не скажу, что ты мне нравишься, но... В общем, хочу я тебя попросить. В прошлый раз ты сотворил волшебное облако. Сможешь ли сделать его еще раз?

Мертвец снова попытался улыбнуться, но Прошка метнул на него грозный взгляд, и тот поспешно стер улыбку с лица. А потом медленно поднял правую руку и, так же как в прошлый раз, неуклюже прочертил в воздухе какой-то знак. В том месте, где прошелся его отвратительный палец, воздух стал сгущаться, превращаясь в голубоватое туманное облачко.

Прошка затаил дыхание, во все глаза глядя на то, как искрится и разрастается это облачко. А оно все продолжало расти – медленно, неуверенно, и росло до тех пор, пока не стало размером с дверь.

Упырь опустил руку и взглянул на Прошку преданными глазами, словно искал у него одобрения. И Прошка одобрил:

– Молодец, упырёк!

Он поднялся с лавки и медленно, готовый в любой миг отскочить в сторону, направился к голубому облаку. При его приближении облако засветилось сильнее, будто хотело показать себя Прошке во всей красе. А оно и впрямь было красиво. Прошка остановился перед мерцающим облаком и восхищенно пробормотал:

– Брульянт. Большой брульянт...

«Брульянт» отреагировал на его слова по-своему – он легонько запульсировал, а по его плоской поверхности пробежала радужная волна.

Прошка сглотнул слюну. Ему вдруг стало страшно, однако он напомнил себе, что уже совал один раз голову в голубое облако и ничего плохого с ним не случилось.

Упырь следил за Прошкой внимательным, преданным взглядом.

– Чего zenки lupишь, урод? – Прошка погрозил ему пальцем. – Знаю я тебя. Небось, хочешь меня сгубить?

Упырь растерянно заморгал глазами.

– Ладно, – сжалился Прошка. – Может, ты и впрямь хороший. Ежели среди людей есть хорошие, то почему бы им не быть и среди упырей?

Сперва Прошка, как и в прошлый раз, сунул в облако кинжал. Вынул, оглядел – ничего не случилось. За кинжалом последовала рука. И снова полный порядок. Тогда Прошка сунул в облако голову.

Глазам его открылось удивительное зрелище. Хоть Прошка и видел все это раньше, но не удержался от восхищенного возгласа. Прямо перед голубой дырой, в которую он высунулся по грудь, простиралась большая поляна. Травы на ней росли удивительные – голубые, с перламутровыми прожилками. Там и сям ярко горели пятна невиданных цветов. В воздухе, пикируя на их лепестки и снова вспархивая вверх, мелькали сверкающие летуны, не то бабочки, не то стрекозы – не поймешь.

А дальше, за поляной, начинался лес. Деревья в нем были сказочные – с синеватой листвой, испещренной блестящими прожилками. Когда ветерок пробегал по листве, казалось, что деревья вспыхивают голубовато-серебристым огнем, и от зрелища этого у Прошки захватывало дух.

Тарашась по сторонам, он не замечал, что все больше и больше высовывается из дыры. Наконец, голова и плечи его перевесили все остальное, и, чтобы не упасть, Прошка вынужден был шагнуть вперед. Шагнул. Потом еще раз. И еще.

Остановился на траве и обернулся. За спиной у него мерцало голубое облако.

«Не закрылось бы!» – с тревогой подумал Прошка и хотел уже вернуться назад, когда внимание его привлекло какое-то движение.

15

Прошка резко повернулся в ту сторону и увидел зверька. Тот был небольшой, размером с кошку, но такой чудной и смешной, что Прошка едва не расхохотался.

Тело у него и впрямь было похоже на кошачье, только мех был короткий и голубовато-серебристый. А вот голова диковинного зверька походила на голову ребенка, только с кошачьими усами и черным носиком-пуговкой. По бокам головы колыхались на ветру уши, огромные и нелепые.

Хвост, голубоватый, как и все тельце, был распушен на конце в кисточку, будто у коровы. Лапки зверька были пушистые и аккуратные.

Завидев Прошку, зверек на мгновение оцепенел, уставившись на него своими огромными глазами, а потом отступил назад и испуганно прикрыл ушами мордочку. Зрелище было до того потешное, что Прошка не удержался от смеха.

Смех его прокатился ветерком по траве и листьям, вспугнув целый рой каких-то серебристых мошек. Выпорхнув из кустов, серебристое облако понеслось над поляной, меняя форму, как ее меняют настоящие облака. Вот оно стало похоже на какого-то зверя, плывущего над травой, а вот – на человека.

Прошка пригляделся и с удивлением узнал в этом облачном человеке свою собственную худую фигуру. Серебристый рой мошек подражал Прошке, намереваясь сбить его с толку.

Прошка поднял руку. Облачная фигура, сложенная из тысяч маленьких, серебристых мушиных тел, тоже подняла руку. Прошка опустил руку. Опустил ее и двойник.

– Здорово! – восхищенно выдохнул Прошка.

Наблюдая за облаком, он совсем забыл про зверька, а когда вновь повернулся к нему, вскинул брови от удивления и слегка попятился. На этот раз у стены деревьев стоял не один зверек, теперь их было три. Все ушастые, с потешными мордочками и огромными удивленными глазами.

Зверьки стояли и глазели на Прошку, должно быть, пораженные его видом не меньше, чем он сам был поражен видом этих смешных зверьков.

«Вот бы поймать одного», – подумал вдруг Прошка.

Стоило ему об этом подумать, как в голове тут же сложился волнующий коммерческий проект. Хорошо бы поймать двух таких зверьков – самочку и самца и заняться их разведением. А потом продавать как диковинку по серебряной монете за штуку. Ежели они плодятся, как кошки, то всего за год можно сколотить целое состояние!

Прошка аж пропотел от волнения. Богатство стояло прямо перед ним, глядя на него по-детски любопытными глазенками и тихонько прядая огромными ушами.

«Только б не напугать», – с волнением подумал Прошка. Он сделал осторожный шагок навстречу зверькам, опасаясь, что они развернутся и удерут в лес. Однако зверьки, похоже, были слишком удивлены, чтобы думать о собственной безопасности.

«Хорошо», – подумал Прошка и сделал еще один маленький шагок. Приближаясь к зверькам, он старался двигаться как можно плавнее и все время улыбался, давая зверькам понять, что он не желает им зла.

Еще шагок... И еще... Зверьки смотрели на него с таким безмерным изумлением, что, казалось, еще чуть-чуть, и их выпученные глазки вывалятся из глазниц.

Так, шагок за шагом, вершок за вершком, он прошел несколько сажень и остановился в двух шагах от сказочных созданий.

И тут один из зверьков открыл свой потешный детский ротик и что-то чирикнул. Другие зверьки закивали головами, будто соглашаясь со своим товарищем, а затем стали пятиться к лесу, не спуская с Прошки настороженных глаз.

Опасаясь, как бы они не развернулись и не скрылись в лесу, Прошка облизнул губы и мягко проговорил:

– Ну-ну-ну... Я не сделаю вам ничего плохого. Я просто хочу с вами поиграть. Вы ведь любите играть? Любите? Кис-кис-кис.

Он протянул руку и осторожно потер указательным пальцем о большой, словно между ними было зажато лакомство. Зверьки уставились на его пальцы.

– Идите ко мне, кошечки, – коварно улыбнувшись, позвал Прошка. – Я дам вам кусочек сыра.

Зверьки переглянулись, а потом резко, как по команде, развернулись и медленно затрусили к лесу.

– Леший! – выругался Прошка и с досадой сплюнул себе под ноги. В то же мгновение из травы высунулся гибкий серебристый усик и сердито хлестнул Прошку по сапогу.

Суховерт испуганно отскочил в сторону, но усик, погрозив ворёнку, как грозят пальцем расшалившемуся ребенку, снова скрылся в высокой траве.

Прошка вытер рукавом рубахи потный лоб. В этом серебристо-голубом лесу было теплее, чем в промозглой Прошкиной избе. Голубое облако, через которое ворёнок прошел в здешний мир, висело на том же месте и приветливо переливалось, будто говорило: «Не бойся. Я все еще здесь и никуда не денусь».

Прошка немного успокоился. Повертев головой по сторонам, он снова увидел лопоухих кошек. На этот раз они не смотрели на Прошку, а, окружив большие чаши красно-голубых цветов, слизывали с лепестков нектар своими длинными, голубоватыми язычками.

Зрелище было настолько умирительное, что Прошка снова улыбнулся. Определенно, хотя бы одного зверька словить стоило. Любая купчиха отвалит за такого милягу горсть меди, а то и больше.

Прошка снова двинулся к зверькам, но на этот раз он сильно пригнулся и зашагал так мягко, как только мог. Благо, наука, преподанная ему когда-то Глебом Первоходом, не прошла даром.

Зверьки, поглощенные трапезой, не обращали на него внимания. Прошка уже примеривал расстояние для прыжка, как вдруг... что-то свистнуло в воздухе, и один из зверьков, подскочив вверх, рухнул на траву, а двое других прыснули в лес.

Из шеи упавшего зверька торчала стрела, а сам он был неподвижен. Прошка быстро спрятался за ближайшее дерево и положил пальцы на рукоять кинжала. Сердце его билось так быстро, что могло выскочить из груди.

Выждав немного, он осторожно выглянул из-за дерева и увидел маленького, худого человечка, склонившегося над убитым зверьком. Из одежды на человечке была только набедренная повязка, а кожа его была покрыта голубоватой, короткой шерсткой. Лук незнакомец уже закинул за спину, а ни меча, ни кинжала у него на поясе не было.

Прошка тоже не спешил доставать кинжал. Человек был один и совсем не походил на душегуба. Вдруг незнакомец напрягся и к чему-то прислушался.

Что-то темное стремительно выскочило из леса, набросилось на человечка, сбило его с ног и повалило на траву. Прошка не собирался ждать, чем закончится эта схватка, он развернулся и со всех ног бросился к голубоватому облаку. И тут Прошка с ужасом понял, что облако уже не серебрилось. Оно бледнело и выцветало, будто собиралось исчезнуть, растворившись в синем воздухе.

– Нет! – закричал Прошка и последним, огромным и судорожным рывком прыгнул в облако.

Он «щучкой» влетел в голубое свечение, пролетел сажень и грохнулся на пол, больно ударившись плечом об ножку стола. Тут же поднял голову и оглянулся. Голубое свечение за спиной почти истаяло, от густого облака осталась лишь легкая, едва заметная дымка. Упырь сидел на лавке, в углу и тарасился на Прошку своими собачьими жалостливыми глазами.

– Фу ты, леший! – выдохнул Прошка.

Отдуваясь и кряхтя, ворёнок поднялся на ноги. Потер пальцами ушибленный лоб, поморщился. Взглянул на упыря и сердито проговорил:

– Ну? И как это называется? Хотел оставить меня там?

Живой мертвец виновато поежился и посмотрел на облако. Оно совсем уж было истаяло, но под взглядом упыря стало разгораться снова. До ушей Прошки донесся отдаленный шум – будто бы кто-то тяжело дышал за стеной, царапал бревна и яростно клацал зубами.

– Это еще что? – удивился Прошка.

И вдруг до него дошло.

– Облако! – крикнул он испуганно и сверкнул глазами на упыря. – Убери его! Развей по воздуху! Быстро!

Упырь вздрогнул от крика и отвел взгляд от голубого облака, по которому вновь заходили радужные волны. Как только он это сделал, голубоватое свечение начало гаснуть, а вслед за тем и само облако стало выцветать.

И вдруг – Прошка не поверил собственным глазам – прямо из затухающего облака на него выскочило нечто черное и огромное. Лицо Прошки обдало гнилостным дыханием, на мгновение он увидел перед собой два полыхающих злобой глаза и разверзшуюся пасть, похожую на собачью.

Прошка выхватил из-за пояса кинжал и быстро присел на корточки. Огромная тень перемахнула через него, достигла стены, прыгнула сквозь нее и исчезла. Будто ее и не было.

Прошка не сразу пришел в себя. А как пришел, повернулся к упырю и резко спросил:

– Чего это было?

Урод не ответил. Прошка, сжимая в руке кинжал, шагнул к нему и грозно крикнул:

– Ну! Отвечай!

Мертвец захлопал глазами и попятился. Видно было, что он и рад бы сказать, но не знает, как. Прошка остановился и шумно перевел дух.

– Леший! – угрюмо выругался он. – Кажется, мы с тобой впустили в наш мир какое-то жуткое чудовище.

При слове «чудовище» упырь тихо заскулил. Прошка поморщился.

– Ладно, не скули. Может, мне померещилось, и это была простая тень? Ведь может такое быть, верно?

Упырь молчал. Прошка вздохнул, сдвинул брови и хмуро проговорил:

– Будем считать, что ничего не было, понял? И чтобы никаких мне больше облаков и огромных собак! Еще раз увижу, что ты этим занимаешься, – отрежу уши!

Урод выслушал речь Прошки с покорным, подобострастным лицом. Внезапно ворёнку стало противно.

– И вообще! – вспыхнул он. – Надоел ты мне хуже горькой редьки! Сегодня ж отведу тебя в лес! А не пойдешь – продам охоронцам князя Добровола! Пускай везут тебя в Порочный град и заставляют скакать по помосту – на утеху бражникам!

16

Час спустя в дверь Прошкиной избы постучались. Ворёнок, дремавший на лавке, поднял голову и удивленно уставился на дверь. Стук повторился. Прошка опустил ноги на пол и взял со стола кинжал.

– Эй! – окликнули из-за двери. – Есть тут кто?

Прошкино лицо вытянулось от удивления. Он ожидал услышать любой голос – басовитый, охрипший, сиплый, но мужской. А голос, которым окликали его из-за двери, был женским.

– Есть кто в избе? – снова позвали из-за двери.

Прошка облизнул пересохшие губы и громко отозвался:

– А кого надо-то?

– Эге, да эта изба не пуста, – негромко проговорил второй голос, который, несомненно, был мужским.

Прошка вдруг разозлился. Что это еще за новости – приходят среди ночи, стучат в дверь, будят!

– Конечно, не пуста! – сердито крикнул он. – Я здесь живу! А вы кто такие?

– Я та, чей дед построил эту избу, – ответили из-за двери. – Впусти меня, парень!

Прошка поднялся с лавки и нахмурился. Открывать – не открывать? После недолгих размышлений решил, что, пожалуй, можно и открыть. Вряд ли это разбойники. Разбойники не водили с собой баб. Да и история про деда, который построил избу, выглядела правдоподобно. Таковую историю на пустом месте не выдумаешь.

И Прошка решил открыть. Сдвигая левой рукой засов, правую с зажатым в пальцах кинжалом он держал за спиной.

У порога и впрямь стояла баба. Молодая, красивая, пышногрудая, в дорогом цветастом платке. А рядом с ней – парень. Высокий, худой, в добротном кафтане, со смешливыми глазами и добродушным лицом.

– Можно войти? – спросила баба, глядя на Прошку мягким, добрым взглядом.

Прошка молча посторонился. Ему вдруг стало стыдно, что он прячет за спиной кинжал, однако убрать его незаметно теперь было невозможно.

Молодая баба и ее долговязый спутник вошли в избу и остановились, не проходя на середину. Окинув глазами стены, баба перевела взгляд на Прошку, улыбнулась и спросила:

– Как тебя зовут, парень?

– Прохор, – ответил он. – А тебя?

– Чужие кличут Любою, свои – Любашей. А вот это – мой муж, Гридя.

Долговязый парень добродушно усмехнулся и церемонно поклонился Прошке. Тот хмуро сдвинул брови и спросил, обращаясь к Любаше:

– Ты пришла, чтобы выгнать меня отсюда?

– Выгнать? – она покачала головой. – Вовсе нет. Живи себе.

– Зачем же вы тогда пришли?

Любаша смущенно улыбнулась.

– Да вот, хотела показать Гриде, где жили мои предки.

Парень улыбнулся, прижал девушку к себе и поцеловал ее в щеку. Прошка хоть и был хмур, но эти двое ему понравились. Было в них что-то светлое, незапятнанное. Словно и не взрослые они были, а большие дети.

И вдруг Гридя и Любаша увидели упыря. Некоторое время улыбки еще оставались у

них на губах. Потом до гостей дошло, что существо, сидевшее в углу на кособокой лавке, – не человек, а темная тварь. Любаша закричала от ужаса, а Гридя схватил валявшееся у двери полено и, замахнувшись, с силой швырнул его в упыря.

Метателем поленьев Гридя, судя по всему, был неважным. Просвистев у твари над головой, полено стукнулось об стену и с грохотом упало на пол. Гридя оттеснил Любашу к двери, а сам, сжав кулаки, двинулся на перепуганного упыря. Однако на пути у него встал Прошка.

– Не убивай его! – крикнул он.

Гридя остановился, недоуменно глядя на ворёнка, а Любаша у него за спиной испуганно и удивленно крикнула:

– Ты чего? Это же упырь!

– Он никому не сделал зла, – отчеканил Прошка, хмуро глядя на Гридю.

Тот обернулся к Любаше и недоуменно пожал плечами.

– Не сделал, так сделает, – сказала тогда Любаша. – Да и откуда ты знаешь, что не сделал?

– Он сам мне рассказывал, – пробубнил Прошка.

– Рассказывал? – не поверила ушам Любаша.

– Да.

– Так этот упырь разговаривает? Это что-то новое.

Любаша закусила губу и осторожно прошла вперед, не сводя с лица упыря внимательного, тревожного взгляда.

– Он безобидный, – сказал Прошка. – И я научил его есть мертвое мясо. Вот, глядите!

Прошка взял с полки полуобглоданную кость, из которой намеревался утром сварить похлебку, и швырнул ее упырю. Тот схватил кость и принялся с чавканьем и хрустом грызть ее.

Гридя поморщился и отвернулся. А Любаша нахмурилась.

– Он хороший, – сказал им Прошка. – Его даже можно погладить. Хочешь?

Любаша наморщила нос:

– Ну уж нет. Еще, чего доброго, откусит мне руку.

Упырь перестал грызть кость и испуганно посмотрел на Прошку.

– Тише, – сказал, понизив голос, Прошка. – Ты его пугаешь.

– Я его пугаю? – Любаша возмущенно хмыкнула. – Интересно. Я еще никогда не пугала упырей. Вот они меня пугали, это было.

– Послушай, парень, – заговорил вдруг Гридя, и Прошка удивился тому, каким приятным и добрым был у него голос. – Ты не можешь держать упыря у себя в избе.

– Почему?

Гридя вздохнул и качнул головой.

– Ты точно сумасшедший. Этот урод – не человек. И даже не собака. Он – темная тварь.

– И что с того? Я знаю множество людей, про которых можно сказать то же самое. А вас обоих я вообще впервые вижу, однако ж не гоню из своей избы.

Гридя повернулся к Любаше.

– Ты слышала? – с усмешкой спросил он. – Этот парень наглеет прямо на глазах.

– Он имеет на это право, – заметила Любаша. – Мой отец оставил эту избу несколько лет назад. Я думала, от нее уже и бревен не осталось. Так говоришь, этот упырь неопасен?

– Он не кусается и ест обычное мясо, – ответил Прошка. – Вы ведь видели?

– Да, мы видели. – Любаша посмотрела снизу вверх на своего долговязого мужа, потом перевела взгляд на ворёнка и сказала:

– Ладно, парень, нам пора. Живи здесь, сколько хочешь. Мы тебя больше не потревожим. Ни тебя, ни твоего упыря. А коли помешали, так прости.

– А с уродом все же будь осторожнее, – посоветовал Гридя. – К столу его, что ли, привязывай.

Он протянул Прошке руку, и тот ее пожал.

Прошке вдруг стало жаль, что они уходят. В кои-то веки ему довелось говорить с хорошими людьми, и разговор этот оказался до обидного краток.

– Вы это... – краснея от смущения, пробормотал ворёнок. – Вы заходите. У меня только сегодня шаром покати, а в иные дни бывает много ествы. Случаются и лакомства.

– Хорошо, – кивнула Любаша. – Как-нибудь придем.

– Обязательно придем, – подтвердил Гридя. – Мы только что приехали в Хлынь-град и никого, кроме тебя, тут не знаем. Выходит, ты – наш первый друг.

В сердце Прошке плеснула теплая волна. Друг! Этот парень назвал его другом!

Девушка одарила Прошку улыбкой, потом повернулась и пошла к двери. Гридя двинулся вслед за женой.

Прошке снова стало жаль, что они так рано уходят. Но остановить их он не мог. Просто не знал, как это делается.

Любаша и Гридя уже дошли до двери, когда случилось ужасное. Дверь не шелохнулась и не вздрогнула, однако из нее – прямо из струганых досок, из которых она была сколочена, – навстречу паре выскочила огромная тварь, похожая на черного пса.

Дальнейшее произошло почти мгновенно. Тварь сбила Любашу и Гридю с ног и с голодным рычанием вцепилась парню зубами в шею. Быстро перекусив ему горло, она выпустила Гридю из пасти и повернулась к Любаше.

Та, лишившись дара речи и глядя на огромного пса расширившимися от ужаса глазами, попробовала отползти, но пёс одним прыжком настиг ее и ударил лапой по голове. Голова Любаша резко мотнулась в сторону, а в следующий миг безобразный пёс раскрыл свою огромную пасть, вцепился Любаше в лицо и с хрустом сжал челюсти.

Глава вторая Волхов лес

1

День был солнечный и безветренный. Солнце светило как в разгар лета. Лесана и Хлопуша давно свернули с большака, но лесная тропа, по которой они ехали, была наезженная и просторная. По обеим сторонам от тропы росли высокие сосны, и воздух был наполнен их животворящим запахом.

– Расскажи мне о своем народе, Лесана, – попросил Хлопуша, мерно покачиваясь в седле.

Девка поправила притороченный к седлу колчан со стрелами и покачала головой.

– Нет.

Хлопуша насупился.

– Отчего ж так?

– Ты не знаешь, кто я и откуда пришла. А если узнаешь, сам упрекнешь меня за то, что я все тебе рассказала.

Хлопуша наморщил лоб.

– Ты говоришь так же мудрено, как мой друг Рамон. Но если его я худо-бедно понимал, то тебя не понимаю вовсе.

Лесана усмехнулась.

– Не понимаешь, и не нужно. Чем меньше ты обо мне знаешь, тем тебе будет спокойнее.

Хлопуша окинул стройную фигурку девушки внимательным взглядом, помолчал, потом сказал:

– У тебя странная посадка.

– Это потому, что я второй раз в жизни сижу на коне, – ответила Лесана.

– Разве такое возможно?

- Возможно. В моей стране нет коней.
- Нет коней! – ахнул Хлопуша. – Как же вы там передвигаетесь?
- Ногами, – просто ответила Лесана.

Пока Хлопуша обдумывал слова девушки, она сняла шапку и тряхнула густыми волосами. А затем подставила лицо яркому солнцу и сказала:

- День сегодня теплый. Не хочешь сполоснуться?
- В реке? – растерянно спросил Хлопуша.

Лесана хмыкнула:

- А где ж еще?

У реки девушка в мгновение ока скинула с себя всю одежду, быстро перевязала волосы ленточкой и зашлепала босыми ногами к воде.

Хлопуша покраснел и кашлянул в огромный кулак, но взгляда не отвел. Девка была стройная, как натянутая струна, загорелая с ног до головы, будто всю жизнь ходила нагишом, с очень тонкой талией и небольшими бедрами. Руки и ноги ее были по-девичьи тонкими, но выглядели очень сильными. На спине у девки Хлопуша увидел неяркий рисунок – что-то вроде переплетенных змей, пытающихся ужалить друг друга.

Ступала Лесана босыми ногами мягко, но стремительно, совсем не боясь наступить на сосновую шишку или иголку, из чего Хлопуша заключил, что там, у себя дома, она часто ходит босиком.

Вода кишела мелкой рыбицей. Чуть в стороне на волнах покачивались голубоватые речные цветы. Зайдя в воду по пояс, Лесана обернулась и задорно крикнула:

- Ну что же ты, здоровяк? Боишься утонуть?
- Нет, – хрипло отозвался Хлопуша. – Но в воду не полезу. Я купался три дня назад.
- Как хочешь, – пожала острыми плечами Лесана. – Там, откуда я родом, мы моемся каждый день. Вода в наших купальнях чистая и прозрачная. И еще – она сверкает, как ваши серебряные монеты.

Лесана отвернулась, сложила вместе ладони и «щучкой» ухнула в воду. Прошла минута, а девушки все не было видно. На середине второй минуты Хлопуша заволновался – не утонула ли? Но тут Лесана вынырнула из воды, размахнулась и швырнула что-то на берег.

- Оглуши ее! – крикнула она и снова скрылась под водой.

Большая щука забила по земле упругим серебристым хвостом. Хлопуша быстро подскочил к рыбе, схватил ее под жабры и ударил головой о комель дерева. Щука затихла.

Вскоре Лесана снова вынырнула из воды и швырнула на берег еще одну рыбу. На этот раз – большущего, размером с три растопыренные Хлопушины ладони, леща.

Еще дважды Лесана ныряла в реку, а когда она наконец выбралась из воды, на берегу лежали четыре рыбины. Две длинные щуки, жирный лещ и здоровенная красноперка.

Лесана, не одеваясь, села на камень, взглянула на рыбину и улыбнулась.

- Рыба у вас такая же, как в наших реках. Даже цветом не отличается.

Хлопуша, стараясь не смотреть на мокрое девичье тело, пробубнил:

- Ты бы оделась.
- Зачем? – удивилась Лесана.
- Может, у себя в стране вы и ходите голыми, но у нас это не принято.

Лесана нахмурилась, будто о чем-то вспомнила, и серьезно проговорила:

- Прости, здоровяк. Я забыла, что могу тебя смутить.

Пока девка одевалась, Хлопуша развел костер и принялся потрошить рыбу.

Полчаса спустя Лесана сидела на бревне, уткнув локти в колени и подперев ладонями лицо. Взгляд ее, устремленный на костер, был печален и задумчив. Хлопуша поворошил палкой угли, поднял на девку взгляд и спросил:

- О чем ты задумалась?
- Так. Ни о чем.

Хлопуша хмыкнул.

– «Ни о чем». Тебе незачем от меня таиться, милая. Я твой друг.

Лесана посмотрела на богатыря недоверчивым взглядом, потом вздохнула и сказала:

– Я думаю о том, что будет, если Первоход не сможет нам помочь.

– Первоход не сможет? – Хлопуша усмехнулся. – В мире нет врага, которого Первоход не смог бы одолеть! Ты уж мне поверь. Я знаю.

Лесана с сомнением качнула головой.

– Может быть, и так. Но ты ведь слышал, что сказал охоронец Дягиль. Редко кому из узников Мории удастся сохранить рассудок. Что, если Первоход давно обезумел от своих кошмаров?

Лицо Хлопуши потемнело.

– Если это так, то я вернусь в Хлынь-град и прикончу князя Добровола! – прорычал он. – Задую его вот этими вот руками!

Здоровяк поднял растопыренные пятерни и потрянул ими перед лицом девушки. Она улыбнулась.

– Ты смелый воин, Хлопуша. Но не всего в этом мире можно добиться одной лишь смелостью. Хитрый трус – опаснее бесстрашного растяпы.

– Хочешь сказать, что я растяпа? – возмущенно вскинул брови Хлопуша.

Лесана покачала головой:

– Нет. Но иногда ты напоминаешь мне большого ребенка.

– Это когда же?

– Да хотя бы сейчас. Пока ты грозишь далекому князю кулаком, рыба твоя подгорает. Хлопуша встрепенулся и устремил взгляд на рыбу – та и впрямь начала подгорать.

– Леший! – выругался здоровяк и поспешил снять вертелы с опаленных рогатин.

Слава Белобogu, сгореть рыба не успела, лишь подрумянилась чуть сильнее, чем следовало бы. По крайней мере, Лесане и Хлопуше она пришлась вполне по вкусу.

– Нам остался день пути, – сказала Лесана, задумчиво жуя мягкое рыбье мясо. – Потом мы вступим во владения волхвов. Это самые опасные противники, каких только можно вообразить. Ты уверен, что хочешь продолжить путь?

Хлопуша усмехнулся и ответил с набитым ртом:

– Скажешь еще слово, и я забуду, что ты девка, и хорошенько тебя взгрею!

Лесана улыбнулась.

– Я рада, что ты не отказался, богатырь. Это значит, что в вашем мире дружба стоит так же дорого, как и у нас. Помнишь, я говорила тебе, что в случае опасности буду спасать свою шкуру, а не твою?

– Помню, – кивнул Хлопуша.

– Теперь это не так. Отныне ты мой друг, и твоя толстая шкура мне так же дорога, как моя собственная.

– Что ж... – Хлопуша посмотрел на девку веселым взглядом. – Я видел сегодня твою шкуру. И скажу тебе откровенно: моя против твоей не стоит и ломаного гроша.

Хлопуша и Лесана уставились друг на друга, несколько секунд молчали и вдруг рассмеялись. Отсмеявшись, Лесана попросила:

– Расскажи мне про Глеба Первохода.

– Ну... – Хлопуша наморщил лоб. – Он явился в Хлынь-град много лет тому назад. Мы тогда не были знакомы. Откуда он к нам пришел, никто не знает.

– Даже ты?

– Даже я. Поначалу все считали его колдуном.

– Из-за его ольстры?

Хлопуша кивнул:

– Да. Люди называли его ольстру огнестрельным посохом. Сам же Первоход называл ее «ружьем». Впрочем, в то время Глеба еще никто не звал Первоходом. Для всех он был просто Глеб-чужеземец.

– Да, об этом я слышала. Он и в самом деле первым пошел в Гиблое место?

– Он стал первым, кто оттуда вернулся. Хотя... говорят, что люди ходили в Гиблое место и до него. Однако про тех людей никому ничего не известно.

Лесана посмотрела на языки пламени и тихо проговорила:

– Я слышала эту историю. У тогдашнего князя тяжело заболела дочь, и пришлый лекарь сказал, что излечить ее может только особая трава. И что трава та растет лишь в Гиблом месте.

– Верно, – кивнул Хлопуша. – Глеб отправился в гнилую чащобу за пробуди-травой и принес ее. Он стал первым ходоком в места погиблые.

– Ходоки – это охотники за темными тварями? – уточнила Лесана, глянув на Хлопушу быстрым взглядом из-под полуопущенных ресниц.

– Да, – ответил богатырь. – Но охота – не единственный их промысел. Раньше, до того как князь Добровол расставил у межи посты дружинников, ходоки водили в Гиблое место людей.

– За чудными амулетами?

Хлопуша кивнул:

– Угу. Дело было опасное, но желающие испытать судьбу не переводились. Одних чудные амулеты исцеляли от тяжких хворей. Других наделяли необыкновенным везением. Однако бывали среди амулетов и такие, которые приносили человеку, нашедшему их, не счастье, а мученье и смерть.

Лесана усмехнулась:

– С чудесами всегда так. Вечная жизнь оборачивается вечным страданием, а светлое счастье – сумрачным горем. Этот промысел приносил Глебу Первоходу много денег?

Хлопуша хмыкнул.

– Не мало, это точно. Он был лучшим ходоком. Темные твари, едва заслышав его поступь, разбегались.

– А ты знаешь, что такое Гиблое место? – спросила вдруг Лесана.

Богатырь покачал русоволосой головой.

– Нет, милая. И никто не знает. Говорят, тыщу лет назад на славный и богатый Кишень-град упала с неба звезда. С тех пор Кишень превратился в мертвый город, а лес вокруг него наполнился чудесными амулетами и темными тварями.

– Волколаками, оборотнями и упырями?

Хлопуша кивнул.

– Точно. И не только. Предания говорят, что звезда, упавшая с неба, была посмертной ладьей.

Лесана присвистнула.

– Ого! И кто ж был в той ладье?

Здоровяк облизнул губы, хмуро посмотрел на девушку и тихо обронил:

– Боги. Падшие боги. – Он немного помолчал, затем добавил: – Раньше в Гиблом месте водились нелюди. Многие считали их потомками тех богов. Но несколько лет назад нелюди пошли на людей войной, и тогда Глеб Первоход уничтожил их.

– Он тоже считал их потомками падших богов?

Хлопуша мотнул головой.

– Нет. Он говорил, что они «му-тан-ты». Одичавшие потомки жителей Кишень-града.

Говоря о нелюдях, Хлопуша заметил, как по лицу девушки пробежала тень, а по краям ее рта пролегли на миг две скорбные морщинки. Однако Хлопуша списал это на отблески костра.

– Что ж, – тихо проговорила Лесана. – Слава богам, наш путь лежит не в Гиблое место, а в Волхов лес.

– Верно, – согласился богатырь. – Но впереди у нас Мория. А если верить Дягилю, это местечко ничуть не лучше Гиблого места.

Больше вопросов Лесана не задавала.

Пока странники ужинали, небо стало совсем темным и сумерки продолжали стучаться.

Где-то далеко завыл волк. На его вой откликнулся другой. Вскоре их поддержал и третий. Прислушиваясь к этому многоголосому вою, Хлопуша нахмурился и недовольно пробурчал:

– Песий потрох! Судя по голосам, там их целая стая!

– Не стоит волноваться, – небрежно произнесла Лесана, так, словно речь шла о чем-то мелком и незначительном. – Это всего лишь волки. – Она зевнула и отложила недоеденную рыбу. – Ты ложись, а я немного похожу вокруг.

Лесана поднялась с бревна, и не успел Хлопуша возразить, как девушка растворилась во тьме.

2

Ночь они провели спокойно. Хлопуша отлично выспался. Лесана тоже выглядела отдохнувшей. На смуглых скулах ее играл румянец, серые глаза смотрели спокойно и совсем не хмуро.

Они по очереди сходили к реке, умылись и привели себя в порядок. Потом сели завтракать.

– Жаль, что не осталось рыбы, – посетовал, вытряхивая из сумки вяленое мясо и хлеб, богатырь. – Люблю свежую рыбку.

– После еще наловлю, – пообещала Лесана.

За весь завтрак она съела лишь один маленький кусочек мяса и горбушку черствого хлеба.

– Этак ты себя до смерти уморишь, – недовольно сказал Хлопуша, доедая огромный кусок вяленой лосятины.

– Я ем мало, – сказала Лесана. – Это давняя привычка.

– В твоей стране люди живут впроголодь? – удивился Хлопуша, для которого не было дела важнее, чем набить урчащий от голода желудок.

– Можно сказать и так, – кивнула Лесана.

– Гм... – Хлопуша вытер ладони о штаны и проговорил с набитым ртом: – Видно, совсем плохи дела в вашем княжестве. Чего можно ожидать от людей, которые не ценят собственного брюха?

При слове «людей» Лесана нахмурилась и поджала губы. Однако Хлопуша ничего этого не заметил и продолжил разглагольствовать, запихивая остатки еды в сумку.

Стоял солнечный день, настолько яркий, что лучи проникали даже сквозь самые густые кроны деревьев. Ветер был очень слабый, но все-таки он был. Вверху шумели кронами осины, под ними раскачивались папоротники. Над вершинами деревьев вились вороны.

Чем дальше ехали Хлопуша и Лесана, тем гуще становились деревья и тем прохладней делался воздух. Через час пути в тени, между обвитыми хмелем ольхами, блеснула вода бочага. Потом лес снова стал редеть.

За день странники еще дважды делали привал, чтобы отдохнуть и подкрепиться. На ужин Хлопуша решил угостить Лесану горячей ествой. Из куска копченой свинины и ячневой крупы он приготовил ароматное и вкусное варево, которым и сам с большим удовольствием полакомился.

Свечерело. Солнце неумолимо клонилось к западу. Лес, и без того темный, потемнел еще больше. Изредка деревья и кустарники сходились так густо, что кони с трудом продирались сквозь них. Раз а три Хлопуша спешил с коня и шел впереди, прорубая своим огромным гофским мечом просеку.

Наконец, когда до захода солнца оставалось чуть больше часа, они подъехали к большому ручью, пологие берега которого были усыпаны камнями, похожими на погибших воинов.

Хлопуша остановил коня.

– Если верить карте, которую начертил Дягиль, здесь или примерно здесь начинаются владения волхвов, – сказал он.

– Что ж... – Лесана тоже осадил коня. – Мы с тобой к этому готовы, правда?

И она первой направила коня в ручей.

Перебравшись через ручей и въехав на небольшой холм, путники огляделись. Лес впереди ничем не отличался от леса, оставшегося позади. Хлопуша пожал плечами и хотел сказать, что здесь все то же, что и прежде, однако увидел побледневшее лицо Лесаны и осекся.

– Ты чего? – удивленно спросил он.

– Дягиль не соврал, – отчеканила Лесана. – *Они* уже знают, что мы здесь.

– *Они?* – Хлопуша озадаченно нахмурился. – Ты говоришь про волхвов?

– Да.

Хлопуша снова окинул взглядом лес, и на лице его отобразилась тревога.

– Значит, ты их чувствуешь? – понизив голос, спросил он.

– Так же, как волхвы нас, – ответила Лесана недрогнувшим голосом.

С минуту оба молчали, вслушиваясь в звуки вечернего леса. Потом Лесана заговорила снова:

– Будь начеку, – сказала она. – Лес полон ловушек, и все они смертельно опасны. Я поеду впереди, а ты езжай за мной след в след. И помни: сойдешь с тропы – умрешь!

Последние слова Лесаны прозвучали так зловеще, что Хлопуша невольно поежился.

– Вперед! – сказала девушка и пристукнула коня каблуками по влажным от пота бокам.

Впереди ярко зеленела озимь. Возле небольшого лесного озерца расположилась стая тетеревов. Несмотря на вечернее, стелющееся небо, тетерева токовали совсем как в солнечный весенний день, и Хлопуша невольно улыбнулся их неунывающему нраву.

Вдруг в отдалении послышался треск валежника. Путники осадили коней.

– Ты слышишь? – тревожно спросил Хлопуша.

– Да, – тихо отозвалась Лесана.

– Что это за...

– Тихо!

Хлопуша замолчал. Лесана сунула руку в карман, достала щепоть сушеной травы, быстро растерла ее в пальцах, нагнулась и дала понюхать пальцы своему коню. Потом достала новую щепоть, снова ее растерла и поднесла пальцы к широким ноздрям Хлопушиного воронка. Снюхав с ладони девушки перетертую траву, кони стали смирными, словно на них напала сонная одурь.

Послышался треск, и на поляну вышел медведь. Пригнув голову, он уставился на странников маленькими, сердитыми глазами.

– Леший потрох... – пробормотал, во все глаза глядя на медведя, Хлопуша. – Ты видишь этого кодыяка, Лесана? Если с него снять шкуру, можно пошить роскошную шубу.

– То ли еще будет, – тихо проговорила девушка, не спуская глаз с преградившего им дорогу хищника.

Лесана оказалась права. Вновь послышался легкий треск валежника, и через несколько секунд из леса вышли три огромных волка. Они встали рядом с медведем, бок о бок, и тоже уставились на Лесану и Хлопушу.

– Кажется, они собираются нас сожрать, – хрипло пробормотал Хлопуша. – Никогда прежде не видел, чтобы волки и медведи...

Договорить он не успел. Из кустов мягкой, бесшумной поступью вышла рысь. За ней еще одна. За рысями вышел барсук, а за барсуком – несколько росомых, чьи оскаленные клыки выглядели мощнее и острее рысьих.

Хлопуша сглотнул слюну и покосился на Лесану. Лицо девушки было хмурым и сосредоточенным, а губы тихонько шевелились, будто она беззвучно молилась.

А звери все прибывали и прибывали, и от изумления Хлопуша слишком поздно понял, что лесная живность окружила их кольцом, прорваться сквозь которое было невозможно.

Медведи, волки, росомыхи, еноты, рыси стояли бок о бок, как ратники, готовые к бою, и с ненавистью глядели на незваных гостей.

В какой-то миг Хлопуша с удивлением осознал, что, несмотря на близость хищников, конь под ним совершенно спокоен. Спокоен был и конь Лесаны. Они будто оцепенели и даже не фыркали и не прядали ушами.

«Колдовство!» – подумал Хлопуша. Поняв, что выпутаться не удастся, но испытывая огромное желание что-нибудь сказать, он пробормотал:

– Что будем делать, Лесана?

Девушка не ответила. Губы ее по-прежнему беззвучно шевелились, но, судя по свирепому виду зверей, проку от ее молитвы было немного. Тогда Хлопуша с угрожающим лязгом вытянул из ножен свой огромный гофский меч и прорычал:

– Они хотят драться? Я готов!

Он тронул было коня вперед, но Лесана коротко проговорила:

– Ты не одолеешь их мечом!

Хлопуша остановил коня и процедил сквозь сжатые зубы:

– Что же ты предлагаешь?

– Стой на месте и не двигайся.

С этими словами Лесана соскользнула с коня и спокойной, бесшумной поступью двинулась навстречу зверям.

– Лесана! – испуганно окликнул ее Хлопуша. – Леса...

Девушка, не оборачиваясь, подняла согнутую в локте руку, призывая его к молчанию. Хлопуша послушно замолчал. Он уже не раз убеждался, что эта девка никогда и ничего не делает зря, даже если со стороны ее действия кажутся сущим бредом. Однако на этот раз ей придется иметь дело не с людьми, а с ополчившимися лесными тварями. И что-то подсказывало Хлопуше, что убедить их отступить будет непросто.

Лесана прошла несколько шагов и остановилась. И тут звери зарычали – все одновременно – и от этого жуткого, многоголосого рыка по спине Хлопуши пробежал мороз.

Должно быть, никому из людей еще не доводилось слышать, чтобы медведи, волки, рыси, барсуки и росوماхи рычали одновременно, в один голос. Казалось, даже листья на деревьях дрогнули от этого невероятного рыка.

Не дрогнула только Лесана. Она чуть пригнула голову и уставилась в глаза медведю. Это был настоящий кодыак. Огромный, матерый, свирепый. Рослые широкогрудые волки рядом с ним казались простыми дворнягами. Десятки налитых кровью и злобой глаз смотрели на Лесану. Сотни клыков и зубов сверкали в оскаленных пастьях.

Лесана медленно подняла левую руку и выставила ее перед собой ладонью к кодыаку. Шерсть на загривке медведя встала дыбом, а волки, рыси и росوماхи, зарывав сильнее и громче прежнего, сделали шаг Лесане навстречу.

И тут Лесана заговорила, и язык ее был странен – будто ворковали два голубя, один пониже, другой повыше тоном. Хищники наострили уши. Лесана продолжала говорить, и голос ее стал набирать силу. Звучал он по-прежнему негромко, но в каждом звуке слышались уверенность и сила.

И тут одна из рысей прыгнула на Лесану. Хлопуша подался вперед, но не успел понять, что произошло. Рысь рухнула к ногам Лесаны, обдав ее сапоги фонтаном алой крови. Только тогда Хлопуша заметил, что в правой руке Лесана сжимала кинжал и что странный, изогнутый змейкой клинок кинжала обогрен кровью.

Другие хищники не двинулись с места, но уставились на убитую рысь голодными, злыми глазами. Лесана не остановилась ни на мгновение, голос ее продолжал ворковать на тех же тонах и в том же темпе. И постепенно что-то стало происходить. Сначала звери перестали скалиться, а потом стали один за другим поворачиваться и уходить в лес.

В конце концов на поляне остались лишь три хищника – кодыак и два матерых волка, один серый, второй – черный. Лесана замолчала лишь на миг, чтобы перевести дух, и в этот миг волки бросились на нее.

Лесана увернулась от клыков черного волка, метнулась в сторону и, взмыв в воздух, запрыгнула на нижнюю ветку огромной ели. Волк прыгнул вверх, пытаясь ухватить ее за

ногу, но Лесана, извернувшись, схватила его за шиворот и полоснула кинжалом по морде. Волк, взыв, рухнул на землю.

– Хлопуша! – крикнула Лесана.

Второй волк уже бежал к здоровяку. Хлопуша в мгновение ока спрыгнул с коня и бросился зверю навстречу. Один удар мечом решил дело – волк отлетел в сторону с разрубленной надвое головой. В ту же секунду Лесана спрыгнула с дерева и точным, быстрым ударом кинжала добила раненого черного волка.

Медведь, все это время стоявший неподвижно, мотнул огромной головой, рыкнул и ринулся на богатыря. Хлопуша отпрыгнул и ударил хозяина леса мечом по хребту. Удар отозвался в руке звенящей болью, будто он рубанул по железу или граниту. Медведь взревел и повернулся к Хлопуше. Но в этот миг Лесана запрыгнула кодыаку на спину и с размаху всадила клинок ему в ухо.

Медведь зарычал, вскинулся было на дыбы, но покачнулся, а потом рухнул на живот и затих. Лесана спрыгнула на землю, перекувыркнулась и мгновенно вскочила на ноги. На поляне лежали четыре звериных трупа. Сражение было закончено.

Восстановив сбитое дыхание, Хлопуша вытер рукавом потное лицо и хрипло спросил:

– Что это было?

– Ты сам видел, – тяжело дыша, ответила ему Лесана.

– Их натравили на нас волхвы?

Она кивнула.

– Да.

Хлопуша взглянул на убитых хищников и спросил:

– Но почему ушли остальные? Как ты сумела с ними справиться?

Девушка не ответила, и тогда Хлопуша, понизив голос почти до шепота, спросил:

– Лесана, ты колдунья?

Она вскинула голову и взглянула ему в глаза. Здоровяк слегка побледнел под этим взглядом. Он готов был сойтись один на один с медведем или волколаком, но, как и все богатыри, привыкшие рассчитывать только на физическую силу, побаивался ведьм с их страшными и необъяснимо действующими чарами.

Лесана заметила, как изменился в лице Хлопуша. Она усмехнулась и спросила:

– Ты боишься колдовства?

– Я его... не люблю, – неохотно признался богатырь.

– Меня тебе бояться не следует, – успокоила его Лесана. – Мы ведь на одной стороне.

– Слава богам, что это так, – с хмурой усмешкой произнес Хлопуша. – Не хотел бы я стать твоим врагом.

– Этого не будет, пока у нас с тобой единая цель, – отчеканила Лесана.

– Верно, – согласился Хлопуша. – Но мне бы больше понравилось, если бы ты сказала, что этого *не будет никогда*.

Лесана улыбнулась.

– Я не вещунья и не могу заглядывать в будущее, Хлопуша. – Она сорвала пучок травы, тщательно вытерла кинжал и вложила его в ножны.

Богатырь же, чуть передохнув, занялся необходимым делом. Склонившись над медвежьей тушей, Хлопуша вырезал хищнику глаза, размахнулся и зашвырнула их в далекие кусты бузины.

– Лесной дух, прими от нас сей дар и не мсти нам за своего лохматого собрата! – зычно проговорил он.

Потом отрезал кодыаку нос, завернул его в тряпицу и сунул в карман полукафтана.

– Зачем это? – спросила Лесана.

– Душа медведя находится в кончике его носа, – объяснил Хлопуша. – Если бы я его не отрезал, медведь пришел бы ко мне во сне и растерзал меня. – Богатырь вытер нож, отряхнул одежду, огляделся, затем уставился на Лсану и спросил:

– И что дальше? Устроим привал?

Девушка покачала головой.
– Нет. Мы поедem дальше.
– Через полчаса в лесу будет совсем темно, – возразил Хлопуша. – Ночной лес – не место для прогулок. Если нас не разорвут звери, то острые ветки выколуют нам глаза.
– Не бойся, – сказала Лесана. – Я пойду вперед.
Хлопуша угрюмо усмехнулся.
– Пойдешь вперед? Уж не хочешь ли ты сказать, что видишь в темноте?
Лесана прищурила глаза и ответила с легкой усмешкой:
– Иногда.
– А как же ночные хищники? Ты сметешь их с пути одним лишь взглядом?
– А разве мы с тобой – не хищники? – ответила Лесана вопросом на вопрос. – Мы те, кого следует бояться. Разве не так?
– Пожалуй, что так. И все же по ночному лесу я не ходок.
Лесана протянула руку и коснулась пальцами ладони Хлопуши.
– Просто доверься мне, – сказала она, глядя ему в глаза.

3

Они выскочили на тропу внезапно. Два огромных черных волколака. Выглядели они отвратительно и противоестественно. Туловище, лапы, хвост и шея – волчьи. Но к косматым волчьим шеям их были «приделаны» вполне человеческие головы. Лица – черные, будто у африканцев. Лиловые глаза – чуть навывкате. Губы толстые, вывернутые, а между ними видны острые клыки.

Выскочив на тропу, волколаки не медлили, а тут же бросились на Глеба. Однако он успел вскинуть ольстру и дважды нажать на спусковой крючок. Один из волколаков споткнулся и рухнул на землю. Второго пуля сшибла на лету, и Глеб едва увернулся от лап смертельно раненного зверя. Отпрыгнув в сторону, Глеб резко повернулся влево и снова нажал на спуск. Пуля пробила голову третьему волколаку, выпрыгнувшему из кустов.

Покончив с тварями, Глеб быстро огляделся. В чащобе все было тихо. Не почуяв угрозы, Орлов опустил ольстру и, как выяснилось мгновением позже, совершил большую ошибку. Огромный упырь прыгнул ему на спину и вцепился зубами в шею. Глеб завертелся на месте, пытаясь сбросить с себя упыря, но тот держался крепко, все глубже и глубже засаживая клыки в шею Глеба.

Раздался отвратительный хруст, кровь из разорванной шеи Глеба брызнула во все стороны. Глаза его заволокло кровью. Глеб пошатнулся и стал падать, с ужасом осознавая, что в следующий раз поднимется с земли уже упырем, поскольку слюна живого мертвеца попала в его кровь. В этот момент раздался резкий сигнал, и на красном экране монитора выскочила пылающая огнем желтая надпись:

GAME OVER!

– Уф-ф... – Глеб откинулся на спинку кресла, перевел дух и вытер рукавом толстовки лоб.

– Ну, как? – окликнул Глеба из-за спины голос Яшки Фенделя. – Клевый шутер?

– Да, неплохой. – Глеб взял со стола пачку «Кэмела», вытряхнул сигарету и вставил ее в губы. – Но бывали и лучше. – Прикурив от бензиновой «Зиппо», он выдохнул облако дыма и уточнил: – Как, говоришь, называется игра?

– «Гиблое место», – ответил Фендель.

Глеб подумал и кивнул.

– Хорошее название. Только малость чернушное.

– А по-моему, прикольное. Короче, или бери, или я Гарику Скворцову унесу. Он давно просит.

– Гарик перебьется. Оставляй, короче. Правда, в ближайшие дни у меня времени гамиться не будет.

– Чего так?

Глеб стряхнул в чашку с недопитым кофе пепел и небрежно ответил:

– Еду в командировку.

– Куда?

– На конвент писателей-фантастов.

Фендель ухмыльнулся:

– Ясно. Алка-зельцером запасся?

– Я же не на пьянку еду.

– Угу. Мне-то не отвешивай. Знаю я фантастов. Пока не остограммятся, за комп не садятся.

Глеб усмехнулся и пожал плечами.

– Надо же чем-то стимулировать воображение. Кстати, Яков Михалыч, что там с моей «Тойотой»? Нашел покупателя?

– В принципе, да. Одного не пойму: на фиг ты ее продаешь? Нормально же еще машинка бежит.

– Бежит-то нормально. Но надоела. Хочу купить себе «Хонду-аккорд».

– Новую?

Глеб затащил сигарету и покачал головой.

– Не, новую не потяну.

– Купил бы себе лучше подержанный джип. Телки тащатся от джипов.

– Телки от меня и так тащатся, – с ухмылкой проговорил Глеб. – А я хочу «Хонду-аккорд».

Фендель зевнул и принялся что-то тихонько напевать. Глеб прислушался. Фендель был в своем репертуаре и напевал какой-то хипповый бред:

Выгоняли из автобуса бомжа,
Привязавшись, что одежда несвежа.
Ну подумаешь, великая беда!
Это ж кризис гуманизма, господа!

«Господа» – литературный оборот,
Часто видно ли в автобусах господ?
Понавешали Распятого на грудь,
А сами, суки, так и ждут, кого б распнуть...

– Это чего? – спросил Глеб.

– Песня, – небрежно пояснил Фендель. – Миши Никольского. Меня с ним Натаха Ячменева познакомила. – И Фендель снова запел:

Эка невидаль, сопля на бороде.
Может, в прошлом он ученый, или где,
Может, кинула жена – ушла с другой.
Сердце нежное разбилось – и в запой!

Жизнь опасна, как гадюка под ковром.
За обломом неудача – вновь облом.
Но согражданам дубиной не вдолбить,
Что такое ненавидеть и любить.

Фендель замолчал. Посидел немного молча, задумчиво глядя на книжные полки, потом вдруг спросил:

– Орлуш?

– Чего? – отозвался Глеб.
– Как думаешь, в чем смысл жизни?
Глеб на секунду оцепенел, потом стряхнул с сигареты пепел и усмехнулся.
– Ни фиги себе вопрос. А ты сам-то как думаешь?
– Я думаю, что смысл жизни – в человеколюбии.
Глеб присвистнул.
– Ну, ты загнул. Это тебе песенка про бомжа навеяла?
– Угу.
– Ну и зря. От бомжей действительно воняет.
– И что? Их запах – это запах святости. Думаешь, святые старцы часто мылись?
Хрен-то. Это тебе не древние греки или римляне. Христиане все время думали о своей душе.
А на мысли о бренном теле у них не оставалось времени.
Глеб поморщился. Разговоры о смысле жизни всегда вызывали у него раздражение.
– Фендель, завязывай с этим депрессняком. По-моему, тебе пора восполнить недостачу алкоголя в крови.
Яша вздохнул:
– Сам знаю. Пойдем сегодня в «Воблу»? Посмотрим бокс, попьем пивка. Только чтоб без баб, суровой мужской компанией.
– Я только «за», – сказал Глеб. Он швырнул окурок в кофейную чашку, и в этот миг Яшка Фендель вдруг хрипло проговорил:
– Орлуш... Что со мной?..
Глеб обернулся, и лицо его вытянулось от изумления. С Яшкой Фенделем происходили жуткие метаморфозы. Руки и ноги его стали вытягиваться, превращаясь в длинные паучьи лапы, а рот искривился и вдруг резко расползся в стороны, словно уголки его губ лопнули и разошлись «по шву».
А в следующее мгновение Фендель повалился на пол, быстро перевернулся со спины на живот, оперся длинными руками и ногами в пол и приподнял над полом толстое паучье брюхо.
– Яшка... – изумленно выдохнул Глеб.
Фендель отвратительно рассмеялся и вдруг побежал к Глебу, быстро перебирая паучьими лапами по полу.
Не успел Глеб понять, что происходит, как Фендель уже оказался рядом. Взрыв в воздух, он прыгнул Глебу на грудь и впился ему в лицо зловонными, острыми, как крючки, зубами.
Глеб закричал от ужаса – и проснулся.

4

Тихо потрескивали люминесцентные лампы. Включились автоматически. Значит, уже утро. Глеб вздохнул и огляделся. Никакого Фенделя тут, конечно же, не было. Яшка Фендель погиб пять лет назад вместе с шестью миллиардами других людей. Погиб, не успев мутировать. Земля ему будет пухом.

Рядом с Глебом, свернувшись калачиком, тихо посапывала во сне Катя Королькова. Глеб выпростал из-под одеяла руку и провел пятерней по лицу, словно опасался нащупать на нем следы от зубов человека-паука. Но лицо, если не считать трехдневной щетины, было совершенно чистым.

«Слава богу», – с облегчением подумал Глеб.

Он отбросил край одеяла и тихонько, стараясь не скрипнуть пружинами, поднялся с кровати. Оглянулся через плечо на Катю. Она спала, отвернувшись лицом к стене, и Глеб видел только ее голое плечо и затылок. Длинные каштановые волосы Кати разметались по подушке.

Глеб улыбнулся. Какое это все-таки счастье, что он нашел ее и что она жива. Хотя...

скорее эта сама Катя разыскала его в Пепельном городе. Глеб отвернулся и стал тихо одеваться.

Одевшись, Первоход вышел в соседнюю комнату и плотно притворил за собою дверь. Потом подошел к окну, отодвинул засов и распахнул железный щит, закрывающий окно изнутри. Осторожно выглянул на улицу. Небо было тяжелым и серым. Последние два месяца Глеб почти не пользовался респиратором. Воздух был вполне пригоден для дыхания. Вспомнив об этом, Глеб, как всегда, испытал тихую радость.

С высоты пятого этажа он увидел привычный пейзаж: десятки брошенных машин, кирпичные и бетонные коробки домов с черными дырами окон. В некоторых окнах все еще поблескивали стекла. Большинство машин настолько проржавели, что превратились в бесформенную рухлядь.

Полотно Дмитровского шоссе и тротуары давно затянулись лишайником, мхом и клевером, на которых позже выросли высокие травы и чахлые березы. Само шоссе стало миграционным путем для медведей и волков. Контролируемой среде давно пришел конец.

По ту сторону шоссе Глеб разглядел трех псов-мутантов, грызущих что-то отвратительно красное. Глеб поморщился и отвернулся от окна. Затем неторопливо подошел к шкафу. Открыл створки и уставился на развешанное на вбитых гвоздях оружие.

Достав из шкафа пятнадцатизарядную «беретту», Глеб сунул ее за ремень, после чего распахнул по карманам плаща запасные обоймы, а на плечо повесил «АКМ» с полным рожком. Подумал и добавил к своему арсеналу еще один рожок.

Он уже направился к входной двери, когда вдруг вспомнил, что обещал разбудить Катю перед уходом. Он улыбнулся и направился к спальне.

Катя крепко спала. Глеб подошел, положил руку на ее голое плечо, легонько потряхнул и позвал:

– Кать!

Она не проснулась.

– Катюш! – Он потряхнул чуть сильнее.

Глебу вдруг показалось, что плечо, на которое он положил руку, слишком холодное. Мгновенно пропотев, Глеб быстро перевернул Катю и, вскрикнув, отступил от кровати.

Грудь и живот Кати были разорваны, и из кровавой дыры вместе с внутренностями торчали отвратительные паучьи лапы. Лапы зашевелились. Череп Кати хрустнул, и из ушей ее вылезли такие же паучьи лапы. Катя открыла глаза и стала поднимать голову с подушки.

– Нет... – прохрипел Глеб. – Нет... Только не ты!

В это мгновение Катя с невероятной скоростью вскочила на четвереньки, раскрыла рот и яростно зашипела на Глеба. Во рту ее задрожал длинный, черный язык, усыпанный шипами.

Глеб выхватил из-за пояса пистолет, быстро приставил к Катиной голове и нажал на спуск.

* * *

– Не-ет!

Вопль ужаса и отчаяния потряс темные, волглые стены темницы. Два охоронца, сидевшие по ту сторону решетки и игравшие в кости, вздрогнули и, повернув головы, уставились на узника. Тот захрипел и заворочался во сне.

– Вот орет, – тихо проговорил один ратник другому. – Ажно мороз по коже. Хотел бы я знать, что ему снится.

– На кой ляд?

– Да ни на кой. Просто интересно.

– Прогневишь волхвов, узнаешь.

– Не приведи Белобог! – Молодой ратник быстро обмахнул лицо охранным знаком. Затем снова угрюмо посмотрел на узника и недовольно проговорил: – До прихода волхвов

еще два часа. Дай ему еще отвара, Миляй.

Второй ратник, пожилой, с иссеченным шрамами лицом, наморщил лоб и с сомнением проговорил:

– Не знаю, Кряж... Может, ему хватит? Гляди, как трясется. Откинет копыта, волхвы с нас три шкуры сдерут.

– А коли *страхов* накопится мало, так они все равно озлятся, – возразил молодой охоронец. – Помнишь, что было три дня назад, когда волхвы не насытились?

Пожилый Миляй слегка побледнел от неприятного и страшного воспоминания. Проронил сквозь зубы:

– Ладно. Дам ему еще отвара, но немного.

Он взял со стола крынку с темной жидкостью, поднялся с лавки и двинулся к узилищу, гремя по пути ключами.

Вскоре охоронец Миляй уже поил узника отваром, приподняв его голову, чтобы пролить поменьше. Кряж задумчиво посмотрел на длинные, грязные седые волосы узника и тихо спросил:

– Миляй, а сколько ему лет?

Охоронец пожал плечами:

– Не знаю.

– Должно быть, старик, – задумчиво проговорил молодой охоронец. – Волосы, вишь, совсем седые.

– Волосы седые, а кожа молодая. Гляди – морщин-то почти нет. Да и зубы еще крепкие. Лет тридцать, должно быть. Навряд больше.

– Надо же, – удивился Кряж. – А глянешь со стороны – совсем старик.

Миляй отнял от губ узника крынку и сказал:

– Это все сны. Тебя бы туда на три ночи, тоже бы поседел.

– Типун тебе на язык, Миляй! – воскликнул Кряж и обмахнул себя охранным знаком.

Пожилый Миляй засмеялся. Проверил, крепки ли на руках и ногах узника оковы, а затем вышел из клетки.

Прошло немного времени, и узник вновь заметался во сне.

– Началось, – с придыханием проговорил Кряж. – Никак не могу привыкнуть к тому, как это у них начинается. Ты только посмотри на него, Миляй. Сам лежит на топчане, а душа его уже далече.

– Незачем тебе об этом думать, Кряж, – сухо посоветовал пожилой охоронец. – Лучше бери кости, и продолжим игру. Мне еще нужно отыграть у тебя свою фибулу.

– Отыграешь, как же! – усмехнулся Кряж. – Скорей проиграешь вторую!

5

Идти по ночному лесу – дело неприятное, жутковатое и очень опасное.

Коней у Лесаны и Хлопуши больше не было. Лесана поступила с ними странно и жутко. Сперва дунула им в морды какой-то перетертой травкой. Кони сразу закачались, а потом опустили на колени, постояли так чутко да и завалились набок. Хлопуша было испугался, но Лесана успокоила его, объяснив, что кони просто уснули.

После этого Лесана достала из сумки-ташки, притороченной к поясу, крынку с какой-то темной, едко пахнущей жидкостью и обрызгала этой жидкостью все вокруг.

– Теперь ни одна лесная тварь к коням близко не подойдет, – пояснила Лесана. – Да и люди, коли случится им здесь проходить, обойдут это место за версту, сами не зная, почему.

Хлопуша посмотрел на спящих коней и спросил:

– Не проснутся ли?

– Не проснутся, – заверила его Лесана. – Пока я сама их не разбужу.

– А если не разбудишь.

– Тогда так и помрут во сне.

– От голода? – севшим от ужаса голосом спросил здоровяк.

Лесана кивнула.

– Угу.

Хлопуша помолчал, потом вздохнул и изрек:

– Нет ничего страшнее, чем такая смерть. Случилось мне как-то голодать. Так я до того ослаб разумом и духом, что чуть не слопал жабу.

– Сколько ж ты голодал? – поинтересовалась Лесана, окинув взглядом упитанную фигуру здоровяка и чуть задержавшись на его объемистом животе.

Хлопуша вздохнул и ответил:

– Три дня. Коли б на четвертый не поймал в силки куропатку – быть бы мне жабоедом. Фу. – Он поморщился и передернул плечами.

Первые десять минут, шагая по лесу, Хлопуша то и дело возвращался мыслями к уснувшим коням. Каково им там, в темноте, посреди чужого и страшного леса? Что, если их мучают жуткие и тяжкие сны? Волчьи оскаленные морды, или чего похуже?

Представляя себе это, Хлопуша беспрестанно вздыхал от жалости к бедным коникам. Наконец, Лесана не выдержала и спросила, не поворачивая головы:

– Ты чего это развздыхался, здоровяк?

– Да так, – хмуро ответил Хлопуша. – Просто вздыхается. Должно быть, от ночного сквозняка. Меня в лесу по ночам всегда сквозняк прохватывает.

В следующие полчаса никто из них не проронил ни слова. Мрачен был лес. Мрачен и неприятен. Земля под ногами стала влажной и мягкой. Вначале шли быстро и ловко, но потом ноги стали утопать все глубже и глубже, и вытаскивать их обратно становилось все труднее и труднее.

– Жаль, что мы не лоси, – пожаловался Хлопуша, нарушив тягостное молчание. – Лосям хорошо, у них ноги длинные, и в ногах этих страшная сила. Ему что болото, что лес – промчится и не заметит.

Лесана продолжала молча двигаться вперед.

«Может, у них в лесах лоси не водятся?» – подумал Хлопуша. И снова вздохнул, еще тягостнее, чем прежде.

Ночь была лунная. Глаза Хлопуши давно привыкли к темноте, и он довольно сносно различал силуэты деревьев и черные груды кустарников. Хотя, конечно, это не делало ночную «прогулку» приятней. За каждым деревом и кустом Хлопуше виделся притаившийся враг.

Вскоре ноги странников перестали проваливаться, но теперь на пути у них встали заросли ивы и ольхи. Здесь Лесана намного опередила Хлопушу, ловко огибая кустарники и стволы деревьев.

– Человек не должен бродить в лесу по ночам, – ворчал здоровяк, недовольный тем, что ему приходится прятаться за бабьей спиной.

– Почему? – спросила, не оборачиваясь, Лесана.

– Потому что глаза человека не видят во тьме. А глаза лесных хищников – видят.

– А Первоход тоже не видел по тьме? – поинтересовалась Лесана.

– Первоход? Первоход, пожалуй, видел.

– И все же он человек?

– Пожалуй, что человек.

– В твоём голосе я слышу неуверенность. – Лесана усмехнулась. – А ты знаешь, что в Хлынь-граде многие считают Глеба Первохода таким же порождением Гиблого места, как оборотни и стригои.

– Так думают только дураки, – недовольно нахмурившись, возразил Хлопуша. – Первоход мой друг. Неужели ты считаешь, что я дружил бы с оборотнем или стригоем?

– Ты знаешь только его светлую сторону, – возразила Лесана. – Но ты не ведаешь, какие чудовища таятся в его душе.

– Если бы таились – я бы знал, – уверенно заявил Хлопуша.

– Может быть, и так. Но скажи-ка, разве Первоход не убивал людей?

– Только тех, кто этого заслуживал!

– А не случилось ли тебе самому бояться его? Ведь бывало же такое, а?

Хлопуша не ответил. Лесана, шагавшая впереди, усмехнулась.

– То-то же, – сказала она. – В любом из нас таятся чудовища. А в таких людях, как Первоход, их больше, чем в других. Помни об этом, когда решишь снова пойти с ним в Гиблое место.

– Сначала нужно вызволить его из Мории, – недовольно проворчал Хлопуша. – А что-то подсказывает мне, что сделать это будет ой как нелегко.

С этим Лесана спорить не стала.

...Рысь прыгнула внезапно, словно выскочила из темного ночного воздуха. Огромная кошка, размером с охотничьего пса, такая же мускулистая, но с когтями, величиной и крепостью напоминающими ножи. Прыгнув Хлопуше на плечи, рысь попыталась вцепиться ему зубами в горло, но богатырь извернулся и с размаху всадил хищнице в глотку кулак. Зубы рыси заскребли по железному наручу, опоясывавшему предплечье Хлопуши.

Лесана, заслышав шум, быстро обернулась и хотела броситься на помощь, однако ее помощь Хлопуше не понадобилась. Швырнув кошку на землю, богатырь навалился на нее всем телом и просунул кулак еще дальше. Рысь забилась под ним, задыхаясь и стеля, но Хлопуша был тяжел и крепок, и свалить его с себя кошка не смогла.

– Сдохни! – проревел Хлопуша и изо всех сил вдавил кулак в распахнутую глотку зверюги.

Дернувшись несколько раз, рысь затихла. Покончив с нею, Хлопуша поднялся на ноги и вытер испачканную кровью руку о штанину. Потом пнул мертвую рысь сапогом, повернулся к Лесане и сердито осведомился:

– Ну? И где твое хваленое чутье, которому я должен был довериться?

– Я имела в виду волхвов, – сухо ответила Лесана. – Но я не говорила о ночных хищниках.

– Ты могла хотя бы предупредить меня.

Лесана пожала плечами:

– Зачем? Ты ведь охотник.

Хлопуша нахмурился, однако крыть ему было нечем. Как ни крути, а Лесана права. Он – охотник, а охотник не должен терять бдительность ни на миг, пока он находится в лесу.

– Что ж... – проворчал здоровяк. – По крайней мере, это убийство не стоило мне большого труда.

– Верно, – согласилась Лесана. – А значит, нам не о чем беспокоиться. Если ты готов, мы можем идти дальше.

Не дожидаясь ответа, девушка повернулась и зашагала вперед.

6

– Мы идем уже больше часа, – сказал Хлопуша, почувствовав голод. – Ты не хочешь отдохнуть?

– Я – нет, – ответила Лесана, поправляя на плече небольшой охотничий лук и колчан со стрелами. – А ты?

– Тоже нет, – хмуро проговорил Хлопуша. – Но после схватки с рысью в животе у меня урчит так, будто я не ел двое суток.

– Ты можешь подкрепиться на ходу, – предложила Лесана.

– На ходу? – На широком лице Хлопуши появилось выражение безразличия. – Я не зверь, чтобы бегать по ночному лесу с куском мяса в зубах.

– Тогда тебе придется потерпеть.

Посчитав, что разговор окончен, Лесана ускорила шаг, мягко и бесшумно ступая по тропе, протоптанной среди зарослей лосями и оленями. Девчонка, похоже, не знала

усталости. Хлопуша вздохнул и поспешил за ней вслед.

Богатырь все еще корил себя за то, что расслабился и едва не позволил лесной кошке перегрызть себе глотку. Отец бы такого никогда не допустил. Впрочем, отец бы ни за что не согласился разгуливать по незнакомому ночному лесу в компании молодой бабенки, вообразившей себя истребительницей волхвов.

Вдруг по лесу пронесся порыв ветра, и деревья отозвались тяжким вздохом, а вслед за тем где-то в отдалении послышался протяжный вой. Здоровяк насторожился и хрипло окликнул:

– Лесана, ты слышала?

– Что?

Хлопуша завертел головой, пристально вглядываясь в ночной мрак, подсвеченный призрачным лунным сиянием.

– Кто-то выл. Только что. Разве ты не слышала?

– Я слышала только ветер, – не оборачиваясь, ответила Лесана.

– Ветер?

– Да, ветер. Ты не должен бояться. Я ведь с тобой.

Хлопуша усмехнулся:

– Ну, тогда я спокоен. Хотя, если на нас нападут темные твари...

– Здесь нет темных тварей, – напомнила Лесана. – Мы с тобой не в Гиблом месте.

– Так-то оно так. Однако волхвы – мастера на всякую жуть. Колдовство есть колдовство, хоть в Гиблом месте, хоть здесь.

Зря Хлопуша это сказал. Будто бы нарушил невольно своими словами зыбкое равновесие между миром ночного леса и миром ночных призраков. Не успел богатырь договорить последнее слово, как в десяти саженях от себя увидел слабое свечение.

– Лесана! – хриплым шепотом окликнул он.

Девушка остановилась.

– Ну, что опять? – небрежно спросила она через плечо.

– По-моему, от голода у меня начинаются видения.

– От голода? – Лесана нахмурилась. – Но меньше двух часов назад ты съел огромный кусок вяленого мяса. У тебя не может быть голодных видений, Хлопуша.

– Да? Тогда что это виднеется там, между деревьями? – Здоровяк вытянул руку и показал Лесане на светлую фигуру.

Лесана посмотрела в ту сторону, и по лицу ее пробежала судорога. Несколько секунд девушка напряженно вглядывалась в белесую фигуру, а потом облизнула пересохшие губы и прошептала:

– Начинается.

– Что начинается? – не понял Хлопуша. – Лесана, что начи...

– Тише!

Хлопуша замолчал, но вовсе не от тихого окрика девушки. Белесая фигура вдруг легонько заколыхалась, и от нее стали отделяться другие фигуры. Отделившись, каждая фигура неподвижно зависала над травой.

– Кто это? – прошептал Хлопуша.

– Духи, – так же тихо ответила ему Лесана. – Лесные духи. Дягиль рассказывал о них, помнишь?

– Э-э...

– Не смотри на них!

– Почему? – обескураженно спросил Хлопуша.

– Они ищут нас. И если они встретятся с тобой взглядом...

Хлопуша поспешно отвел глаза от белых фигур и даже слегка прищурил веки, чтобы погасить мерцание глаз.

– Что мы будем делать дальше? – тихо спросил он.

– Пойдем вперед, – ответила Лесана. – Дягиль говорил, что духи отделены от нас

покрывалом Нави. Они не видят нас и не слышат. Но наши глаза для них – что отверстые двери. Ежели встретишься с ними взглядом, они набросятся на тебя и разорвут.

– Дернул же меня леший бродить по лесу ночью, – проворчал Хлопуша. – Да еще по такому лесу, где орудуют волхвы.

Лесана ничего не сказала. Она медленно повернулась и осторожно двинулась вперед. Хлопуша, вздыхая, последовал за ней. Он старался не смотреть на духов, но все равно видел их боковым зрением. Будто во мраке колыхалось развешанное на веревках для просушки белье.

«Боги Хорс и Семаргл, помогите нам с Лесаной, – беззвучно шептал Хлопуша. – Она, конечно, девка глупая и самонадеянная, но совсем не зловредная. И богов почитает. Правда, боги у нее свои, но по здравому разумению, все боги – родственники. Коли выберемся отсюда – расскажу ей про вас».

И вдруг здоровяка прошиб пот. Впереди, чуть в стороне от тропки, стояли его покойные родители. Оба были в белых саванах, седовласые, с бледными лицами и грустными, запавшими глазами.

– О, боги! – хрипло воскликнул Хлопуша и остановился.

– Что? – быстро обернулась Лесана.

Увидев, что Хлопуша смотрит на духов, она прыгнула к нему и быстро зажала ему глаза ладонью.

– Не смотри на них! – яростно проговорила Лесана.

– Но это... это...

– Это всего лишь видения! Их нет!

– Но...

Хлопуша попытался высвободиться, чтобы снова посмотреть на родителей. Тогда Лесана быстро нагнулась, подхватила с земли комок грязи и мазнула ею Хлопушу по глазам. Толстяк вскрикнул от неожиданности, отвернулся и принялся тереть пальцами заляпанные грязью глаза.

– Хлопуша... – услышал он тихий голос отца. – Взгляни на меня, парень...

– Мы по тебе истосковались, сынок, – присоединился к низкому голосу отца тонкий и грустный голос матери. – Подойди к нам и обними нас.

– Леший... – жалобно прохрипел Хлопуша, вытирая глаза. – До чего же тоскливо они зовут... Сердце мое рвет на куски...

– Это не твои родители, – тихо, но твердо вымолвила Лесана. – Это лесные духи. Не слушай их и не смотри на них. Я прямо перед тобой. Смотри на меня.

Хлопуша протер наконец глаза и уставился на Лесану, стараясь не обращать внимания на мелькающие по сторонам тропы белесые тени.

– Вот так, – кивнула Лесана. – А теперь идем.

Она повернулась и медленно пошла по тропинке. Хлопуша молча двинулся за ней.

– Посмотри на нас... – шептали ему на ухо призраки. – Посмотри на нас...

– Вас нет! – зашептал, обливаясь потом, Хлопуша. – Вы мне мнитесь, но и только!

– Мы здесь... – прошелестели знакомые голоса, от которых сердце богатыря сжалось в груди. – И мы тоскуем по тебе... Взгляни на нас, сынок...

Хлопуша поднял ладони и приставил их к вискам, уподобив шорам.

– Не вижу вас! – тихо выкрикнул он. – Не вижу!

Тогда призраки устремились к Лесане. Они закружились, затанцевали вокруг девушки, шепча ей что-то на ухо. Лесана упорно шла вперед. Ее побелевшие от напряжения пальцы лежали на рукояти кинжала, но доставать его она не спешила.

– Прочь, лесные духи! – процедила она сквозь сжатые зубы. – Нет у вас власти надо мной!

– У нас есть власть...

– Есть власть...

– Над тобой, человек...

– Человек? – Лесана нервно усмехнулась. – Вы называете меня человеком?

Она запрокинула голову и вдруг рассмеялась, и от ее смеха – громкого, жуткого, гулким эхом прокатившегося по ночному лесу, – призраки задрожали и стали растекаться по темному воздуху блеклыми, призрачными обрывками.

– Прочь, духи! – крикнула им Лесана, гневно сверкая глазами. – Прочь от нас!

И вдруг наваждение кончилось. Призраки исчезли, не оставив по себе и следа. И на сердце у Хлопуши сразу отлегло.

– Уф-ф... – Он вытер рукою потный лоб. – Кажется, отвязались. Слышь, Лесана!

– Что? – хриплым, усталым голосом отозвалась девушка.

– Этот твой смех... – здоровяк осекся, не зная, как точнее сказать.

– Что? – снова спросила Лесана.

Хлопуша сглотнул слюну.

– Ничего. Но вздумаешь еще раз так рассмеяться – предупреди загодя, чтобы я успел заткнуть пальцами уши.

7

Пройдя еще немного, Лесана и Хлопуша приободрились – с восточной стороны потянуло деревенским овинным духом.

– Деревня близко, – сказал здоровяк. – Я ее чую.

– Я тоже, – отозвалась Лесана, останавливаясь и втягивая ноздрями воздух. – До нее отсюда версты две.

– Должно быть, это та самая Гниловка, о которой рассказывал Дягиль.

– Да, она. Другой деревни поблизости нет.

– Что будем делать, когда придем?

Лесана подумала и ответила:

– Постучимся в крайний дом. Скажем, что заблудились, и попросимся на постой.

Хлопуша вздохнул.

– Не нравится мне это. Дягиль говорил, что жители Гниловки состоят у волхвов на услужении. Что, ежели они о нас расскажут?

– Может, и расскажут, – спокойно согласилась Лесана. – А может, и нет.

Хлопуша понял слова девушки по-своему.

– Ты права, – проговорил он возбужденным голосом. – Попросимся на постой, а как войдем – я с ними поговорю по-свойски. Пусть только попробуют пикнуть. Пожалуй, хозяина дома сразу приласкаю кулаком в лоб, чтобы и рта раскрыть не успел. Домашние-то, чай, сразу притихнут.

Лесана покачала головой и сказала:

– погоди с кулаками, здоровяк. Жить под волхвами – тяжелая доля. Быть может, в нас здешние люди увидят обещание воли или отблеск того света, о котором они давно позабыли.

Хлопуша обдумал ее слова, вздохнул и недовольно произнес:

– Я думал, это Рамон мудрёно говорит, но ты и его перемудрила. Я мало что понял из твоих слов, однако махать кулаками погожу.

Странники двинулись вперед и спустя малое время вышли из леса к большой деревне. Деревня выглядела в точности так, как Дягиль ее описывал. Луна освещала полсотни домов, убегающих вдаль, к широкой и могучей реке под названием Волхов. Между домами было полно сарайчиков, погребных коробов и низких заборов. От развешанных повсюду сетей несло водорослями и рыбой.

– Большая деревня-то, – тихо сказал Хлопуша. – Не знаю, как насчет драгоценных камушков, но рыбный промысел здесь на высоте. Идем, что ли?

– Идем, – кивнула Лесана.

И они зашагали к крайней избе. Вопреки обыкновению, их не встретил собачий лай. Да и во всей деревне не было слышно ни лая, ни собачьего скулежа.

– Деревня, и без собак? – удивился Хлопуша, входя через незапертую калитку во двор. – Не знал, что такое бывает. Кто будет стучать – ты или я?

– Я, – ответила Лесана. – А ты помалкивай. Будешь говорить, только когда я разрешу.

Хлопуша нахмурился, но спорить не стал. Лесана подняла руку и несколько раз стукнула кулаком в дверь. Подождала чуток, а потом стукнула опять.

За дверью зашаркали шаги, а вслед затем скрипучий старческий голос спросил:

– Кто там?

– Мы странники, – ответила Лесана. – Сбились потемну с большака и заблудились в лесу. Шли долго, уже отчаялись выбраться, но вдруг увидели вашу деревню. Пустите на постой?

Повисла пауза, а затем старческий голос недоверчиво уточнил:

– Говоришь, сбились с большака?

– Да.

– До него отсюда пятнадцать верст, коли идти по прямой. Как же вы дошли?

– Сами не знаем. Однако дошли. Отоприте дверь да поглядите. Если придемся не по нраву, попросимся в другую избу.

– В другую, – проворчали из-за двери. – Другие-то вас так и ждут. Ладно. Отойдите подальше.

Лесана и Хлопуша отошли от двери на пару шагов. Дверь приоткрылась, и в щель высунулась морщинистая рука со смоляным факелком. В лица Хлопуше и Лесане пахло рыбной вонью и кислым, тяжелым запахом, похожим на смрад, который стоит в кожаных мастерских. А затем Хлопуша и Лесана увидели саму старуху. Платье на ней было темное, голову – до самых бровей – покрывал такой же темный платок. Лицо у старухи было худое и морщинистое, а кожа – бледная и сухая.

Прищурившись на странников, она резко и хрипло спросила:

– Говорите, двое вас?

– Да, бабушка, двое, – ответила Лесана.

Старуха скользнула взглядом по ее лицу, потом уставилась на Хлопушу. Тот добродушно и приятно улыбнулся, пытаясь с ходу завоевать симпатию старушки. Однако фокус не сработал.

– Двое, – повторила старуха недовольным голосом. – И больше нету?

– Нету, – заверила ее Лесана.

«До чего противная старушенция, – подумал Хлопуша. – Жаль, что дверь открыл не мужик. С ним бы я живо столковался».

– Здоров твой спутник-то, – сказала старуха, неприязненно глядя на Хлопушу. – Как лось-двухлетка. А у меня избушка тесная. Ступайте в лес и ночуйте там. Здесь вам не место.

Старуха хотела закрыть дверь, но Лесана заговорила снова:

– Не прогоняй нас, бабушка. В лесу мы слышали волчий вой.

Лесана хотела еще что-то сказать, но Хлопуше надоело топтаться и мерзнуть позади, он отодвинул с дороги Лесану, шагнул вперед и пробасил:

– Не переживай, бабуса, лягу под стол – и не заметишь!

При виде наступающего гиганта бабка нахмурилась и попыталась поспешно закрыть дверь, но не тут-то было – Хлопуша ринулся вперед и сунул в щель свою огромную ногу.

– Не так шибко, бабуса! – рявкнул он. И тут же легонько надавил на дверь плечом.

Старуха попятилась от двери, и странники вошли в сени, сперва Хлопуша, а за ним Лесана. Старуха стояла в двух шагах от двери с факелком в руке и тревожно смотрела на незваных гостей.

– Что ж... – сердито проговорила она. – Не хотела я вас пускать, но коли сами вошли...

Она посторонилась, пропуская странников в дом, затем подошла, прихрамывая, к двери и задвинула засов.

Обстановка в избе была небогатая. Посреди горницы стоял стол, а слева и справа от него – две лавки, одна расписная, другая – простая.

- Садитесь на расписную, поближе к печи, – пригласила старушка.
- Так она ведь не горит, – нахмурившись, проговорил Хлопуша.
- Недавно погасила. Тепло-то, чай, еще идет.

Хлопуша хотел возразить, что никакого тепла нет, но Лесана незаметно дернула его за рукав и сказала:

– Благодарствуем тебя, бабушка. Но наши кости молодые, их и ночной сыростью не проймешь. А твои – старые и заслуженные, тебе у печки и сидеть.

Старуха хмыкнула, но спорить не стала. Прохромала к печке, широким жестом указала на лавку напротив, дождалась, пока гости усядутся, а потом села сама. Глянула них тяжелым взглядом и спросила:

– Откуда прибыли? Куда держите путь?

– Из Хлынь-града, – ответила Лесана. – Ехали в Полянское княжество к родичам. Бабушка, мы вас не стесним. Спать можем прямо на полу. Ежели найдется для нас пара соломенных тюфяков, будем благодарны. А что касается платы за постой... – Тут Лесана повернулась к Хлопуше и сказала: – Братец, заплати бабушке, сколько не жалко.

Хлопуша от такой наглости едва не зарычал, однако сдержался. Сдвинув брови, он со свирепым видом достал из кармана полукафтана кожаный кошель, вынул из него пару медных монеток и положил их на стол.

Старушка глянула на медяки и сдвинула седые брови.

– Еще, братец, – велела Лесана.

Насупившись еще больше, Хлопуша снова сунул пальцы в кошель и добавил к медным монеткам одну крошечную серебряную резанку, размером не больше рыбьей чешуйки.

Лесана улыбнулась и перевела взгляд на старуху. Та сгребла деньги со стола и высыпала их в передник.

– Ну что же, оставайтесь, – проговорила она своим скрипучим, недовольным голосом. – Но чтоб с рассветом вас тут не было.

На печке кто-то храпанул во сне, да так громко, что Хлопуша подпрыгнул на месте и схватился за кинжал.

– Охолони, толстяк! – строго сказала старуха, поднимаясь с лавки. – Это мой внук. Ладно, пойду принесу вам тюфяки, а вы ждите тут и не болтайте громко.

Старуха, шаркая ногами, ушла в чулан. Хлопуша повернулся к Лесане и возмущенно спросил:

– Разве я толстый?

Она покачала головой:

– Нет. Ты просто большой.

– Тогда почему она обозвала меня толстяком?

– Она оговорилась. Не бери в голову. У тебя отличная стать.

Но уязвленный Хлопуша уже не мог успокоиться.

– Старая карга, – проворчал он, – видать, вся эта дурацкая деревенька живет впроголодь, коли такой, как я, считается у них толстяком.

Лесана отвернула голову и незаметно улыбнулась.

– Вот увидишь, – продолжал ворчать здоровяк, – сейчас даст нам два тощих блина и выгонит с ними в сарай.

Вскоре старуха вернулась. Хлопуша не ошибся: тюфяки, которые она принесла, были тощее шерстяных одеял. Всучив один здоровяку, старуха сказала:

– Ступай в сени. Там будешь спать. А ты, девка, лезь на полати. Места там мало, но тебе хватит.

* * *

То ли сени в старушечьей избе слишком сильно провоняли рыбой, то ли прогулка по ночному лесу слишком подействовала на нервы Хлопуши, но сон ему приснился жуткий.

Снилось здоровяку, будто стоит он на лесной лужайке, освещенной зыбким светом луны, а из леса на лужайку выходят темные фигуры. Все больше и больше становится этих фигур, и все тяжелее и тяжелее делается на сердце у Хлопуши.

Наконец, когда места на лужайке уже не остается, одна из фигур делает шаг вперед и говорит глухим, могильным голосом:

– Меня зовут Коврига Бурелом. Два года назад ты убил меня на лесной дороге. Помнишь ли?

Хлопуша вглядывается в лицо темного человека, силясь его припомнить. А припомнив, вскидывает брови и начинает пятиться, хрипло бормоча:

– Я тебя помню, Коврига. Ты разбойник. Я убил тебя, защищая караван с товаром.

Еще две фигуры выступают вперед и становятся рядом с Ковригой.

– Мы с братом были добытчиками бурой пыли, – говорит один из них. – Ты убил нас, богатырь.

– Я убил вас за дело! – хрипло бормочет Хлопуша, продолжая пятиться. – Вы покалечили моих друзей, и если бы я не поспел им на помощь, вы бы их прикончили.

Четвертая фигура выступила вперед. Это был пожилой, седовласый воин с обезображенным шрамами лицом.

– Я всего лишь хотел вернуть себе свое, – холодно проговорил он, глядя на здоровяка яростными глазами. – Но ты убил меня.

– Верно. – Хлопуша облизнул губы. – Я убил тебя, бывший ратник. Боярин Колыван нанял меня для защиты. Я *должен* был убить тебя.

Глаза ратника сверкнули ярче.

– Из-за горсти серебра ты лишил меня жизни, богатырь, – отчеканил он. – А знаешь ли, что тот, чей карман ты защищал, затравил собаками мою дочь? Лишь за то, что она забрела по ягоды в его угоды!

– Я... этого не знал, – пробормотал Хлопуша, отступая к лесу. – Клянусь, я не знал этого!

– И ты думаешь, это тебя оправдывает?

Еще несколько фигур выступили вперед.

– Ты убил нас всех, богатырь, – пророкотал тощий мужик в темном, заношенном до дыр плаще. – Мне ты свернул шею только за то, что я встал у тебя на пути с обнаженным мечом.

– А меня швырнул в овраг, когда я залез твоему другу в карман, чтобы разжиться горсткой меди.

Хлопуша вытер ладонью потное лицо и дрогнувшим голосом проговорил:

– Я больше не буду никого убивать. Честно! Только не мучьте меня.

– Тебе не уйти от расплаты! – гаркнул один из мертвецов.

– Мы разрежем тебе живот! – прорычал другой.

– И сожрем твои потроха! – визгливо и злобно посулил третий.

– Ах, вы так? – Хлопуша вдруг рассвирепел и выхватил из ножен свой тяжелый меч. – Если для того, чтобы вы заткнулись, понадобится убить вас еще раз, я это сделаю! – рявкнул он. – Клянусь Хорсом!

Тут из толпы черных теней выплыла еще одна – белесая и бесформенная, как обрывок тумана.

– Тебе пора проснуться, богатырь, – прошелестела она.

– Сами просыпайтесь, ежели вам надо! – крикнул Хлопуша, выставив перед собой меч. – А мною не командуйте. Не задумали бы дурного, остались бы живы. Я никого не убивал за просто так!

Белая тень колыхнулась и стала стремительно наплывать на Хлопушу. Он вскинул меч, но слишком поздно, белая вспышка ослепила богатыря, он вскрикнул и – проснулся.

Прямо возле Хлопуши, лежащего на тощем тюфяке, стояла старуха. Хлопуша облегченно вздохнул. «Слава Белобogu, это был всего лишь сон»... Обмахнув лицо

охранным знаком, Хлопуша зевнул, протер пальцами глаза и, вновь воззрившись на старуху, насмешливо спросил:

– Ты чего, бабуся? Не спится?

Старуха не ответила и не шелохнулась. Освещенная лунным светом, пробивающимся в затянутые бычьими пузырями оконца, она стояла на месте как вкопанная и пристально вглядывалась в лицо Хлопуши.

– Бабусь, да что случилось-то? – удивился здоровяк. – Чего ты тут стоишь?

И вновь Хлопуша не получил ответа. Богатырь нахмурился и хотел послать старуху к лешему, но старуха вдруг вскинула костлявые руки и, мерзко ухмыльнувшись гнилым ртом, протянула их к Хлопушиному лицу. Здоровяк мигом вскочил на ноги и отступил на шаг. Старуха, продолжая ухмыляться, снова вперила взгляд в лицо Хлопуши и, выставив перед собой когтистые, бледные пальцы, стремительно пошла на него. В ноги богатырю с душераздирающим мяуканьем бросился кот. Хлопуша испуганно вздрогнул, вновь попятился назад, споткнулся об кота, покачнулся и, не удержав равновесия, грохнулся на пол. Падая, Хлопуша ударился головой о край железной кадки – из глаз у него посыпались искры, и он потерял сознание.

8

– Хлопуша!

Здоровяк приоткрыл глаза, но снова закрыл их и тихонько застонал от острой боли в затылке.

– Хлопуша, вставай! – снова окликнули его.

Богатырь вновь раскрыл глаза и уставился на Лесану осоловелым взглядом.

– Ты... – хрипло пробормотал он и поморщился от боли. – Что... случилось?

– Старуха пыталась полакомиться тобой, но мы с Буйсилом пришли тебе на помощь.

– С Буйсилом?

Только теперь Хлопуша разглядел, что рядом с Лесаной стоит темноволосый паренек лет четырнадцати на вид. Здоровяк сел на тюфяке, потрогал рукою ушибленный затылок и хрипло спросил:

– Где старуха?

– Она в избе, – ответила Лесана. – А это... – она кивнула на паренька. – Ее внук. Это он храпел на печи.

Хлопуша пошевелил бровями, потом снова лег на тюфяк и хмуро произнес:

– Я мало что понял, сестренка. Мне приснился дурной сон, и я... Я погано себя чувствую и собираюсь еще немного вздремнуть.

И он устало прикрыл веки.

– Что ты будешь делать с этим толстяком! – сердито воскликнула Лесана. – Скоро рассвет! Вставай!

Хлопуша открыл глаза и хмуро уставился на девушку.

– Как ты меня назвала?

– Я назвала тебя «богатырем», – с усмешкой ответила Лесана. – Но если ты не встанешь, я придумаю тебе такое скверное прозвище, что оно будет преследовать тебя в кошмарных снах. Вставай, леший тебя поберет!

Хлопуша обдумал ее слова, вздохнул и стал подниматься.

Минуту спустя он стоял в горнице, рядом с Лесаной и пареньком, и разглядывал лежащую на кровати старуху. Наглядевшись, покосился на Лесану и тихо спросил:

– Она спит?

– Разве похоже на то, что она спит? – прищурилась Лесана.

– Нет. Но...

Лесана повернулась к пареньку и велела:

– Расскажи ему.

Паренек кашлянул в грязный кулак и высоким мальчишеским голосом возвестил:

– Моя бабушка умерла в Маренов день. Еще до того, как выпал снег.

– Что-то я не понял, – пробубнил Хлопуша, все еще сонно и недовольно моргая глазами. – Ты про какую бабушку сейчас говорил?

– Про ту, что лежит на лавке, странник.

Хлопуша тупо уставился на парня, потом перевел взгляд на Лесану и вопросительно поднял брови. Она, однако, оставалась серьезной и никак не отреагировала на гримасы здоровья. Тогда Хлопуша проворчал:

– Ясно. Видно, пока я спал, все вы тут посходили с ума. Слышь, малый, когда пьешь брагу, надо плотнее закусывать. Плох был твой отец, коли не научил тебя этой первейшей вещи.

Паренек захлопал глазами.

– Отца у меня никогда не было, – пробормотал он. – А бабушка правда мертва. Волхвы оживили наших мертвецов и приставили к нам – поддерживать в избах порядок.

– Порядок? Какой еще порядок?

– Тот, который знали наши предки. И от которого нам негоже отказываться. Пока мертвецы хлопочут в домах, мы спим. Иногда мы говорим с ними, но чаще всего на рассвете или после полуночи. Они учат нас уму-разуму. Плохого мертвецы нам ничего не делают, а вот на проезжих путников иногда бросаются. Вот и тебя бабушка чуть не сожрала. Не подоспей Лесана, не быть бы тебе целу, богатырь.

Хлопуша нахмурился.

– Ну а теперь послушайте меня, – прорычал он. – Ежели вы вздумали надо мной посмеяться...

Лесана выхватила из ножен кинжал, быстро подошла к спящей старухе и замахнулась.

– Очумела баба! – выдохнул Хлопуша, прыгнул к девке и перехватил ее руку. – Ты чего это вздумала? – возмущенно спросил он.

– Хотела показать тебе, что старуха мертвая, – отчеканила Лесана. – Если я порежу ее, крови не будет. Вот, посмотри.

Она попыталась высвободить руку, но Хлопуша держал крепко.

– Я не позволю тебе ее ударить, – сказал он вдруг.

Лесана посмотрела на него удивленно.

– Почему?

Богатырь стушевался. Не мог же он сказать девке, что ему стало противно убивать людей, потому что все загубленные им души пришли к нему во сне и призвали к ответу.

– Старуха... разговаривала с нами, – тихо пробормотал Хлопуша. – Укладывала нас спать.

– Это еще не значит, что она была жива.

Здоровяк сдвинул брови и хмуро осведомился:

– Как тогда понять, кто жив, а кто мертв, коли все двигаются и разговаривают?

– Это легко, – ответила Лесана. – Если хочешь, послушай мою грудь, и услышишь, как бьется мое сердце.

Хлопуша усмехнулся.

– Мой мизинный палец жив и здоров, но отруби я его – убыль телу будет небольшая. Жив не тот, в чьей груди колотится кусок мяса, милая, а тот, кто говорит и кого... кого можно потрогать.

Глаза Лесаны сузились.

– Ну, тогда потрогай старуху и скажи мне – жива ли она.

Хлопуша посмотрел на старуху. Она лежала на лавке неподвижной колоды, и даже тощая грудь ее не вздымалась. Платок сбился на сторону, обнажив бледную, сухую, изрытую морщинами щеку. И щека эта совсем не выглядела живой.

И все же Хлопуша решил удостовериться. Он медленно протянул руку, на мгновение задержал ее у лица старухи, а затем осторожно коснулся пальцами ее щеки.

– Что скажешь? – спросила Лесана.
Хлопуша убрал руку и шумно выдохнул.
– Скажу, что эта старуха мертва. И мертва уже давно.
Лесана кивнула и спросила:
– Теперь ты готов нас слушать?
– Теперь – да.
– Как я уже сказала, этого малого зовут Буйсил. Я долго с ним говорила, пока ты спал. Ему четырнадцать лет, и каждый день он с другими отроками отвозит в Морию телегу с ествой.
– С ествой? – Хлопуша слегка порозовел. – Значит, вы возите узникам харчи?
Лесана усмехнулась.
– Я знала, что это тебя заинтересует. Харчи они возят не узникам, а охоронцам. Узникам достаются только объедки.
Хлопуша нахмурился и задумчиво пробасил:
– Изверги. Пытать кошмарными снами – еще куда ни шло, но морить узников голодом... – Он удрученно покачал головой.
При виде расстроенной физиономии здоровяка Лесана не удержалась от улыбки.
– Должно быть, для тебя самый жуткий сон – это тот сон, в котором ты видишь собственный пустой и опавший живот, – насмешливо предположила Лесана.
– Это так, – согласился здоровяк.
– Ладно. Теперь слушай меня внимательно, братец. Через час Буйсил с двумя другими мальчишками отправится в Морию. В темнице за этими отроками никто не следит, и Буйсил может свободно разгуливать там, где ему вздумается. И даже подходить к клеткам с узниками. Охоронцам скучно, и они рады каждому, с кем можно перекинуться словечком. Я дала Буйсилу особую траву, он бросит ее в отвар, которым опаивают Первохода. Эта трава протрезвит ходока и снимет с него сонную одурь.
Хлопуша внимательно выслушал Лесану, после чего сказал:
– Это все хорошо. Но ты сама говорила, что Первоход слаб и немощен. Едва ли он сможет выбраться из темницы.
– Ему и не придется, – отрезала Лесана. – Мы с тобой поможем ему.
Хлопуша хмыкнул.
– Честное слово, Лесана, когда я тебя слушаю, душа моя так высоко возносится, что я готов свернуть горы. Но Мория – не гора, и с места ее не сдвинешь. Как мы туда проберемся?
Лесана прищурила серые глаза.
– Ты невнимательно слушал, Хлопуша. Я ведь сказала, что Буйсил везет на остров телегу с харчами. Телега большая, и крыта она толстой рогожей. Мы с тобой спрячемся под эту рогожу, и паром перевезет нас через реку на остров.
– Паром? Гм... Звучит хорошо, – одобрил Хлопуша. – Ну а если охоронцы обыщут телегу? Что тогда?
– Не обыщут, – сказал мальчишка. – Никогда не обыскивают.
– Кому придет в голову самовольно пробираться в Морию? – сказала Лесана.
– И то верно, – снова согласился здоровяк.
– Тут, однако, есть одна загвоздка. На телеге мы сможем въехать на внутренний дворик крепости. Дворик крытый, а потому – темный. Там мы незаметно выскользнем из-под рогожи и попробуем пробраться в крепость. Однако обратно телега поедет порожняком.
– Как же мы тогда выберемся?
Лесана повернулась к мальчишке.
– Буйсил, расскажи ему.
– В подвале крепости есть подземный ход, – с готовностью ответил тот. – Один охоронец сказал мне в подпитии, что ход этот ведет наружу и выводит аккуратно под восточный склон острова. Ходом этим никто не пользуется, потому как нет надобности.

Однако все охоронцы про него знают. Восточный склон густо порос рогозом и камышом. А в полуверсте от него охоронцы держат в речном сарайчике несколько лодок.

– Мы выберемся обратно через этот ход, – заявила Лесана. – А Буйсил пригонит нам лодку.

Хлопуша хмуро взглянул на отрока.

– Ты сможешь найти этот ход, малыш?

Буйсил отрицательно качнул головой.

– Нет. Но если вы поймаете охоронца и заставите его говорить...

Паренек замолчал, не закончив фразу, но тут уже все было ясно без слов.

– Что ж, – проговорил Хлопуша, – тогда нам, пожалуй, пора собираться в путь?

– Пора, – кивнула Лесана.

Хлопуша стянул с печи старый дырявый зипун и набросил его на старуху. А затем пошел к сумке с провизией. Лесана проводила его удивленным взглядом.

– Я думала, ты прежде всего возьмешься за оружие, богатырь.

– Оружие мы не забудем, уж будь уверена. А вот харчи... Сама ведь сказала, что Первохода кормят объедками. Насколько же приятнее ему будет нас видеть, если мы принесем с собой пару ломтиков вяленого мяса.

Лесана не нашлась, что на это возразить.

– Пойду до ветру, – деловито сообщила она и зашагала к выходу.

Когда девушка вышла из избы, Хлопуша повернулся к Буйсилу и сказал:

– Эй, малый, подойди-ка.

Паренек подошел. Хлопуша окинул его подозрительным взглядом и спросил:

– Зачем ты нам помогаешь?

– Я должен вам помочь, – спокойно ответил тот. – Лесана попросила меня об этом.

– Гм... – Хлопуша озадаченно поскреб пальцами щеку. – Значит, «Лесана попросила»... Отлично. А ты не боишься пойти против своих?

Паренек улыбнулся:

– Не боюсь. Я все равно на этом свете уже не жилец.

Хлопуша немного поразмыслил над тем, можно ли считать данную причину исчерпывающей, но так ничего и не надумал. Тогда он спросил:

– А почему не жилец?

– Родители от меня отказались. Тетка Устинья со свету сживает, твердит день и ночь, что меня легче убить, чем прокормить. А надясь в деревне сход был, так там порешили меня выгнать.

– За что?

– Говорят, что я дочку старосты испортил.

– А ты испортил?

Буйсил покачал головой:

– Не. Я ей юбку в хлеву задрал, а тут братец ее прибе́г и шум поднял.

– Выходит, ты не виноват?

– Выходит, нет.

– И что думаешь делать?

Буйсил пожал покатыми плечами.

– Не знаю. Может, голодом себя заморю.

Хлопушу передернуло.

– Мысль неплохая, – сказал он. – Но перед тем, как помирать от голода, не забудь хорошенько поужинать.

Скрипнула дверь, и в горницу вошла Лесана. Приступили к сборам. Улучив момент, Хлопуша шепнул девке на ухо:

– Как ты уговорила мальчишку?

– Никак, – тихо ответила та. – Просто сунула ему в рот щепоть особой травы.

– Ах, да. – Здоровяк насмешливо хлопнул себя ладонью по лбу. – Я ведь забыл, что ты

у нас чаровница-травница. Только не глянется мне этот малый. Какой-то он оглашенный. Коли поднимет крик – нас даже из-под рогожи вынимать не станут, просто проткнут пиками, и делу конец.

– Не поднимет, – уверенно пообещала Лесана.

– Ты-то откуда знаешь.

– Знаю. Уж будь уверен.

Хлопуша прищурил светлые глаза и хмыкнул.

– Колдовские чары? Понимаю. Надеюсь, меня-то ты не околдовывала?

– Нет, – ответила Лесана. – А надо?

Здоровяк усмехнулся.

– Пожалуй, что нет.

9

В лесу стоял низкий туман. Поначалу травы будто курились дымом, но когда из-за деревьев выглянуло солнце, туман стал рассеиваться, оседая влагой на темных ветвях. Застучал по сосне дятел, заклевал на рябине дрозд, лес стал оживать от ночного сна.

Когда три отрока ввезли на паром телегу с провизией, туман еще стлался над широкой рекой. Паромщик, здоровенный детина с длинными черными усами и какой-то ободранной бородкой, глянул на телегу лукавым взглядом и сказал:

– Сегодня вы раньше обычного, ребята.

– Это чтобы ты не заскучал, Довгуш, – ответил ему Буйсил, поправляя рогожу, которой была накрыта телега.

Черноусый хмыкнул и неторопливо закрутил лебедку. Паром тронулся в путь.

– Что нынче везете? – поинтересовался паромщик Довгуш.

– все, как всегда, – ответил один из мальчишек. – Хлеб, лосяное мясо, мед.

Черноусый насмешливо прищурился.

– Дадите отведать медка старому паромщику?

– Охолони, Довгуш, – строго сказал ему Буйсил. – Отвяжись, пока я на тебя волхвам не пожаловался.

– Грубый ты, Буйсил. А я ведь тебя, когда ты был мальцом, на руках нянчил. Э, да что с тобой говорить.

Мерно и привычно накручивая лебедку, паромщик оглядел телегу и сказал:

– Много сегодня харчишек-то. Чего это ваши, деревенские, расщедрились?

– Не твоего ума дело! – звонко и сердито крикнул самый малый из отроков. – Ты знай себе крути лебедку.

– Ладно, ладно, – примирительно проговорил Довгуш и хмыкнул в черные усы.

Плыли долго. Наконец, впереди из тумана выплывало огромное каменное строение.

– Сколько там узников, Довгуш? – спросил вдруг Буйсил, совершенно неожиданно для себя, и тут же замолчал, испугавшись непотребного вопроса.

Однако паромщик ответил спокойно и незлобиво:

– Точно не знаю, малый. Но думаю, сотни три наберется. А может, и больше. Раз в седмицу сюда кого-нибудь привозят.

– А тех, кто помер, увозишь ты?

– Что ты, милый. Кто будет возиться с мертвецами. Померших просто швыряют в воду, рыбам на прокорм. Знаешь, какие в этих местах сомы? По три пуда весом!

– Случаются и больше, – веско и деловито заметил один из отроков, белобрысый мальчишка с конопатым лицом. – Мой батяня за две седмицы до Перунова дня вытащил из Казаринского омута сома на четыре пуда. От реки того сома вшестером тащили, о как!

– Что-то я не помню, чтобы вы делились таким большим сомом с общиной, – сказал другой мальчишка, рыжий и хмурый.

– Его у нас волхвы забрали, – ответил белобрысый.

– Значит, ты видел волхвов? – спросил у него Буйсил.
Тот слегка смутился, но ответил утвердительно:
– Конечно.
– И как же они выглядят?
Мальчишка нахмурился и глянул на Буйсила недовольным взглядом.
– Ты чего? – спросил его тот. – Позабыл?
– Батяня не велел говорить про волхвов – ни доброго, ни дурного.
– Так ведь ты уже сказал, – пробасил паромщик Довгуш, лукаво поглядывая на отроков и ухмыляясь в черные усы.

Мальчонка растерянно хлопнул глазами.

– Сказал?

– Конечно.

Мальчишки посмотрели на растерянную физиономию белобрысого товарища и рассмеялись.

Темно-серая громада Мории медленно наплывала на паромщика и его пассажиров. Темница имела в высоту сажень восемь и была сложена из огромных замшелых камней. На некоторых из них, пристально вглядевшись, можно было различить замысловатые знаки, оставленные сто лет назад резцом таинственных каменотесов.

На добротной деревянной пристани уже поджидали семь вооруженных охоронцев с суровыми, бесстрастными лицами.

Отроки при виде оружия и чешуйчатой брони охоронцев поежились. Поежился и паромщик.

– Приветствую вас, охоронцы! – воскликнул Довгуш, причаливая паром.

– Здравствуй и ты, паромщик, – отчеканил бесстрастным голосом десятник.

Мальчишки не посмели раскрывать рты и старались не смотреть на суровых охоронцев в броне, по опыту зная, что те не любят, когда на них пялятся. Вот охоронцы в кафтанах, охраняющие клетки с узниками, те – другое дело. «Кафтанники» были людьми понятными и приветливыми и не возражали против разговоров.

– Через час отправлюсь обратно, – предупредил паромщик отроков, когда телегу ввели во внутренний дворик каменной крепости. – Кто опоздает, останется здесь навечно.

Мальчишки лишь ухмыльнулись в ответ. Никто не позволит им остаться на острове после ухода парома. И паром никогда не отчалит от берега, не забрав их всех.

10

– Буйсилка! – воскликнул тот из «кафтанников», что был помоложе, и привстал с лавки. – Здравствуй, малец!

– И тебе не болеть, Кряж! – Отрок пожал протянутую руку охоронца. – А что твой товарищ? Спит, что ли?

Пожилой охоронец убрал со лба шапку, сурово взглянул на мальчишку и обронил:

– А, явился, не запылился.

– Привет и тебе, дядька Миляй!

– Привет-привет. Чего привез?

– Все, как всегда. Хочешь, сходи вниз да погляди. – Паренек глянул на железные прутья клетки, за которыми лежал узник, и спросил: – Как ваш доходяга? Еще не дошел?

– Что ты, – усмехнулся молодой охоронец Кряж. – Этот гад такой крепкий, что еще нас переживет.

– Типун тебе на язык, – проворчал охоронец Миляй. – Мелешь не пойми что.

Буйсил и Кряж засмеялись. Паренек кивнул подбородком на крынку с темной жидкостью.

– А это – то самое волхово варево, которым вы его опаиваете?

– То самое, – ответил Кряж. – Жуткое пойло.

– А что будет, коли я его выпью?

– Что будет? – Кряж усмехнулся. – Счастье тебе будет. Глянь на нашего полонца – видишь, какой он счастливый?

Буйсил посмотрел. Узник, лежащий за толстыми прутьями клетки, был страшен на вид. Борода длиннющая, волосы седые и спутанные. Одет он был в грязное, заношенное рубище, сквозь дыры в котором просвечивали тощие ребра.

Лежал узник на кособокой лавке, скрючившись, как перепуганный зверь. Лежал и постанывал во сне. Железный обруч, охвативший его щиколотку, был измазан засохшей кровью, но из раны на ноге сочилась свежая сукровица.

– Ну, как? – насмешливо спросил Кряж. – Все еще хочешь попробовать «волхвова варева»?

Буйсил хотел ответить, но вдруг перед глазами у него все подернулось дымкой. Сначала Буйсил испугался, а потом тихий, знакомый голос, прозвучав прямо в голове, утешил его:

– Все хорошо, Буйсил. Не противься мне. Я сделаю, как надо.

Это был голос Лесаны, и от его звука Буйсил почувствовал покой и удовлетворение. Он улыбнулся и пробормотал в ответ:

– Я и не противлюсь.

– Чего? – вскинул голову «кафтанник» Миляй.

– Ничего.

Ни Миляй, ни Кряж не заметили, что голубые глаза мальчишки стали вдруг серыми, будто сделанными из дымчатого опала, а взгляд этих глаз стал не по-мальчишески суровым и острым.

– Этот узник... – снова заговорил отрок. – Он сейчас что-то видит, да?

– А то! – Кряж усмехнулся. – Не дай тебе Белобог увидеть то, что видит этот бедняга.

Буйсил посмотрел на крынку с волхвовым варевом, снова перевел взгляд на клетку и спросил:

– И что ж, он так все время спит?

– Почему же все время? Иногда просыпается. Но ненадолго.

– А он что-нибудь говорит?

– Говорил бы, коли б мог. Да только слова человечьи давно позабыл. – Кряж тоже посмотрел на клетку и вдруг весело спросил: – А хошь посмеяться? Вот, гляди.

Довольный тем, что в его скучной, монотонной службе появилось хоть какое-то разнообразие, молодой охоронец встал с лавки и подошел к клетке. Затем просунул между железными прутьями бердыш и ткнул узника в бедро. Узник вздрогнул и испуганно забормотал что-то во сне.

– Видал? – засмеялся Кряж. – Сейчас еще раз!

Буйсил, воспользовавшись тем, что ни Кряж, ни Миляй на него не смотрели, достал из кармана щепотку травы, поднес к лицу и сильно дунул. Сухая трава взвилась в воздух. А в следующий миг лежащий на лавке бородатый тощий человек вдруг открыл глаза.

Молниеносным движением узник схватил бердыш и резко потянул его на себя. Кряж, судорожно вцепившийся в бердыш и не отдавший бы его даже под страхом смерти, шмякнулся лицом о железный прут и вскрикнул.

Миляй в одно мгновение вскочил с лавки и бросился своему молодому товарищу на помощь. Пока охоронцы боролись с изможденным узником, у которого невесть откуда взялись силы для сражения, отрок Буйсил скользнул к столу и бросил в кувшин с «волхвовым варевом» щепотку сухой травы.

Наконец, борьба закончилась полной победой охоронцев. Узник рухнул на пол с ободранными руками.

– Сволочь! – яростно выкрикнул Кряж.

Он снова просунул бердыш между прутьями решетки и несколько раз изо всех сил ткнул распростертого на полу человека оконечником. Один из ударов разбил узнику лицо, и

на пол брызнула кровь.

– Охолони! – крикнул Миляй и схватил молодого охоронца за руку. – Насмерть забьешь!

– Собака! – злобно выругался Кряж и плюнул в узника сквозь решетку.

– После с ним поговорим, – успокоил его Миляй. – Когда снова заснет.

– И что вы с ним сделаете? – поинтересовался у него за спиной отрок Буйсил.

– Чего сделаем? – Кряж усмехнулся. – Да уж мы знаем, чего. Этот гад три раза меня кусал! И за каждый раз я оставил у него на руке отметину.

Отрок подошел к клетке и внимательнее взгляделся в распростертого на полу седовласого, бородатого доходягу. Штанины на его ногах задрались, и на оголенных голеньях Буйсил увидел красные шрамы от ожогов.

– Вы жжете его огнем? – тихо спросил отрок.

– Жжем, – с холодной злобой в голосе ответил Кряж. – И сегодня мы устроим ему такое, что он у нас три седмицы будет стонать от боли.

Буйсил нахмурился и тихо спросил:

– А что будет, если он когда-нибудь выйдет?

Миляй и Кряж переглянулись.

– Мал ты, Буйсилка, – снисходительно сказал отроку Миляй. – Мал да глуп. Нешто не знаешь, что из Мории одна дорога – в царство Нави?

– Живым отсюда никто из узников не выходил, это точно, – подтвердил охоронец Кряж.

«Кафтанник» хотел еще что-то добавить, но не успел. Что-то гулко ударило его по голове, и он потерял сознание.

* * *

Лесана взглянула на Буйсила и сказала:

– Молодец, парень.

Тот, однако, ничего не ответил. Он стоял перед клеткой неподвижно, и глаза его были пусты.

– Этого... – Лесана указала Хлопуше на молодого охоронца Кряжа, – мы возьмем с собой. Укажет нам дорогу через подвал. А второго придется убить.

Лесана, сжимая в руке свой небольшой, обоюдоострый меч, повернулась к лежащим на каменном полу охоронцам.

– Стой, Лесана! – сказал Хлопуша.

Девушка замерла с занесенным надо головой Миляя мечом и вопросительно покосилась на здоровяка.

– Зачем убивать? – хмуро пророкотал здоровяк. – Давай просто свяжем его и бросим в клетку.

– Волхвы не пощадят его, – возразила Лесана. – Они будут мучить и пытаться бедолагу, пока тот не умрет от боли и страданий. А я убью его быстро.

Хлопуша сдвинул брови и возразил:

– Когда-то Первоход сказал мне, что у каждого человека должен быть шанс.

Лесана метнула на бородатого доходягу, лежащего в клетке, насмешливый взгляд.

– А сам-то он часто давал шанс темной нечисти?

– Нечисти – нет. Но людям давал. Даже самым страшным своим супротивникам.

Несколько секунд Лесана размышляла, затем опустила меч.

– Будь по-твоему. Вяжи ему руки и ноги, а я пока дам Первоходу целебной травы. Нужно согнать с его век сонную одурь.

Минуту спустя Хлопуша поднял седовласого доходягу с пола и легонько обнял его.

– Глеб! – дрогнувшим голосом проговорил здоровяк. – Глеб, как я рад тебя видеть!

Он растроганно шмыгнул носом, но Первоход лишь слабо застонал в ответ. Богатырь

отпрянул и внимательно оглядел своего товарища.

– О боги, в кого эти гады тебя превратили! – с болью в голосе воскликнул он. – Дружище, ты меня не узнаешь?

– Он никого сейчас не узнает, – сказала Лесана. – Думаю, он все еще бродит в царстве кошмаров.

– Но ты ведь дала ему траву!

– Дала. Но трава действует не сразу. Пройдет время, прежде чем Первоход окончательно проснется.

Хлопуша снова взгляделся в лицо товарища. Брови его дрогнули, и он с горечью проговорил:

– Глаза Первохода схожи с глазами упыря. Жив ли он вообще?

– Он жив, – сказала Лесана. – Я и отсюда слышу, как бьется его сердце.

– Леший, леший, леший... – со слезами в голосе промычал Хлопуша. – И почему я не пришел за ним раньше?

– Хорошо, что не пришел, – сказала Лесана. – Будь ты один, ты бы сгинул в этих лесах.

– Это верно, – нехотя признал здоровяк, вспомнив о чудесах, которые вытворяла Лесана.

– Нужно выбираться отсюда, пока волхвы или охоронцы нас не нашли, – холодно проговорила девушка. – Тебе придется нести Первохода, здоровяк.

– Да-да, – поспешно кивнул Хлопуша. Смахнул с ресниц слезу и тихо пробормотал: – А я еще приволок ему меч. О чем я только думал?

С величайшей осторожностью поднял он Первохода на руки. Лесана тем временем занялась молодым «кафтанником». Склонившись над ним и взглядевшись в его лицо холодным, острым взглядом, она властно приказала:

– Очнись, охоронец!

Кряж тут же открыл глаза.

– Ты должен вывести нас отсюда незамеченными, – так же властно и спокойно сказала Лесана. – Знаешь ход через подвал?

– Знаю, – бесстрастным голосом ответил Кряж.

– Пойдешь вперед и будешь указывать нам дорогу. Понял ли, что я сказала?

– Понял, – тем же блеклым, равнодушным голосом отозвался Кряж.

Он поднялся на ноги и двинулся к двери, которая вела в коридор. И вскоре странники уже шли по каменному, темному коридору, едва освещенному тусклым светом, проникающим сюда сквозь узкие щели бойниц.

11

Подземный туннель был настолько узок, что в нем с трудом могли разминуться два взрослых человека. Свернув три раза направо, охоронец Кряж остановился у стены, заставленной огромной бочкой. Здесь он встал неподвижно, уставившись на бочку хмурым взглядом, словно не знал, что делать дальше.

– Думаю, надо отодвинуть бочку, – сказала Лесана.

Хлопуша опустил Глеба на пол, поручив его Лесане. Затем обхватил бочку за круглые бока и отодвинул ее от стены. За бочкой беглецы увидели дубовую дверь, обитую железными полосами.

Хлопуша вынул из ножен меч и одним ударом сшиб большой навесной замок. Затем распахнул дверь, снял со стены факел и посветил во тьму.

– Ничего, – сказал он. – Только стены.

– Пусти охоронца вперед, – велела Лесана.

Хлопуша сгреб охоронца за шиворот и грубо втолкнул его в туннель. А сам подхватил на руки Первохода, забросил его на плечо и шагнул следом за охоронцем.

По этому туннелю шли недолго. Вскоре он привел их к новой двери. Она была

задвинута железным заржавевшим засовом. Видно было, что дверь эту давно не открывали. Хлопуша ухватил засов рукой и со скрежетом сдвинул его в сторону. Затем взялся за большую железную ручку и с силой потянул дверь на себя.

Петли яростно заскрежетали, но дверь поддавалась. Яркое солнце ударило в глаза беглецам, а в лица им пахнуло свежим воздухом. Покинув затхлый коридор подвального яруса крепости, Лесана, Буйсил и Хлопуша, несущий на плече Глеба, вышли из подвала.

Кряжа они оставили в коридоре, после того как Лесана властно ему приказала:

– Задвинь засов и сиди за дверью до вечера!

Отрок Буйсил, глаза которого все еще были пусты и равнодушны, сразу же побежал к сараю с лодками. Хлопуша посмотрел юнцу вслед, ухмыльнулся и сказал:

– Здорово ты его обработала, травница. С ним все будет хорошо?

– Да, – ответила Лесана. – Как только он станет не нужен, я уйду у него из головы. Поставь Первохода на ноги.

– Зачем?

– Поставь.

Хлопуша тяжело вздохнул, но покорился. Осторожно опустил он друга на пол, поставив его так, чтобы тот опирался спиной на влажную замшелую стену.

– Ну? И что дальше?

Лесана молча приблизилась к Первоходу и вгляделась в его осунувшееся грязное лицо.

– Все не так плохо, как можно было ожидать, – сказала она, наконец. – Дай ему меч, здоровяк.

– Ты что! – изумился богатырь. – Он его даже не подымет!

– Дай! – властно повторила Лесана.

И Хлопуша снова подчинился. Он вынул меч из ножен, вложил рукоять в ладонь Глеба и сжал его пальцы.

– И что дальше?

Чаровница-травница приблизила свое лицо к заросшему бородой лицу ходока и быстро зашептала что-то на своем курлыкающем языке. Хлопуша замер, с любопытством и надеждой глядя на Первохода.

Наконец, Лесана замолчала и перевела дух.

– Что теперь будет? – спросил Хлопуша.

И вдруг что-то изменилось в осанке Первохода. Лицо его, прежде белое и словно бы восковое, слегка порозовело, а губы едва заметно дрогнули. Прошла секунда, еще одна, и тут Глеб открыл глаза и уставился на Лесану.

– Первоход! – позвал его Хлопуша. – Первоход, друг мой, взгляни на меня!

Глеб перевел на него взгляд, но взгляд этот был пуст и лишен всяких эмоций.

– Он по-прежнему не узнает меня, – сокрушенно проговорил здоровяк.

– Да, – тихо сказала Лесана. – Он сейчас не здесь, а в мире кошмаров. Однако драться он сможет.

– Драться? – не поверил своим ушам Хлопуша.

– Травя-будянка вернула ему силы, но лишь на четверть часа, – объяснила девушка. – Когда действие ее закончится, ему будет очень худо.

– Тогда нам нужно спешить!

Вдруг Первоход «отлип» от стены, повернулся и шагнул вперед. Хлопуша хотел окликнуть друга, но слова встали у него в горле комом, когда он увидел перед собою охоронцев. Их было пятеро, и они преградили беглецам путь к реке.

– Глеб! – хрипло проговорил Хлопуша.

Первоход, сжимая в руке меч, стремительно двинулся навстречу закованным в броню и вооруженным до зубов охоронцам. Один из них молниеносно метнул кинжал, но Глеб качнулся в сторону, и кинжал пролетел мимо.

Хлопуша ринулся вперед и хотел схватить Первохода за плечо, но не успел – Глеб уже бежал к охоронцам. Фигура его – тощая, немощная на вид, в грязных, окровавленных

лохмотьях – была столь нелепа, что охоронцы заухмылялись. Один из них шагнул вперед и рубанул Первохода бердышом. Удар был сокрушителен, однако Первоход парировал его мечом, а затем, не останавливаясь, ударил противника рукоятью меча в лицо.

12

Несколько минут спустя пять обезображенных тел валялись на берегу реки, а Глеб, Лесана и Хлопуша отирали рукавами потные, забрызганные кровью лица. Первоход окинул хмурым взглядом своих спутников и хриплым, невнятным голосом спросил:

– Какого дьявола здесь происходит?

– Первоход! – Лицо здоровяка расплылось в улыбке. – Первоход, ты вернулся!

Он хотел обнять Глеба, но тот резким жестом остановил его и посмотрел на изрубленные тела охоронцев. Потом вновь перевел взгляд на Хлопушу и тихо пробормотал обескровленными губами:

– Это я их?

– Ты! – выдохнул Хлопуша, моргая от радости.

Глеб прищурил воспаленные от яркого света глаза, покосился на Лесану и спросил все тем же странноватым голосом:

– Надеюсь, это были не ваши друзья?

Лесана, с холодным любопытством рассматривающая ходока, отрицательно качнула головой:

– Нет. Это были наши враги.

– Слава богу. – Первоход внимательно и тревожно взгляделся в широкое лицо Хлопуши, словно не был уверен, что узнает его.

Богатырь нахмурился и осторожно спросил:

– Первоход, ты меня узнаешь? Я Хлопуша.

Глеб облизнул губы. Потом тяжело, словно бы с натугой, усмехнулся и хрипло вымолвил:

– Не знаю я, что ты человек, я бы подумал, что ты бурдюк с вином или огромная свиная ляжка. Да, Хлопуша, я узнаю тебя.

Хлопуша засмеялся.

– Теперь я вижу, что ты и впрямь вернулся!

Он хлопнул Глеба по плечу, тот пошатнулся и поморщился.

– Полегче, здоровяк. Кажется, я не совсем в форме. – Он снова посмотрел на Лесану и сухо спросил: – А ты кто?

– Меня зовут Лесана, – ответила травница.

– Лесана? Так ты баба?

Веки девушки дрогнули. Она хотела ответить, но Первоход остановил ее жестом.

– Не отвечай. С виду ты красивая девка, и я не хотел бы разочароваться. – Он откинул с лица седую прядь волос и взглянул на стену темницы. – Где мы? Что здесь происходит?

– Мы в Мории, – ответил Хлопуша, – а это – темница, в которую тебя заточил князь Добровол.

Глеб задумчиво нахмурился. По лицу его пробежала тень.

– Сколько я здесь пробыл? – спросил он.

– Три года, – ответил Хлопуша.

Лицо Первохода еще больше помрачнело.

– Три года... – тихим эхом повторил он. Помолчал, потом добавил с горечью: – Для меня эти годы были вечностью. Чего мы ждем, Хлопуша? Почему не уходим отсюда?

– Мальчишка, наш проводник, должен пригнать сюда лодку.

Глеб вздохнул и кивнул.

– Ясно.

– Надеюсь, лодка придет раньше, чем охоронцы поднимут тревогу, – тихо проговорила

Лесана, вглядываясь туда, откуда должен был появиться мальчишка.

Первоход хотел что-то сказать, но вдруг глянул на что-то за плечами у Хлопуши и холодно выдохнул:

– Эти идиоты не успокоятся, пока не умрут!

Хлопуша и Лесана обернулись. Четверо охоронцев быстро шагали к ним с обнаженными мечами. Еще пятеро охоронцев вывернули из-за угла и присоединились к первым.

Глеб поднял с земли щит одного из убитых охоронцев.

– Сдайтесь, беглецы! – прорычал десятник. – У вас за спиной река, вам некуда отступать!

– А кто тебе сказал, что мы собираемся отступать?! – крикнул в ответ Хлопуша.

Десятник усмехнулся.

– В таком случае я разговариваю с трупом. Берем их! – громко скомандовал он и первым ринулся в атаку.

Словно какой-то бес вселился в Глеба Первохода – он бросился на охоронцев и принялся раздавать удары направо и налево, круша охоронцам черепа, ломая щиты и разбивая грудные клетки.

Хлопуша и Лесана тоже сражались с невероятным мужеством, их удары были точны, а действия умелы.

Когда все было кончено, Глеб остановился и оглядел поле битвы. Затем опустил меч, вытер рукою потный лоб и хрипло выдохнул:

– Теперь я вернулся!

Тут ноги Первохода подкосились, и он тяжело рухнул в траву.

Лесана быстро шагнула к Глебу и присела рядом с ним на корточки. Осмотрев узника и прощупав жилку на шее, она подняла голову и взглянула на Хлопушу.

– Силы оставили твоего друга, – сказала она. – Теперь он придет в себя не скоро. А когда придет, жизнь покажется ему хуже смерти, а реальность – ужасней самого кошмарного сна.

Ответить Хлопуша не успел, издалека до ушей беглецов донесся громкий рев боевого рога.

– Что это? – спросил здоровяк.

– Охоронцы подняли тревогу! – ответила Лесана. – Скоро их здесь будет великое множество. А нас теперь не трое, а двое.

От реки послышался тихий свист. Хлопуша глянул туда, и лицо его просияло.

– Буйсил вернулся! – тихо воскликнул он. – Слава богам!

– Бери Первохода, и спускаемся к реке, – распорядилась Лесана.

* * *

Вслед удаляющейся от берега лодке полетели стрелы. Они захлопали слева и справа от бортов, врезаясь в воду и поднимая короткие брызги.

– Леший! – выругался Хлопуша, изо всех сил гребя веслами. – Чтоб они сдохли, эти охоронцы!

Лесана встала в лодке во весь рост и повернулась лицом к острову.

– Ты что? – крикнул Хлопуша. – Быстро пригнись!

Вместо того чтобы пригнуться, Лесана вскинула руки и забормотала какое-то заклинание на своем курлыкающем голубином языке. Одна из стрел просвистела у самого ее плеча. Еще две вонзились в корму лодки.

Однако травница и на этот раз не пригнулась. Вместо этого она сделала быстрое движением руками, будто разводила в стороны заросли рогоза, застившие ей путь. И тут случилось странное – туча стрел, летящая к Лесане, разделась надвое. Одни стрелы, сбившись с цели, попадали в воду слева от лодки, другие – справа. Но ни одна из них не

сумела достичь цели.

Новое облако стрел полетело им вслед, но Лесана снова развела его руками. Еще несколько раз она сбивала стрелы с курса и заставляла их упасть в речную воду, пока Хлопуша яростно и мощно греб веслами, стремительно направляя лодку к противоположному берегу.

Потом Лесана вновь забормотала заклинание. И прямо над водой стало сгущаться большое белое облако. Став плотным, как вата, облако рассеялось и превратилось в туман, и туман этот скрыл беглецов от стрелков. Лесана опустила на дно лодки и тяжело перевела дух. Она была бледна и выглядела совершенно измотанной. Но спасенный ею и Хлопушей узник выглядел еще хуже. Теперь даже самый внимательный взгляд не отличил бы его от мертвеца.

Глава третья

Месть волхва

1

Лес был мрачен и неприветлив. Сырость, идущая от недалекого болота, проникала сквозь тело к костям и студила их.

Когда стало понятно, что преследователи отстали, Лесана остановилась, взяла Буйсила за плечи и повернула его к себе. Пристально глядя отроку в глаза, она проговорила властным голосом:

– Тебе пора возвращаться в деревню, Буйсил. Переступив порог своего дома, ты забудешь о нас. Повтори, что я сказала.

– Переступив порог дома, я забуду о вас, – послушно повторил отрок, улыбнулся Лесане, а потом повернулся и, не прощаясь, побрел сквозь чащобу к родной деревне.

Хлопуша, несший на плече Глеба Первохода, проводил паренька удивленным взглядом и тихонько хмыкнул, однако от комментариев воздержался. После этого беглецы продолжили свой путь и через полчаса достигли того места, где Лесана и Хлопуша оставили коней.

Кони были целы и невредимы. Они спали, разлегшись на траве и тихонько фыркая во сне.

– Пришло время немного передохнуть, – сказала Лесана и швырнула котомку в траву.

– Да, – согласился Хлопуша. – Отдых нам не помешает. А уж горячая еда – тем более. Я разожгу костер.

Усадив Глеба на бревно и прислонив его спиной к дереву, Хлопуша рьяно взялся за дело, и вскоре костерок весело и уютно запылал.

– Как он? – тихо спросила Лесана, глядя на сидящего у костерка Первохода.

– Дрожит, – ответил Хлопуша.

Он протянул руку к свернутому в рулон шерстяному одеялу, быстро развернул его и набросил на плечи Первоходу. Затем проговорил с болью в голосе:

– Не могу видеть его таким. Пойду схожу за водой.

Хлопуша поднялся с бревна, подхватил с земли котелок и побрел к ручью.

Лесана пересела на место Хлопуши, обняла Первохода за плечи и прижалась к нему. Сквозь одежду и одеяло она почувствовала, что Глеб все еще дрожит. В его худом теле совсем не осталось тепла.

– Ничего, – тихо сказала Лесана. – Ты не умрешь, Первоход. Я согрею тебя.

Бывший узник ничего не сказал в ответ, хотя глаза его были открыты. Он просто смотрел на пылающие ветки, и во взгляде его не было ничего – ни радости, ни боли, ни задумчивости. Если есть в мире совершеннейшая пустота, то сейчас она смотрела на костер глазами Глеба Первохода.

Лесане стало немного не по себе, словно человек, сидевший рядом с ней, был не человеком и не зверем, а лоскутом бездонного темного неба, луну и звезды на котором заволокли тучи.

– Ничего, ничего, – снова пробормотала она, не для того, чтобы утешить Первохода, а для того, чтобы успокоить себя. – Все когда-нибудь проходит, пройдет и это.

Порыв холодного ветра заставил Глеба вздрогнуть. Он вдруг повернул голову и взглянул на Лесану так, будто внезапно вынырнул из омута и увидел на берегу сказочное чудовище.

– Э-э...

– Первоход, ты пришел в себя? – быстро спросила Лесана.

Глеб узнал девушку и хотел улыбнуться, но не смог и вместо этого поморщился от боли.

– Будто катком по мне проехали, – хрипло прошептал он. – Что они... со мной делали?.. Ты знаешь?

– Тебя поили ядовитым отваром, – ответила Лесана. – Ты три года спал и видел сны.

– Да... – Глеб вновь сделал над собой усилие и усмехнулся. – Отоспался на всю жизнь. – Затем облизнул губы и добавил: – Это... не было похоже на сон.

– И все же это так, – сказала Лесана.

Первоход медленно поднял лицо к небу.

– Я был там, – тихо произнес он. – В других мирах.

– Этого не было, – возразила травница.

– Было. – Глеб снова облизнул потрескавшиеся губы и поморщился. – Я видел демонов... И ангелов... Я плохо помню, но... когда-нибудь я вспомню все.

Глеб опустил взгляд, выпростал из-под одеяла руки и медленно, с усилием поднес их к лицу.

– А я сильно отошал... Что у меня с лицом? Я действительно похож на упыря?

Уголки губ Лесаны слегка приподнялись, будто она хотела улыбнуться, но в последний миг остановила себя.

– Мне ты не кажешься страшным, – сказала она спокойно и мягко.

– Но красавцем меня тоже не назовешь, верно? – Глеб усмехнулся. – Ладно. – Он помолчал, восстанавливая силы, а потом попросил: – Расскажи мне обо всем.

– Что ты хочешь знать? – спросила Лесана.

– Кто ты? Откуда взялась?

– Я расскажу, но не теперь. Я слишком сильно устала, Первоход. У меня был тяжелый день.

– Тяжелый день? – Глеб вяло хмыкнул. – У меня были тяжелые три года. Впрочем... как скажешь.

И он снова обессиленно прикрыл глаза.

Вскоре вернулся Хлопуша с котелком, полным родниковой воды.

– Ну, как он? – спросил здоровяк, тревожно взглянув на Глеба.

– Плохо. Боюсь, Первоход так слаб, что не вынесет пути. Надо подождать.

Хлопуша озадаченно поскреб пятерней в затылке.

– Ну, дела. И сколько ж нам ждать?

– Не знаю. Тело его было немощно и последние свои силы отдало сражению с охоронцами Мории. Жизнь в нем едва теплится.

– Вот леший, – проворчал здоровяк. – У нас и харчей-то нет. Оставшийся хлеб заплесневел. А вяленого мяса осталось меньше фунта.

– О еде не тревожься, – успокоила его Лесана. – Я пойду в лес и наберу кореньев.

– Кореньев? – Хлопуша поморщился и брезгливо сплюнул на землю. – Нешто я кабан, чтобы жрать лесные коренья? Вот что я тебе скажу, милая: ты оставайся подле Первохода, а я добуду дичи.

Лесана прищурила серые, дымчатые глаза.

– Уверен, что добудешь?
– Уверен. Коли не добуду, разрешу тебе сварить из меня суп, и даже сам сяду задом в котел.
Лесана усмехнулась.
– Ловлю тебя на слове.

* * *

Когда Хлопуша вернулся с охоты, солнце уже четыре часа как перевалило через полдень и стремительно катилось к западу. Первоход лежал на куче елового лапника, накрытый курткой Лесаны и заваленный сверху большими кусками сухого мха. Голова его покоилась на коленях девушки, и она медленно и задумчиво гладила его рукою по длинным, седым, спутавшимся волосам.

Хлопуша швырнул на траву трех убитых куропадок, вытер рукавом потный лоб и спросил:

– Ну, как он?

– Ему все еще холодно, – ответила Лесана. – Но тело его уже окрепло.

Хлопуша хмыкнул:

– Глупости. Ни одно тело на свете не может окрепнуть без хорошей трапезы. Умеешь ошипывать птицу?

Над маленькими корявыми елочками и березками стали сгущаться сумерки. Ветер утих, но Глеб все еще дрожал в своей странной дреме, непохожей на обычный сон. Над углями прогоревшего костра жарились на деревянных шампурах ломтики Хлопушиной добычи. С ломтиков сбегал розоватый сок и с шипением капал на угли. Вкусно пахло жареным мясом и дымком.

Хлопуша разлил в берестяные кружки травяной отвар. Протянул одну кружку Глебу, но тот никак не отреагировал.

– Дай мне, – сказала Лесана.

Она взяла кружку, бросила в нее щепоть какой-то сушеной травы, а затем осторожно поднесла ее к губам Первохода. Некоторое время тот сидел неподвижно, а потом потихоньку начал пить.

Хлопуша глядел на него с отчаянием и горечью.

– О, боги, – чуть слышно пробормотал он. – Зачем вы позволили мне увидеть это? – Помолчав и понаблюдав, с какой осторожностью Лесана поит Первохода, здоровяк спросил: – Он таким останется на всю жизнь?

– Не знаю, – так же тихо отозвалась Лесана. – Волхвы высосали из него все душевные силы. – Она отняла от губ Первохода кружку и поставила ее на землю. – Надеюсь, что сегодня твой друг впервые за два года поспит без кошмарных сновидений.

– Три года кошмаров, – пробормотал Хлопуша, хмуро глядя на Первохода. – Я бы столько не выдержал.

– Никто бы не выдержал, – сказала Лесана. – Но на то он и Первоход.

– Слушай, чаровница, а может, дашь ему своей чудо-травы? – предложил Хлопуша. – Той, которую дала перед боем с охоронцами Мории. В прошлый раз это сработало. Он почти стал прежним.

– Я бы дала, – тихо сказала Лесана. – Но это убьет его. Да и мало ее осталось, той травы.

Хлопуша наморщил лоб и тихо проговорил:

– Жаль. Бог Хорс, помоги Первоходу стать прежним. Прошу тебя – помоги.

Богатырь нагнулся, взял тощую руку Глеба в свою пятерню, сжал ее легонько и сказал:

– Я по тебе соскучился, Первоход. Кончай валять дурака и скорее приходи в себя.

Два часа спустя веки Глеба стали подрагивать. Бледность его перестала быть землистой, а обескровленные губы слегка порозовели. Было мгновение, когда Хлопуше

показалось, что Первоход вот-вот откроет глаза и взглянет на него. Однако не открыл.

Лесана кормила Первохода каждые полчаса. Выбирала куски мяса помягче, расщипывала их на волокна и аккуратно вкладывала Первоходу в рот. Он жевал медленно, словно бы с усилием, и по-прежнему не открывал глаз.

– Давай, дружище, – тихо приговаривал, сидя рядом, Хлопуша. – Коли не будешь есть, не поднимешься.

Еще через час Глеб снова стал дрожать. Лесана долго вглядывалась в его лицо, потом прильнула к его груди и так же долго слушала. Затем нахмурилась, взглянула на Хлопушу и вдруг распорядилась:

– Отвернись, здоровяк.

– Зачем? – не понял он.

– Не хочу тебя смущать.

Хлопуша удивленно хмыкнул и приподнял густые, белесые брови.

– И чем же ты можешь меня смутить, милая?

– Вот этим, – сказала Лесана и, быстро скинув куртку, принялась развязывать тесьму на своей рубахе.

Хлопуша не мог верить в ее намерения, пока она не стянула рубаху через голову и не обнажила грудь. Тогда он покраснел и поспешно отвернулся.

– Какого лешего ты делаешь, травница? – сердито спросил он.

Лесана не ответила. Она полностью освободилась от одежды, затем забралась под куртку, которой был укрыт Первоход, и тесно прижалась к нему своим голым гибким телом.

– Забросай нас сухим мхом и лапником, – приказала она Хлопуше.

Здоровяк, что-то тихонько ворча себе под нос и стараясь не глядеть на травницу, сделал то, что она просила, оставив снаружи только лица Первохода и Лесаны.

– Думаешь, так он согреется быстрее? – спросил он, управившись с работой.

Лесана не ответила.

Хлопуша еще немного постоял, глядя на укрытых лапником и мхом спутников, потом вздохнул, повернулся и побрел в лес, намереваясь вернуть часть жидкости природе.

– Везет же этому Первоходу, – тихо бормотал он. – Не понять, в чем душа держится, и дышит-то через раз, а все ж умудрился уложить себе под бок голую девку. Вот это мужик.

А Лесана, крепко прижавшись к Глебу, тихо шептала ему на ухо:

– Бросит пищу ворон... Заиграет кровь... Утомленный воин станет сильным вновь...

2

Ночь прошла без происшествий. Костер совсем погас, но свет зари уже начал пробиваться сквозь ветви деревьев. Еще до конца не проснувшись, Лесана почувствовала, что кто-то на нее смотрит. Рука ее потянулась к поясу, чтобы обхватить рукоять кинжала. Однако никакого кинжала под рукой не оказалось. Не оказалось и самого пояса, пальцы скользнули по голой теплой коже.

Лесана открыла глаза и встретилась взглядом с Первоходом. Он лежал на боку и внимательно разглядывал ее лицо. Лесана слегка отстранилась от него и удивленно проговорила:

– Ты пробудился?

– Да, – тихо ответил он.

Лесана отвела взгляд.

– Ты больше не дрожишь. Мне надо одеться.

Уголки губ Первохода дрогнули, и он тихо спросил:

– Ты уверена?

Лесана нахмурилась, откинула край куртки вместе с наваленным на нее сухим мхом, выскользнула из-под нее и начала одеваться. Хлопуша спал за бревном, его богатырская грудь вздымалась мерно и высоко, но само дыхание было легким, словно у ребенка.

Одеваясь, Лесана чувствовала, что Первоход все еще смотрит на нее, и отчего-то смутилась.

– Почему ты разглядываешь меня? – спросила она, не оборачиваясь.

– Нравится, – последовал тихий ответ.

Лесана смутилась еще больше, и это слегка испугало и рассердило ее. Она раздевалась перед Хлопушей, когда хотела искупаться и наловить рыбы, и не чувствовала при этом никакого смущения. Отчего же сейчас щеки ее порозовели от волнения, а сердце забилось чуть быстрее, чем следовало?

Глеб лежал на боку, подперев рукою щеку, и продолжал ее разглядывать.

– Я рада, что ты пришел в себя, – хмуро проговорила Лесана. – Но ты все еще очень слаб. Если захочешь встать, позови меня, и я подставлю тебе плечо.

– Если я захочу прогуляться, я позову Хлопушу, – возразил Глеб с легкой улыбкой. – Его плечо кажется мне более крепким.

– Твой друг – могучий богатырь, – согласилась Лесана, по-прежнему не понимая причин своего смущения, а потому злясь на себя еще больше. – Он силен, храбр и ловок.

– Но не ловчее тебя, верно? – Глеб прищурился. – Уверен, что, сойдись вы в поединке, ты бы поколотила его. Я прав?

Брови Лесаны удивленно приподнялись.

– Почему ты так думаешь, ходок?

– Я видел тебя в драке. – Глеб улыбнулся. – И я видел тебя голой. У тебя необыкновенно сильное и гибкое тело. Среди моих подружек была одна гимнастка, и ты очень на нее похожа. У тебя маленькие, но крепкие кулаки, и они испещрены шрамами. Тебе часто приходится драться, верно?

Лесана хмыкнула и насмешливо проговорила:

– Да ты вещун?

Глеб покачал головой:

– Нет. Но я умею разбираться в людях. Кто ты, Лесана? Откуда ты взялась?

Лесана пристально посмотрела ему в глаза, а затем негромко ответила:

– Я пришла, чтобы спасти тебя.

– Это я понял. Но зачем? Зачем я тебе понадобился, милая?

– Ты нужен моему народу, – хмуро произнесла Лесана. – Мой народ вымирает. Жрецы Нуарана предсказали, что спасти нас от вымирания можешь только ты.

– Жрецы Нуарана? – Первоход наморщил лоб. – погоди... Хочешь сказать, что твой народ – это... – Он запнулся и удивленно уставился на девушку. – Кажется... я совсем запутался.

– Ты не запутался, Первоход, – спокойно сказала Лесана. – И ты правильно понял мои слова. Я не человек. Мой народ – это те, кого вы, люди, называете нелюдьми.

Несколько мгновений Глеб молчал, а потом выдохнул:

– Вот оно что. Это многое объясняет. Но... я думал, что вас не осталось.

– Ты думал, что истребил нас всех, – хмуро поправила Лесана. – Ты пытался это сделать, но тебе не удалось.

– Да... Пожалуй, что так. Но как же вы уцелели? И где вы прячетесь?

– Ты ведь помнишь, как воевал с нами?

– Помню, – кивнул Глеб. – Вашу армию возглавил нелюдь по имени Бычеголов. Очень сильный был парень.

– Мы могли победить. Но ты перехитрил нас. За одно мгновение ты уничтожил почти все наше воинство.

– Верно, это была хитрость, – согласился Глеб. – Но вы и сами поступили не лучше. Ты должна помнить, как это было.

– Я не могу этого помнить! – резко и холодно возразила Лесана. – Не могу, потому что меня тогда не было на свете!

– Не было? – растерянно вымолвил Глеб. – Сколько же тебе лет?

Тонкие, темные брови травницы сошлись на узкой переносице, придав ее лицу строгий и торжественный вид.

– Там, где мы теперь, время бежит иначе, чем у вас, – изрекла она. – У вас прошло всего несколько лет. А у нас – почти век!

– Где это – «у вас»? – уточнил Глеб.

– В Иноземье. Так мы называем нашу страну.

Глеб помолчал, обдумывая ее слова, затем спросил:

– И где же находится эта страна? Далеко?

– Гораздо ближе, чем ты думаешь. Есть несколько врат, ведущих в Иноземье. Но открываются эти врата редко. Да и не перед каждым. – Лесана холодно посмотрела на Глеба и продолжила: – Мое племя много лет жило в достатке и довольстве. Но год назад в наш мир прорвалась тьма. Оказалось, что Иноземье граничит с самой Навью.

– Страной мертвых?

Лесана кивнула.

– Да. Все эти годы мы жили бок о бок со смертью и не знали об этом. Но теперь выжлятники мрачного Велеса выгнали своих гончих псов. На нас объявлена охота, Первоход. И теперь мы гибнем каждый день. Каждый день кровожадный Велес получает очередную жертву, и он не остановится, пока не уничтожит нас всех.

Глеб опустил голову на кусок сухого мха и повернул лицо к серому рассветному небу. Он долго глядел на обрывки облаков, похожие на белесые разводы известки, потом снова перевел взгляд на Лесану и хрипло проговорил:

– Позволь мне подытожить все, что я услышал, и все, что я понял. В тот миг, когда воинство нелюдей и темных тварей собиралось напасть на Хлынь, я пустил в ход Собиратель. Я помню ослепительную вспышку. Когда в глазах у меня прояснилось, я увидел, что от воинства нелюдей почти ничего не осталось, но люди были целы. Однако теперь ты говоришь, что нелюди выжили. Взрыв Собирателя прорвал ткань пространства и времени и открыл портал в иное измерение. Энергия взрыва зашвырнула нелюдей в этот портал. Затем пространственно-временная дыра затянулась, и двери портала захлопнулись. Мир, в котором очутились нелюди, оказался вполне пригоден для жизни. Но сейчас, век спустя, вы вдруг узнали, что ваше «Иноземье» граничит с владениями бога смерти Велеса. Все эти годы Велес, разъяренный вашим присутствием у границ своего царства, пытался добраться до вас. И теперь ему это удалось. Он объявил на вас охоту и спустил с поводка своих гончих псов. Я все верно изложил?

Лесана выслушала Глеба внимательно и вдумчиво. А потом сказала:

– В твоих словах много непонятного, Первоход. Но если под словом «портал» ты подразумеваешь врата в Иноземье, то твой пересказ верен.

Глеб поднял руку к лицу и с силой потер пальцами лоб.

– Дьявол... – пробормотал он. – Просто научная фантастика какая-то.

– Жрецы Нуарана рассказали мне о нравах людей, – хмуро сказала Лесана. – Они обучили меня вашей речи. Снабдили меня травами, которые помогают нам жить и делают то, что вы здесь называете волшебством.

– Но... почему они выбрали тебя?

– Потому что я похожа на человека, – просто ответила Лесана. И, нахмурившись еще сильнее, добавила: – Больше, чем другие мои сородичи.

– Да, я это вижу. – Глеб подвигал онемевшими плечами и скривился от боли. – Но как же ты сумела выбраться из этого вашего Иноземья в наш мир?

– Жрецы создали новые врата. Но я... – Лесана отвела взгляд и тихо договорила: – Я их потеряла.

– Ты потеряла врата Иноземья? – не поверил своим ушам Глеб.

Лесана метнула в него яростный взгляд и сказала, повысив голос:

– Нет! Я потеряла того, в ком наши жрецы открыли дар! Того, кто умеет открывать эти врата!

– Н-да... Ну и дела. – Глеб насмешливо прищурил темные глаза. – И кто же он? Кто этот одаренный парень? Один из ваших нелюдей?

– Вовсе нет. Он из тех, кого затащили врата Иноземья, когда ты применил Собиратель. Они не такие, как мы, и их очень мало. У вас они злы и ненасытны, но мы научились умирять их буйный и злобный нрав.

– Так кто же он? О ком ты говоришь?

– Я говорю о живом мертвеце. Об одном из тех, кого вы называете упырями.

Несколько секунд Глеб удивленно и недоверчиво смотрел на Лесану, не уверенный в том, что она говорит серьезно. Потом криво ухмыльнулся и пробормотал:

– С каждым днем все радостнее жить. Похоже, ты не шутишь насчет этого упыря.

– Жрецы отправили его со мной, чтобы он всегда был рядом, – сказала Лесана. – И чтобы я в любой момент могла вернуться домой. Но оказавшись в Хлынь-граде, я немного растерялась. Пока я вертела головой по сторонам, упырь пропал.

Тут Хлопуша, лежащий за бревном, громко зевнул и, хрустнув суставами, сладко-сладко потянулся.

– Полцарства за свиную отбивную! – пробормотал он сонным голосом. Потом поднял голову, увидел стоящую у потухшего костра Лесану и удивленно пробасил: – Ты уже не спишь? Должно быть, мое брюхо урчало так громко, что перебудило всех лесных жителей, включая и тебя!

– Не льсти себе, – с усмешкой ответила Лесана. – Твое брюхо меньше пивной бочки, а звуки, которые оно издает, неспособны разбудить даже сторожевого пса.

Здоровяк хмыкнул и перевел взгляд на Глеба. Лицо Хлопуши просияло, и он хотел что-то сказать, но вдруг насторожился, повернул голову к лесу и громко воскликнул:

– Волхвы!

3

Глеб взглянул на окраину поляны и увидел, что из-за деревьев выплывают высокие, закутанные до пят в серые плащи, фигуры. Сперва их было три, потом пять, а вскоре стало не меньше дюжины.

– Глядите! – снова воскликнул Хлопуша. – Там еще!

Он указал рукой направо. Посмотрев туда, Глеб увидел еще дюжину фигур, закутанных в плащи, и количество их быстро увеличивалось.

Лесана молча вытянула из ножен меч. А Глеб, с трудом усевшись на земле, протянул руку за колчаном и луком. Взяв лук и вынув стрелу, он некоторое время смотрел на приближающихся волхвов, а потом сказал:

– Что-то тут не так.

– Тут все не так, – пробасил Хлопуша и тоже достал из ножен свой огромный гофский меч. – Эй, Лесана! Сможешь их околдовать своей травой и воркующими заговорами?

– Их слишком много, – ответила Лесана. – Боюсь, что заговоры тут не помогут.

– Песий потрох! – выругался, свирепо глядя на волхвов, Хлопуша. – Этих гадов уже не меньше полусотни. Неужто нам придется помереть на голодный желудок?

Волхвы медленно приближались. Молча, тихо, почти бесшумно, словно ноги их не ступали по земле, а легонько скользили по невысокой, влажной от росы траве.

– Мы не одолеем их, – сказала Лесана. – Нужно отступить и попытаться скрыться в лесу.

– Они знают этот лес лучше нас, – возразил Хлопуша.

Глеб положил стрелу на тетиву, поднял лук и прицелился.

– Ты прав, Первоход! – горячо проговорил Хлопуша, увидев это. – Мы примем бой! А дальше будь что будет!

Глеб, не отвечая ему, спустил стрелу с тетивы.

Стрела со свистом рассекла воздух. Хлопуша издал воинственный клич и ринулся было

вперед, но вдруг остановился с открытым ртом.

Волхвы, все как один, схватились за грудь, споткнулись и стали заваливаться вперед. Зрелище было жуткое – будто кто-то наставил по всей окружности поляны зеркал, и зеркала эти отражали одно и то же. Люди, закутанные в серые плащи, еще стояли на ногах, как вдруг стали исчезать, один за другим. Будто растворялись в прохладном воздухе.

Наконец, на поляне остался лишь один волхв. Он вновь пошатнулся, но не упал, а лишь опустился на одно колено. Хлопуша увидел, что из его правого плеча торчит оперенный конец стрелы.

– Ты поразил волхва стрелой! – воскликнул Хлопуша. – Лесана, ты видела? Первоход поразил волхва стрелой!

Лесана молча двинулась с места и, сжимая в руке меч, зашагала к волхву. Хлопуша встрепенулся и в несколько прыжков нагнал ее. К раненому волхву они подошли вместе. Чародей стоял на коленях, низко склонив голову, лицо его было скрыто под наголовником.

Хлопуша, свирепо ухмыляясь, протянул к волхву левую руку, схватил его за шиворот и одним рывком поднял на ноги.

– Попался! – с гневной усмешкой проговорил он. – Идем-ка со мной!

И, не слушая возражения Лесаны, богатырь потащил упирающегося волхва к Глебу. Швырнув злоумышленника к ногам Первохода, Хлопуша с торжествующим видом сдернул с его головы капюшон, но вдруг замер с открытым ртом.

– Паромщик Довгуш? – не веря собственным глазам, пробормотал он. – Это ты?

Волхв взглянул на него снизу вверх черными, пронзительными глазами и кивнул:

– Да, это я.

– Значит... ты и есть волхв? – продолжая недоумевать, вымолвил Хлопуша.

– Верно, – снова кивнул черноусый паромщик. Усмехнулся и добавил: – Не ожидали?

– А... где же остальные волхвы? – растерянно спросил Хлопуша. – Куда они подевались?

Взгляд паромщика похолодел, и он отчеканил:

– Разве ты не понял? Их больше нет. Твой друг справился с ними. – Довгуш перевел взгляд на Глеба и с ледяной усмешкой добавил, по-прежнему обращаясь к Хлопуше: – Должно быть, у твоего друга была заговоренная стрела, здоровяк.

– Значит, ты все время был один? – строго спросила Лесана. – И других волхвов нет?

– Ты все видела, травница, – хмуро взглянув на девушку, заявил Довгуш.

Лесана посмотрела на Глеба.

– Первоход, как ты догадался, что он один?

Глеб устало опустил голову на мягкий ворох мха и негромко ответил:

– У меня неплохой слух. Я услышал его шаги. Шаги одного-единственного человека, мягко ступающего по валежнику.

Довгуш поморщился от боли в плече и недовольно проговорил:

– Может, вынете эту гадость из моего плеча? Я истекаю кровью.

– Ничем ты не истекаешь, гад, – грубо сказал ему Хлопуша. – Стрела проткнула мясо, но не задела кость. Через три дня ты и не вспомнишь, где у тебя шрам. Впрочем... не думаю, что ты доживешь до этого светлого момента.

– Стрелу надо вынуть, – возразила здоровяку Лесана.

Хлопуша нахмурился.

– Не думаю, что мы должны помогать этому...

Однако девушка уже присела возле волхва и подтянула к себе котомку с травами.

Пять минут спустя стрела была извлечена, а рана присыпана целебной травой и перевязана чистой тряпичей.

– Благодарю тебя, травница, – с улыбкой сказал Лесане волхв.

– Не трать понапрасну слов, – холодно проговорила девушка. – Если я увижу, что ты вновь собираешься нам вредить, я без рассуждений перережу тебе горло.

Волхв Довгуш стер ухмылку с лица и перевел взгляд на Глеба.

– Так ты и есть знаменитый Первоход? – с издевкой протянул он. – Я много слышал о тебе. Говорят, ты не человек, а темная тварь. Раньше я в это не верил, но теперь...

– Заткнись! – рявкнул Хлопуша и хотел стукнуть волхва кулаком по голове, но Лесана перехватила его руку и отвела ее в сторону.

– Не надо, – сказала она. – Возможно, этот гад нам еще понадобится.

Хлопуша нехотя опустил руку, но гневный блеск в его глазах не потух.

– Духово отродье! – выругался он, свирепо глядя на паромщика. – Как же ты умудрился долгие годы водить всех за нос?

– Слава богам, это было нетрудно, – с легкой усмешкой ответил волхв. – Люди легковыверны, а я могу внушать им все, что пожелаю.

– Но ты оживлял мертвецов! – гневно напомнил Хлопуша. – Как ты это делал?

Довгуш прищурил черные, будто угли, глаза.

– Очень просто, толстяк. Я опаивал больных стариков чародейной настойкой. Их вялые сердца начинали биться так медленно, что родные принимали их за мертвецов. После похорон я откапывал старичков и возвращал их домой. Слава богам, в Гниловке не принято сжигать тела умерших родичей на погребальном костре.

– Но... зачем ты это делал? – удивленно спросила травница.

– Чтобы они присматривали за своими родными, – просто ответил волхв. – И чтобы вселяли в их сердца страх.

– Но ты можешь повелевать лесными хищниками! – не унимался Хлопуша. – Ведь можешь?

Волхв кивнул.

– Могу. Этому меня научили египетские колдуны. Наука сложная, но при большом усердии овладеть ею может любой.

– А как насчет духов, которых мы видели в лесу? – продолжал допытываться здоровяк.

Довгуш улыбнулся:

– Я уже говорил вам, что владею даром внушения. – Волхв посмотрел богатырю в глаза и с издевкой проговорил: – Человек всегда рад обмануться. Нужно только чуть-чуть помочь ему в этом.

– Значит, я не видел своих родителей? – грозно нахмурившись, осведомился Хлопуша.

– А как ты сам думаешь, толстяк?

Хлопуша побагровел.

– Еще раз назовешь меня толстяком, и я...

Лесана остановила богатыря быстрым жестом и, пристально посмотрев на волхва, сказала:

– В Мории несколько сотен узников. Ты и впрямь питаешься их страхами?

– Питаюсь страхами? – Довгуш издевательски улыбнулся. – Неужели вы верили в эту чушь? Я просто готовлю для них дурманящее зелье, вызывающее страшные сны.

– Зачем тебе это?

– А разве непонятно? Чтобы хлынский князь поверил в «страшных волхвов», высасывающих из людей жизнь. С помощью пушек и огнестрельных мушкетов Добровол подчинил своей власти все соседние княжества. Он перебил половину лесных жителей, а оставшихся услал добывать рыжую руду. Но благодаря легенде про всемогущих волхвов нас он пока не трогает.

– Но я слышала, что вы добываете для него камни-самоцветы, – сказала Лесана.

Довгуш кивнул.

– Верно. Каждый год мы загружаем для вашего князя несколько подвод самоцветами и слоистым жемчужным шпатом. Загружаем и отправляем в Хлын-град. Мы скрываем от княжьих посланцев места, где добываем свои сокровища. Узнай Добровол про них – он бы давно отнял у нас наш промысел, а самих нас изгнал бы отсюда. – Довгуш перевел дух и сказал: – Мир держится на страхе и подкупе. Князь побаивается волхвов и получает за свой страх щедрые подношения. Страх, который я внушаю людям, делает их смирными и

покорными. Они не воруют, не убивают. Чтят и не забывают своих предков.

– Как же, забудешь тут, – проворчал Хлопуша. – Когда мертвые предки постоянно путаются у тебя под ногами.

Волхв усмехнулся.

– Неважно, почему они это делают. Важно то, что в нашем мире царит равновесие. Если хотите, можете остаться с нами, – радушно предложил он. – Я прикажу построить вам просторные, светлые избы. Вы будете помогать мне править моим народом. – Довгуш вздохнул и горестно проговорил: – Если б вы знали, как я устал делать все один.

– Неужели за столько лет никто не попытался вывести тебя на чистую воду? – удивился Хлопуша.

– И неужели никто не пробовал вызволить узников из заточения? – подал голос Глеб. – Ведь у каждого из них есть друзья и родные.

Волхв покачал головой и ответил:

– Никто. Хотя... Пару лет назад нашелся один храбрец. Как же его звали... Имя не славянское... Не то Риман, не то Руман.

– Рамон? – в один голос выдохнули Глеб и Хлопуша.

Волхв прищурился.

– Верно. Так вы его знаете?

Глеб и Хлопуша переглянулись.

– Что ты с ним сделал? – свирепо пробасил здоровяк.

Волхв пожал плечами:

– То же, что и с другими. Он спит и видит сны, но сны его не назовешь прекрасными.

– Мерзавец! – прорычал Хлопуша и схватился за рукоять меча.

Довгуш посмотрел на меч и поежился.

– Мне пришлось это сделать, здоровяк. Парень жаждал моей смерти.

– Где он теперь? – спросил Глеб.

– В одной из клеток.

– Ты сможешь нам освободить его.

Волхв покачал головой и ответил:

– Я этого не сделаю.

– Сделаешь! – прорычал Хлопуша. – Я заставлю тебя!

Волхв качнул головой.

– Нет. Вы пришли сюда за Первоходом, и вы его спасли. Дальше пусть все будет как будет. Я не стану вам помогать.

Глеб сдвинул брови и сухо произнес:

– Боюсь, что у тебя нет выбора, паромщик.

4

Уютно трепыхался на ветру рыжий костерок. Воздух был по-ночному темен. Лужайку тесной толпой окружили безмолвные деревья с густо переплетенными ветвями. Путники, улегшись на собранный еловый лапник, накрытый сверху мягким мхом, восстанавливали силы.

Чуть поодаль фыркали во сне спящие лошади, надежно укрытые от лесных хищников невидимой стеной волколачьего духа. Не спали лишь двое – связанный по рукам и ногам волхв и охраняющий его богатырь Хлопуша.

Богатырь долго сидел молча, глядя на всполохи огня и прислушиваясь к звукам ночного леса, потом повернул голову к волхву и тихо окликнул:

– Слышь, Довгуш? Не спишь?

– Чего тебе? – так же тихо отозвался связанный чародей.

Хлопуша покосился на своих спутников – не подслушивают ли? – затем еще ниже наклонился к связанному паромщику и произнес:

– Ты говорил, что колдовской наукой может овладеть каждый. Помнишь?

– Помню. И что?

Хлопуша облизнул губы и выпалил:

– Научи меня.

Богатырь плохо видел лицо Довгуша, но понял, что тот усмехнулся.

– Зачем тебе? – спросил волхв.

– Понимаешь, вокруг меня одни колдуны. Лесана – травница, и она умеет повелевать зверьми. Первоход... он тоже кое-что может. Кое-что такое, что недоступно остальным людям.

– Ты тоже многое умеешь, – сказал на это Довгуш. – Ты силен, как медведь. Таких богатырей, как ты, трудно сыскать.

– Так-то оно так, но... – Хлопуша вздохнул. – Понимаешь, я не боюсь никого из людей и зверей. Но колдуны... У меня от вашего брата мурашки по коже.

Довгуш помолчал пару секунд, потом сказал:

– Я тебя понимаю. Ты боишься колдунов, потому что не знаешь, чего от них ждать. Тебя пугает неизвестность.

Хлопуша усмехнулся:

– Мне нравится твое объяснение, волхв. Помоги мне побороть страх перед колдунами. Научи колдовать.

Довгуш покосился на Первохода и Лесану.

– Не уверен, что твоим друзьям это понравится.

– А мы им не скажем!

– Не скажем? – Волхв прищурил черные, как глубокие колодцы, глаза. – А коли дознаются да решат меня проучить?

– Не бойся. За меня страдать не будешь. В обиду не дам.

Теперь волхв усмехнулся открыто, и полоска белых зубов блеснула под его спутанными черными усами.

– Что ж... – сказал он. – Пожалуй, мы можем попробовать. Для начала ты должен пристально посмотреть мне в глаза.

– Зачем это? – подозрительно спросил Хлопуша.

– Не все учение передается на словах. Много тайного можно передать взглядом. Посмотри мне в глаза, богатырь, если хочешь узнать мою тайну.

Хлопуша немного помешкал, косясь на спящего Первохода и дремлющую рядом Лесану, затем вновь повернулся к волхву и молвил:

– Добро. Посмотрю тебе в глаза. Но имей в виду, паромщик: коли пойму, что ты замыслил недоброе, подниму тебя за ноги и буду трясти до тех пор, пока не вытряхну из тебя твою вонючую душонку.

Сказав так, Хлопуша уставился в глаза волхву. С полминуты оба молчали, а затем Довгуш разомкнул губы и тихо заговорил:

– Ты слышишь только мой голос, Хлопуша. Мой и ничей больше. Повтори.

– Только твой голос, – послушно повторил здоровяк. – И больше ничей.

– Теперь ты будешь делать то, что я тебе скажу. Сначала освободи мне руки и ноги. Перережь веревки, но сделай это незаметно.

Хлопуша достал из-за пояса кинжал, и через несколько секунд обрывки перерезанных веревок упали в жухлую траву. Довгуш потер натертые веревкой запястья и поморщился.

– Сакра Аримана... Хорошо, парень. Теперь мне нужно, чтобы ты отвлек Первохода и Лесану. Напади на девку и убей ее.

– Убивать не стану, – хмуро проговорил Хлопуша.

Волхв взглянул на него удивленно.

– А ты сильнее, чем я думал, – сказал он после паузы. – Ладно, убивать не надо. Просто напади на нее. Пусть она подумает, что ты хочешь ее убить. Ступай!

Хлопуша кивнул, поднялся на ноги, повернулся и зашагал к Лесане, крепко сжимая в

руке кинжал.

* * *

– Хлопуша, очнись! – крикнула Лесана, пятась от костра. – Приди в себя!

Проснувшийся от ее громкого голоса Глеб поднял встрепанную седую голову и уставился на здоровяка. Тот, сжимая в руке меч, медленно и неумолимо надвигался на Лесану.

– Какого лешего ты делаешь? – грозно окликнул Глеб. – Опусть меч, Хлопуша! Быстро!

– Я... должен... задержать вас, – четко и раздельно пробасил здоровяк.

– Задержать? – дрогнувшим голосом переспросила Лесана и покосилась на свой меч, лежавший на траве по другую сторону костра. Добраться до меча раньше Хлопуши было невозможно.

Глеб взглянул на то место, где еще минуту назад лежал Довгуш.

– Дьявол! – тихо воскликнул он. – Паромщик сбежал!

Он взялся за меч и, тяжело опираясь на него, поднялся на ноги. Хлопуша быстро повернулся и приставил лезвие кинжала к его шее.

– Нет, Первоход, – отчеканил он. – Ты останешься здесь.

Лесана двинулась с места, но Хлопуша метнул на нее холодный, жестокий взгляд.

– Ты тоже, сестренка. Вздумаешь пойти за Довгушом – я перережу Первоходу глотку. Оставайся на месте, и все будут живы.

Лесана сглотнула слюну, вперила взгляд в широкое лицо богатыря и властно приказала:

– Здоровяк, я приказываю тебе: опусти кинжал.

Хлопуша лишь усмехнулся в ответ.

– Мои слова не действуют, – в отчаянии проговорила Лесана. – Должно быть, волшебство паромщика сильнее моего.

Глеб взглянул Хлопуше в глаза и заговорил негромким, спокойным и властным голосом:

– Толстяк, ты ведь любишь жареного гуся, начиненного печеными яблоками, не так ли?

– Это так, – угрюмо кивнул Хлопуша. – Но прошу тебя, не называй меня толстяком.

– А теперь ответь мне еще на один вопрос: я тебя когда-нибудь обманывал?

Хлопуша секунду раздумывал, потом качнул головой и сказал:

– Нет. Ты никогда не обманывал меня, Первоход.

– Тогда слушай: если ты сейчас опустишь кинжал, я угощу тебя жареным гусем. Вспомни, каково это на вкус. С каждого ломтика мяса будет капать ароматный жир. Поджаристая золотистая корочка станет хрустеть у тебя на зубах. И никто не мешает тебе съесть этого гуся всего, целиком, ни с кем не делясь.

Рука Хлопуши дрогнула и стала медленно опускаться.

Лесана ринулась вперед, схватила Хлопушу одной рукой за запястье, а другой – за шею и ловкой подсечкой сбила здоровяка с ног.

Пока она управлялась с зачарованным Хлопушей, Глеб отошел от костра и шагнул во тьму. Пройдя несколько сажень, он остановился и прислушался.

– Волхв, ты здесь? – Глеб снова вслушался в шорохи ночного леса. – Я слышу твое дыхание, чародей!

Хрустнула ветка, в ноздри Глебу пахнуло запахом зверя, а в следующую секунду кусты орешника раздвинулись, и на прогалину выпрыгнули две рыси.

Глеб пристально посмотрел в глаза той из них, что была крупнее, а затем оскалил зубы и тихонько зарычал.

В глазах обеих тварей отразился испуг. Они повернулись и скрылись в лесу.

– Выходи, Довгуш! – громко и хрипло проговорил Глеб. – Я знаю, что ты там!

И вновь захрустели ветки деревьев, а затем на освещенную лунным светом прогалину

вышел огромный черный зверь. Это был медведь. У Глеба перехватило дыхание, и он невольно попятился. Медведь поднялся на дыбы и, рыкнув так, что задрожали деревья, шагнул навстречу Глебу.

Глеб вскинул меч, но от резкого движения потерял равновесие, покачнулся и рухнул на валежник. И быть бы Глебу съеденным заживо, не подоспей Хлопуша ему на помощь. Здоровяк ринулся вперед и с размаху вонзил свой огромный гофский меч в грудь косолапому хищнику. Медведь взревел и поднялся на дыбы.

Глеб схватил оброненный меч, быстро встал на ноги и поспешил было на помощь Хлопуше, но вдруг увидел краем глаза, что от куста бузины к лесу метнулась тень. Глеб мгновенно развернулся, в несколько прыжков настиг убегающего волхва и прыгнул ему на плечи.

Глеб истратил на этот прыжок последние силы, и волхв с легкостью стряхнул его со своей спины. Упав на землю, Первоход ударился головой о твердый комель дерева и на пару мгновений потерял сознание. Он не видел, как на помощь ему прибежала Лесана, а когда снова открыл глаза, все уже было кончено. Лесана приперла волхва к дереву, ткнув конец клинка ему под кадык, а Хлопуша сидел на медвежьей туше и разглядывал свою исцарапанную пятерню с таким выражением, будто подозревал в ней какой-то глубокий изъян.

– Первоход, – прохрипел он, заметив, что Глеб поднялся на ноги. – Что со мной было, а?

– Ты свихнулся, – ответил ему Глеб, ощупывая пальцами ушибленный затылок. – Но любовь к вкусной естве вернула тебе разум.

Хлопуша обдумал его слова, вздохнул и заявил:

– Я всегда говорил, что голодный человек – самая легкая добыча.

5

– Не трогай его, – устало сказал Глеб. – Не бей.

Хлопуша, рыкнув что-то невразумительное, ткнул Довгуша кулаком в щеку и проворчал:

– Благодарю Первохода, а то б я тебе...

Глеб подвигал головой, прижал ладонь к шее и поморщился.

– Дьявол... Совсем расклеился.

– У него при себе что-то есть, – сказал вдруг Хлопуша, пристально глядя на хмурого, молчаливого волхва.

– Что? О чем ты?

– Какой-то предмет, который помогает ему колдовать. Меня научили этому иноземные маги, когда мы странствовали с Рамоном по западным странам. Каждый из чародеев и ведьм имеет при себе вещь, которая называется фамильярус. В этой вещи заключен дух, помогающий тому, кто им обладает.

Глеб убрал руку от шеи, взглянул на Довгуша тяжелым взглядом и спросил:

– У тебя есть при себе такая вещь, колдун?

Довгуш с ненавистью посмотрел на Глеба и усмехнулся:

– Чепуха. Толстяк сам не знает, что говорит.

Хлопуша сжал пальцы в кулак и поднес его к носу волхва.

– Еще раз назовешь меня толстяком, колдун, и я...

– Погоди, – осадил его Глеб.

Несколько секунд Первоход молчал, разглядывая волхва, потом вдруг протянул руку и схватил Довгуша за нос костяшками пальцев. Тот открыл рот, чтобы хватануть воздух, и в то же мгновение Глеб сильно ударил его по зубам рукоятью кинжала.

Волхв закашлялся.

– Выплюнь! – приказал ему Глеб и подставил ладонь. – Ну!

Довгуш яростно сверкнул глазами, но подчинился. На ладонь Глебу упал бледно-розовый камушек.

– Что это? – удивленно спросил Хлопуша.

– Зуб, – ответил Глеб. – А в нем – камень. Это и есть твой фамильярус, маг?

– Отдай мне мой камень, ходок! – прорычал Довгуш.

Глеб вынул камушек из зуба, зуб отшвырнул, а камень поднес к глазам.

– Магический талисман... – задумчиво пробормотал он. – Надо же. И что за дух в нем заключен?

Паромщик усмехнулся.

– Неужели ты веришь в эти сказки, Первоход? Один костолом вставил мне в зуб этот розовый яхонт. Но лишь потому, что камень имеет большую ценность. Согласись: иметь при себе дорогую вещь – весьма полезно. Никогда не знаешь, куда забросит тебя судьба.

– Ты врешь, колдун, – пробасил Хлопуша, гневно сверкая глазами. – Первоход, позволь, я с этим разберусь?

Глеб на секунду задумался, потом кивнул.

– Давай. – И протянул яхонт здоровяку.

Хлопуша положил камушек на плоский камень, а другой выворотил из земли.

– Так говоришь, просто «дорогая вещь»? Сейчас поглядим, насколько она тебе дорога.

С этими словами Хлопуша поднял булыжник и сделал зверское лицо. Однако ударить по яхонту он не успел.

– Ваша взяла! – выдохнул Довгуш. – Я расскажу. – Одарив Глеба ненавидящим взглядом, волхв устало произнес: – Это не просто камень. Он – часть небесного тела, и в нем заключен дух, имя которого я не могу вам назвать.

– Почему? – нахмурился Хлопуша.

– Если я произнесу его вслух, дух, заключенный в камне, может рассердиться. И тогда плохо придется и мне, и вам.

Глеб нагнулся, поднял яхонт и сжал его в кулаке. Потом взглянул волхву в глаза и сухо спросил:

– Где ты его взял? Откуда у тебя этот камень?

– А ты не догадался? – Волхв усмехнулся. – Я думал, ты догадливей, ходок.

Глеб на мгновение задумался, и вдруг лицо его дрогнуло, а глаза потемнели и заблестели недобрым блеском.

– Чудная вещь, – выдохнул Глеб. – Этот камень – амулет из Гиблого места. Верно?

– Верно, – кивнул Довгуш. – Я выкупил его семь лет назад у ходока по имени Бобрыня.

Глеб холодно прищурился.

– Я знал Бобрыню. Он погиб в Гиблом месте. Взял на руки приبلудившегося щенка, а тот вырвал ему кусок горла.

– Гиблое место не прощает ошибок, – спокойно напомнил волхв.

– Ты прав, – кивнул Глеб. Усмехнулся и добавил: – Я всегда говорил: у любого чуда ноги растут из Гиблого места. А теперь отвечай: ты хочешь, чтобы я вернул тебе чудной самоцвет?

– В этом камне – моя жизнь, – сказал Довгуш. – Я готов на все, чтобы вернуть его. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Утром мы пойдем в темницу, и ты внушишь охоронцам, что мы – посланники князя Добровола. Затем ты передашь им приказ князя.

– Какой приказ?

– Об освобождении одного из узников. Его зовут Рамон, и он толмач.

– Из Мории никогда и никого не освобождали, – хмуро проговорил волхв. – Убедить охоронцев будет трудно.

– И все же ты сделаешь это. Иначе не видать тебе яхонта, как собственной задницы.

Паромщик недобро усмехнулся.

– Умеешь ты убеждать, Первоход. Хорошо, я это сделаю. Когда мы выходим?

– Завтра в полдень. Хлопуша, – обратился Глеб к здоровяку, – у меня к тебе просьба. Не мог бы ты наведаться с утра в деревню и найти мне подходящую одежду? Я не хочу выглядеть оборванцем.

– Сделаю, Глеб, – кивнул Хлопуша.

– Под моими чарами любые лохмотья превратятся в парчу, – с ухмылкой заметил Довгуш. – Стоит ли терять время?

– Стоит. Расскажешь Хлопуше, как найти твою избу. Уверен, у тебя в сундуке припрятано немало роскошного барахла.

* * *

Сидя у костра, Глеб поднял руку и потрогал свое осунувшееся, заросшее бородой лицо.

– Дьявол... – тихо проговорил он. – Я забыл, что выгляжу, как может выглядеть только узник.

Лесана вынула из ножен свой витой кинжал и протянула Глебу.

– Острее этого кинжала не найти во всем вашем княжестве, – сказала она.

Глеб сорвал широкий лист лопуха и нагреб в него палкой золу из костровища. Затем поднялся на ноги и слегка покачнулся. Ноги еще плохо слушались его.

Лесана мгновенно встала рядом и поддержала его за локоть.

– Если хочешь, я доведу тебя до ручья, – предложила она.

– В этом нет необходимости, – отрезал Глеб.

– Тогда я просто буду идти рядом. Можно?

– Иди, если хочешь.

Глеб повернулся и медленно побрел к ручью. «Ну, дела, – хмуро думал он, чувствуя, как слабеют руки и ноги. – Еще год в Мории, и меня смог бы побить пятилетний ребенок. А травница ничего. Заботливая. Интересно, что она будет делать, когда я захочу отлить? Вызовется подсобить мне?»

Глеб представил себе эту картину и хмыкнул. Лесана бросила на него быстрый, внимательный взгляд.

– Все в порядке, Первоход?

– Да. В полном.

Впереди показался ручей. Дойдя до пологого берега, Глеб остановился и опустил на траву лист лопуха с золой. Затем потянулся к поясу. Пальцы были так слабы, что кое-как справились с узлом.

– Хочешь, я тебя раздену? – предложила вдруг Лесана.

Глеб покосился на нее...

– В другой обстановке меня бы твое предложение только порадовало. Но сейчас – извини.

– Значит, нет?

– Нет.

Лесана нахмурилась.

– Но ты еще слишком слаб.

– Не настолько, чтобы изображать перед тобой ребенка, – сухо отчеканил Глеб. – А теперь – уходи.

Лесана несколько секунд постояла, будто ожидала, не передумает ли Глеб, потом нехотя повернулась и зашагала прочь.

Глеб медленно разделся. Каждое движение доставляло ему боль. Мускулы и суставы двигались так, будто совсем позабыли, как это делается.

«Три года... – мрачно думал Глеб. – Три гребанных года, проведенных во сне... Если бы пошел в армию, успел бы отслужить в Морфлоте».

Глеб криво ухмыльнулся, затем оглядел свое голое тело. Тело это исхудало и высохло, мышцы ослабли, превратившись в тряпки, а кожа стала бледной и дряблой.

Испытывая к себе отвращение, Глеб стал медленно входить в воду. Шажок. Еще один. Холодная вода пронзила ступни сотней раскаленных игл, и Глеб едва не выскочил обратно на берег. Однако, сцепив зубы, преодолел себя и двинулся глубже.

Стоя в воде почти по пояс, Глеб сорвал пучок сухой травы, смочил его водой и, протянув руку, окунул в золу. А потом стал осторожно растирать свое тело. Сперва медленно, поморщиваясь от боли, потом все сильнее и сильнее.

Помывшись, Глеб отшвырнул измочаленный пучок травы, взял кинжал Лесаны и склонился над водой. Длинные седые пряди одна за другой падали в воду. Приведя в порядок волосы, Глеб занялся бородой.

Когда спустя двадцать минут Глеб вернулся к костровищу, его было не узнать. Подрезанные серебристые волосы были вымыты и зачесаны назад, открыв высокий бледный лоб. Борода и усы, почти не тронутые сединой и сохранившие свой темно-каштановый цвет, были тоже аккуратно и коротко подрезаны.

Хлопуша одобритительно кивнул.

– Отлично! – сказал он. – Ты стал похож на прежнего Первохода. Вот только волосы твои совсем седые. Да и худ ты, брат. Пора тебе отъедаться.

– Как раз этим я и собираюсь заняться, – сказал Глеб, присаживаясь к костру. – Как мясо? Готово?

Лесана смотрела на него с интересом. Глеб перехватил ее взгляд, усмехнулся и сказал:

– Ну, как? Нравлюсь?

– А ты гораздо моложе, чем я думала, – проговорила Лесана. – На твоём лице совсем нет морщин. А глаза – ясные и чистые.

– Ты находишь? – Глеб насмешливо хмыкнул. – Видимо, диета, на которой меня держали охоронцы, пошла мне на пользу.

Лесана улыбнулась.

– Силы возвращаются к тебе быстрее, чем можно было ожидать, Первоход.

Хлопуша засмеялся и тихонько толкнул Глеба плечом.

– Я же тебе говорил, сестренка, этого парня никакой Морией не перешибешь!

Глеб рад был поддержать их веселье, но на улыбку у него уже не осталось сил.

...До рассвета оставался час. Хлопуша крепко спал на ворохе мха в трех шагах от костра. Связанный по рукам и ногам волхв лежал чуть в стороне от здоровяка. Рот его был заткнут тряпкой, голова замотана в плащ, а от щиколотки чародея к запястью спящего Хлопуши тянулась веревка.

Глеб сидел на бревне и задумчиво смотрел на костер. К нему тихой походкой подошла Лесана. Глеб взглянул на нее и негромко осведомился:

– Не спится?

Девушка кивнула:

– Угу. Можно я чуть-чуть посижу с тобой?

– Конечно.

Она села рядом. Некоторое время оба молчали, потом Лесана покосилась на Глеба и тихо проговорила:

– Ты убил много моих соплеменников, Первоход. И я понимаю, что должна тебя ненавидеть, но... Иногда я забываю о том, кто ты и какое горе принес моему народу.

Взгляды их встретились. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и Лесана первой отвела глаза.

– Ладно, не буду тебе мешать, – тихо сказала она и хотела подняться с бревна, но Глеб взял ее за руку и удержал.

– погоди, – сказал он. – Я хочу знать, что означают твои слова?

Лесана закусил губу и несколько секунд молчала в нерешительности. Затем тяжело, с явным трудом, проговорила:

– Я ведь женщина, Первоход. И, как женщине, ты мне очень нравишься.

– Вот как? Интересно, почему я, а не Хлопуша. Он добрый и сильный малый. И он

умеет быть преданным и заботливым. А в моей душе – выжженная пустыня, и мне давно на все наплевать.

Лесана покачала головой.

– Это не так, Первоход. Ты просто устал. Устал еще до того, как тебя заключили в темницу. Лицо у тебя молодое, но голова бела, будто у старика. Эта седина не от лет, а от чрезмерных переживаний.

Глеб усмехнулся.

– Тебе нравятся мужчины с прошлым?

Лесана задумчиво покачала головой.

– Я знала, что ты поднимешь меня на смех.

– Прости, – смутился Глеб. – Я не хотел тебя обидеть.

Прядь серебристых волос упала ему на лицо. Темные брови, усы и борода на фоне белых волос казались совсем черными. Откинув прядь небрежным жестом, Глеб заговорил снова:

– Ты знаешь, за те три года, что я провел в царстве кошмаров, я видел много такого, что язык не повернется назвать просто сном.

– И что же ты видел, Первоход?

– Чаще всего я видел далекое будущее. Цивилизации пришел конец. Города превратились в леса, дороги – в звериные тропы и реки. Самые высокие и крепкие здания, сумевшие устоять под натиском ветра, дождя и снега, заросли травой и деревьями. Представь себе: каждое высотное здание – это целый лес, наполненный жизнью. – Глеб замолчал. Вновь посмотрел на костер, нахмурился и сказал: – Прости, что я тебе это рассказываю. Это был мой личный ад, и тебе он, конечно же, не слишком интересен.

Оба помолчали, глядя на огонь. Первым молчание нарушил Глеб.

– Почему ваши жрецы решили, что я могу помочь вам? – спросил он.

– Они увидели это. Ты же знаешь, жрецы видят то, что скрыто от прочих.

– Но я понятия не имею, как бороться с этими вашими... гончими смерти. Я много лет боролся с волколаками и оборотнями, но адские псы – это не по моей части.

– Ты боишься? – удивленно спросила Лесана.

– Не то чтобы боюсь... Просто... не хочу тебя разочаровать.

– Ты не разочаруешь меня, – убежденно заявила Лесана. – Это сказали жрецы Наурана, а они никогда не ошибаются. До рассвета осталось меньше часа. Пойду попытаюсь хоть немного поспать.

Она поднялась с бревна и зашагала к груде елового лапника и мха, на которой Хлопуша устроил ей постель.

...Глеб не ошибся, предположив, что сундуки в доме волхва набиты роскошными вещами. Вернувшись из деревни, Хлопуша вручил Первоходу шитый золотом терлик, замшевый полукафтан, яловые сапоги и новенький плащ с серебряной фибулой.

Себе он тоже кой-чего прихватил. Верзила обрядился в роскошную ферязь, приличествующую самому князю, а брюхо подвязал алым кушаком с длинными кистями, на концах которых поблескивали маленькие яхонты.

Принес Хлопуша обновки и Лесане, но девушка наотрез отказалась надевать чужую одежду, и это было понятно – ее собственная одежда, от исподнего до куртки, была набита сушеными травами, распаханными по крошечным кармашкам.

Когда Глеб вышел из-за куста в новой одежде, Лесана и Хлопуша ахнули. Перед ними стоял не отощавший бродяга, а ухоженный, худощавый вельможа. Серебристые волосы контрастировали с темными бровями и темной бородкой, придавая лицу Глеба то, что много столетий спустя назовут «породистостью».

– Твой наряд не осрамил бы и самого заносчивого боярина, – сказала Лесана.

Глеб молча надел пояс и перевязь. Слегка поморщился. Меч и кинжал, висевшие на боку, все еще были для него тяжеловаты.

– Тебе необязательно брать с собой меч и кинжал, – сказала Лесана, заметив это. – Если

паромщик все сделает, как надо, оружие нам не понадобится.

– Когда отправляешься в логово демонов, нужно быть готовым к драке, – возразил Глеб.

– Может, и мне дадите оружие? – попросил вдруг Довгуш, руки и ноги которого были все еще связаны. – Мне без него будет неуютно.

Хлопуша поднес к его носу огромный конопатый кулак и пробасил:

– А это видел? Еще раз заикнешься об оружии – вдарю так, что голова из зада выкатится.

Довгуш отвернулся.

– Грубиян ты, Хлопуша, – обиженно проговорил он. – Неотесанный, деревенский грубиян.

– Врешь, колдун, я городской. Но бить буду, как деревенский, так и знай.

Глеб присел возле Довгуша, оглядел его черноусое, цыганское лицо и сказал:

– Нужно сделать так, чтобы охоронцы тебя не узнали. Сможешь?

Довгуш усмехнулся и провел ладонью по лицу. Тотчас же оно переменилось, покрылось глубокими морщинами и шрамами, нос сплющился, а глаза слегка выкатились из орбит.

– Поручик Лихослав! – изумленно выдохнул Хлопуша.

Довгуш усмехнулся и кивнул:

– Верно. Подходит мне такая личина?

Хлопуша вытер вспотевший лоб.

– Вот это да! Ну, теперь я спокоен. Поручик Лихослав – самый преданный и известный из слуг князя. Охоронцы не усомнятся в его словах.

– Что ж... – Глеб повел худыми плечами. – В таком случае, мы готовы к походу.

6

Только сейчас, медленно приближаясь к острову на похищенной у рыбаков ладье, Глеб смог как следует разглядеть темницу со стороны, и особого впечатления она на него не произвела. Мощные каменные стены были увенчаны по краям дозорными башенками, в остальном это было обычное серое, невзрачное здание, отличающееся от дома городского главы Хлынь-града только размерами. На большой деревянной пристани ладью уже поджидали охоронцы. Было их не меньше двух дюжин, и в руках они сжимали бердыши.

Как только ладья причалила, навстречу странникам выступил охоронец гигантского роста. Судя по украшенной серебром рукояти меча и дорогой тонко кованной кольчуге, соединяющей островерхий шлем с наплечными латами, это был десятник. Дождавшись, когда гости сойдут с ладьи на скрипучие влажные доски причала, гигант обратился к ним рокочущим голосом:

– Кто вы такие?

Волхв Довгуш, который выглядел настоящим боярином, выступил вперед.

– Мы посланники князя Добровола, – спокойно и властно произнес он. – Неужто ты не узнал меня?

– Я тебя узнал, – ответил гигант. – Ты поручик Лихослав. Но кто с тобой? Этих людей я не знаю.

– Это мои спутники. Боярин Гудимир, боярин Хлопослав и юный боярин Лесан. Сей юноша – мой племянник. Теперь назови себя!

– Я десятник Марибор.

– Ты здесь наибольший?

– Да. С какой целью пожаловали в Морию, посланники?

– Князь поручил нам забрать одного узника.

Охоронец опешил.

– Прежде такого не бывало, – пророкотал он.

– Всегда бывает первый раз, Марибор, – строго сказал волхв. – Вели привести сюда этого узника. Я не хочу задерживаться надолго. – Он передернул плечами и добавил: – Мне от вашей Мории не по себе.

Десятник медлил.

– Вы прибыли сюда без охоронцев? – с подозрением осведомился он.

– Наши охоронцы остались на берегу, – ответил Довгуш. – Я побоялся, что вы примете нас за врагов и поколете стрелами прежде, чем мы пристанем к острову.

– Твои слова справедливы, – нехотя признал десятник. – Хорошо. Назови нам узника, за которым вы приехали.

– Сей узник – толмач Рамон.

– Могу я спросить, для чего вы его забираете?

– Князь желает поговорить с ним с глазу на глаз.

Еще несколько секунд десятник размышлял, а потом принял решение, и приняв – более не колебался. Он подозвал к себе двух охоронцев и коротко распорядился:

– Приведите сюда узника Рамона. Живо!

Охоронцы поклонились, развернулись и, бренча кольчугами, зашагали к крепости. Волхв скользнул взглядом по суровым лицам вооруженных ратников и вальяжно проговорил:

– Твои люди всегда так осторожны?

– Вчера утром из темницы попытался бежать один узник, – спокойно ответил Марибор. Довгуш вскинул брови и удивленно переспросил:

– Бежать? Но разве это возможно?

– Нет, боярин, невозможно, – холодно ответил Марибор. – Узник сей утонул в реке. Мои лучники подстрелили его, словно куропатку.

– Значит, ваши узники опасны? – тихо спросил переодетый вельможей Глеб.

– Здешние узники смирнее овечек, – отчеканил десятник.

– Однако узник, который сбежал...

– Он был сумасшедшим, боярин. Лесной дух вселился в него и удесятерил его силы, но мы легко с ним справились. Вам нечего бояться, пока я с вами.

Громыхнули створки ворот, и охоронцы вытащили на улицу тощего узника, облаченного в рубище и заросшего черной бородой до самых глаз. Охоронцы держали его за предплечья, а ноги узника, босые, тощие, волочились по влажной земле.

Гости устремили взгляды на узника.

– Это он? – спросил волхв.

– Да, – ответил Марибор. – Это толмач Рамон. Прикажите загрузить его в вашу ладью?

Хлопуша ринулся навстречу охоронцам и узнику.

– Рамон! – воскликнул он, отпихнув охоронцев и приняв упавшего узника в свои объятия. – Слышишь ли ты меня?

Узник открыл глаза, посмотрел на здоровяка и что-то тихо пробормотал.

– Что он сказал? – тихо спросил Глеб, подходя к Хлопуше.

– Это по-италийски, – отозвался, не оборачиваясь, богатырь. – Что-то про игральные кости.

Глеб нахмурился.

– Толмачу снится, что он играет в кости, – негромко пробормотал он. – Чует мое сердце, что ничем хорошим эта игра не закончится. Надо поскорее его будить.

Лесана быстро подошла к ним и тревожно прошептала:

– Что-то здесь не так. Возьми это! – Она быстро сунула Глебу между губ сухой листок. Глеб прикусил листок.

– Хлопуша, возьми и ты!

Травница сунула такой же листок в рот здоровяку. Тот прикусил листок зубами, поморщился и хрипло спросил:

– Это чего?

Объяснить Лесана не успела.

– Возьмите их! – крикнул вдруг Довгуш. – Они не посланники князя, но самозванцы!

Глеб, Хлопуша и Лесана обернулись. Охоронцы, оцетинившись бердышами и мечами, шагнули к ним. В то же мгновение Хлопуша выхватил из ножен свой огромный меч, взмахнул им и одним ударом перерубил несколько бердышей.

– Взять их! – громогласно прокричал Марибор.

На щеках у Глеба заиграл румянец, он встрепнулся, выхватил из ножен меч и бросился навстречу охоронцам. Первому он разрубил грудь, второму снес голову, третьего отпихнул щитом и вонзил ему меч в живот.

Меч Глеба мелькал и разил с невероятной скоростью. Хлопуша не уступал ему – каждым ударом своего огромного меча валил он на землю по два охоронца. Лесана со скоростью дикой кошки прыгала между охоронцами, рубила их коротким мечом и резала своим витым кинжалом. Вскоре битва превратилась в бойню.

Спустя пять минут поляна перед пристанью была усеяна телами убитых охоронцев. Было их не меньше двух дюжин. Хлопуша опустил меч и взглянул на Лесану.

– Что ты с нами сделала? – свирепо сверкая глазами, прорычал он. – Я чувствую в себе столько силы, что готов в одиночку разрушить эту темницу!

Лесана, чье узкое, смуглое лицо было залито потом и кровью, усмехнулась и ответила:

– Это листья иширского дерева. Они усиливают способности, но не дают новых. Не умеи ты владеть мечом, тебе бы и листья не помогли.

– И много у тебя еще таких листьев? – поинтересовался, вытирая рукавом потный лоб, Глеб.

– Больше нет. Я берегла их для решающей и самой страшной битвы.

– Вот как? – Глеб усмехнулся обескровленными губами. – Возможно, ты поторопилась. Но я благодарен тебе.

– Что будем делать с предателем-паромщиком? – спросил Хлопуша.

Странники усталились на волхва. Довгуш стоял у реки с унылым и сокрушенным видом. Он не делал попыток убежать.

– Ну что, волхв? – с жестокой усмешкой обратился к нему Хлопуша. – Ты готов предстать перед Велесом?

Довгуш усмехнулся и вдруг оторвался от земли и стал стремительно подниматься в небо.

– Пёсий потрох! – крикнул Хлопуша, ринулся вперед и, высоко подпрыгнув, попытался схватить волхва за ногу. Однако нога паромщика, обутая в добротный яловый сапог, стремительно вознеслась вверх, вслед за телом, которому принадлежала.

Хлопуша, взревев что-то неразборчивое, поднял с земли копьё и метнул его в Довгуша, но копьё, едва коснувшись одежды волхва, отлетело от него, словно от твердой брони. Волхв-паромщик остановился и завис на высоте трех сажень, а потом вдруг рассмеялся жутким, залившимся смехом. Лицо его исказилось и стало меняться. Оно быстро покрылось старческими морщинами, а выросшая длинная борода поседела и стала белой, как полотно. Теперь с высоты трех сажень на странников глядел волхв-старец.

– Глупцы! – крикнул Довгуш. – Неужто вы и впрямь решили, что можете справиться с волхвом? Ничтожные насекомые! – Он вытер рукавом хламиды выступившие на глазах от смеха слезы. – Впрочем, я здорово повеселился, притворяясь таким же насекомым, как вы. Нужно будет пробудить других волхвов и рассказать им о вас. Наша жизнь скучна, и у нас не так много поводов для смеха. Однако теперь... Теперь вы меня утомили. Пора положить этому конец.

Волхв простер руку над полем и крикнул громовым голосом:

– Восстаньте, воины! Восстаньте и будьте неуязвимы!

– Он сошел с ума! – крикнул Хлопуша, с ненавистью глядя на парящего в воздухе волхва.

– Не думаю, – тихо проговорил Глеб.

Хлопуша хотел еще что-то сказать, но вдруг уставился на убитых охоронцев и изумленно произнес:

– Глядите – чего это с ними?

С телами убитых охоронцев происходило нечто невообразимое – они стали темнеть и твердеть, а вскоре замерцали металлическим блеском, будто и впрямь обратились в железо.

– Лопни мои глаза! – с изумлением пробормотал Хлопуша. – Железная дружина!

– Это всего лишь обман, – неуверенно проронила Лесана. – Нам кажется, что они восстали и стали железными... Но на самом деле ратники мертвы и по-прежнему лежат на земле.

– Верно! – поддержал ее Хлопуша. – Паромщик внушил нам, что они живы! Но нас на мякине не проведешь! Слышишь, паромщик, ты не обманешь нас!

С этими словами Хлопуша прыгнул вперед и с размаху ударил ближайшего охоронца мечом по груди. Лязгнуло железо, и Хлопуша, вскрикнув от боли, выронил меч из пальцев.

– Железный! – проговорил он, тряся ушибленной рукой и с ужасом глядя на охоронца. – Вправду железный!

– Обратно в крепость! – крикнул Глеб. – Быстро!

Хлопуше не нужно было повторять дважды. Он подхватил Рамона с земли, забросил его на плечо и под прикрытием Глеба и Лесаны бегом понесся к дубовым воротам крепости. Железные охоронцы зашевелились, залязгали и заскрежетали руками и ногами.

Беглецы вбежали во внутренний дворик. Навстречу им выскочили семеро охоронцев, вооруженных бердышами. Хлопуша несколько раз махнул мечом, и четыре охоронца упали к его ногам мертвыми. Глеб сбил одного ударом кряжа в лицо и перешиб второму мечом хребет. Лесана, быстро присев, ударила последнего кинжалом в бедро, взрезав ему артерию.

Еще один охоронец выскочил из-за угла, и Лесана молниеносно вонзила ему кинжал в шею.

Покончив с охоронцами, странники подбежали к дубовой двери. Хлопуша с разбегу ударил по ней плечом, и дверь широко распахнулась. Глеб, вбежавший в крепость последним, захлопнул дверь и набросил на железные скобы дубовую балку.

– Ничего не понимаю! – яростно выдохнул Хлопуша. – Довгуш сам говорил, что все его чудеса – одна только видимость!

– Он нас обманул, – тяжело дыша, пояснила Лесана. – Этот колдун и впрямь способен творить чудеса.

Глеб сдвинул брови и сухо проговорил:

– Это невозможно. Чудеса бывают только в Гиблом месте.

– Но ты сам это видел! – сказала Лесана. Она хотела что-то добавить, но в этот миг по двери сильно ударили. Глеб отскочил от двери и с изумлением уставился на ее крепкие дубовые доски. Удар оказался столь силен, что две доски треснули.

– Теперь ты веришь? – пробасил Хлопуша. – Говорю тебе: эти гады сделаны из настоящего железа!

Третий удар потряс стены крепости, а от четвертого две толстенные железные скобы, на которых лежала дубовая балка, отвалились, а по самой балке пробежала трещина.

– Сейчас они ворвутся! – взволнованно произнес Хлопуша. – Что будем делать, Первоход?

– Надо бежать наверх.

– Но там тоже охоронцы, – возразила Лесана.

– Да, но они из мяса и костей, и мы уберем их с пути. Вперед!

И беглецы бросились к каменной лестнице с широкими, потрескавшимися от времени ступенями.

Десять минут спустя, забрызганные кровью охоронцев, они стояли на последнем этаже темницы, перед железной вертикальной лестницей, ведущей на крышу.

– Хлопуша, тащи Рамона наверх, – распорядился Глеб. – Лесана, помоги ему, а я их задержу.

– Ты слишком слаб, – возразила Лесана.
– Нет времени спорить. Делай, как говорю.
Лесана секунду или две колебалась, потом снова мотнула головой и твердо сказала:
– Я не оставлю тебя одного, Первоход.
По коридору загромыхали железные сапоги преследователей.
– Ладно, – коротко проговорил Глеб. – Хлопуша, живо наверх! А мы побеседуем с нашими железными друзьями!

Здоровяк с Рамоном на плече стал быстро карабкаться наверх, взволнованно бормоча:
– Боги Хорс и Семаргл, сделайте так, чтобы дверь, ведущая на крышу, не была заперта!
Из-за угла вывернули железные охоронцы. За ними еще. А за теми – новые. Через несколько секунд коридор заполнился охоронцами. За то время, что Глеб и Лесана их не видели, они изменились. Из железно-белых стали бурыми, а от прежнего их блеска не осталось и следа.

Глеб судорожно огляделся, и вдруг лицо его прояснилось. В углу, под прорехой в кровле, стояла бадья с дождевой водой. Глеб сунул меч в ножны и крикнул:

– Лесана, помоги!

И ринулся к бадье. Лесана подчинилась, не задавая вопросов. В один миг они достигли бадьи, схватили ее за края и с грохотом опрокинули ее на пол. Вода из бадьи хлынула в ноги подбегающим железным воинам. Едва это произошло, как ратники замедлили ход, словно ноги их запутались в невидимой сети. Те, что бежали впереди, лязгнув железными телами, рухнули на мокрый пол. Бежавшие сзади споткнулись о них и тоже попадали на пол.

– Их ноги, – вымолвила Лесана, не веря собственным глазам. – Они проржавели.

– На любое чудо найдется другое чудо, – сухо заметил Глеб. – Не знаю, из какого сплава они сделаны, но сплав этот очень нестойкий. Влажный воздух вызвал ускоренную коррозию. Вода довершила дело. А теперь – быстро наверх!

И оба, перепрыгнув через копошащихся на мокром полу ржавых воинов, устремились к лестнице, ведущей на крышу.

– Северный уступ крепости выходит на реку! – крикнул, едва заведя друзей, Хлопуша.

– Можем попробовать прыгнуть? – спросила Лесана.

Хлопуша сглотнул слюну и неуверенно проговорил:

– Говорят, там затопили огромную старую ладью. Не знаю, правда ли это, но...

– Но рискнуть стоит, – договорил за него Глеб. – Тем более что другого выхода у нас нет.

Деревянная крышка у него за спиной с грохотом отлетела, и на крышу вскарабкался железный воин. За ним еще один.

– Прыгаем! – крикнул Глеб и первым побежал к краю крыши.

Он прыгнул первым. За ним – Лесана. Следом Хлопуша швырнул Рамона, а потом прыгнул сам.

Холодная вода реки приняла беглецов, обожгла их тела тысячью студеных игл, накрыла ледяным саваном.

Железные воины остановились было на краю крыши, но другие, бегущие за ними, сшибли их вниз, а потом посыпались в воду сами. Через несколько секунд река вспенилась от десятков падающих в воду железных тел.

7

– Первоход! – Лесана откинула с лица мокрую прядь волос и завертела головой. – Первоход!

Она набрала полную грудь воздуха и снова хотела нырнуть, но тут над поверхностью воды показалась седовласая голова Глеба.

– Первоход! – воскликнула Лесана, не скрывая своей радости, и быстро поплыла к нему.

Глеб отплюнул воду.

– Где Рамон? Ты его видела?

– Нет.

– Он здесь! – услышали они хриплый бас Хлопуши. – Я его держу! Плывите ко мне, у меня тут дерево!

Под рукой у него и впрямь бултыхалось чахлое деревце со сгнившими ветвями.

Лесана и Глеб подплыли к деревцу и уцепились за его ветви продрогающими пальцами.

– Гребем к берегу! – хрипло выдохнул Глеб.

И они стали грести. Вдалеке, на том берегу, виднелась прогнившая рыбацкая пристань. Слева от нее берег зарос рогозом, осокой и камышом. Справа – зарослями ивняка.

Когда до берега оставалось тридцать саженей и силы почти покинули беглецов, Хлопуша вдруг задрал голову и крикнул:

– Смотрите! Что это там?

Глеб и Лесана задрали головы. Лица у них были бледные и изможденные, губы побелели от усталости и холода.

– Птицы, – тихо проговорила Лесана.

– Они кружат над нами! – воскликнул Хлопуша. – Вы видите?

– Не нравится мне это, – заявил, выплюнув воду, Глеб. Он сжал побелевшими пальцами ствол дерева и добавил: – Давайте-ка побыстрее выберемся на берег.

И они вновь стали грести к берегу, на этот раз еще быстрее, чем прежде. Но вдруг одна из чаек устремилась вниз и, стремительно спикировав на копошащегося в воде Хлопушу, с размаху клюнула его в темя. Затем извернулась и снова взвилась в воздух.

– Леший потрох! – закричал Хлопуша, отплевывая воду, которую хватанул от неожиданности открытым ртом. – Эта чайка сошла с ума!

– Берегитесь! – вскрикнула Лесана.

Глеб едва успел отдернуть голову, и черный клюв чайки клюнул воздух прямо перед ним, а сильные птичьи крылья ударили его по лицу. Глеб молниеносным движением схватил чайку за шею и ударил ее головой об ствол дерева, а затем окунул в воду.

– Они охотятся на нас! – проревел, вытаращив глаза от изумления, Хлопуша. – Вон еще одна! Берегитесь!

На сей раз три чайки спикировали на беглецов, вцепились им в волосы и вороты и стали хлестать крыльями по лицам и клевать в затылки.

Глеб, прикрывая одной рукой глаза, сунул другую в воду и выхватил из-за пояса кинжал.

Лесана поступила так же. Когда она ударила чайку кинжалом, лицо ее уже было залито кровью. С полминуты Глеб и Лесана ловко орудовали сверкающими клинками. Когда с чайками было покончено, а их изрезанные кинжалами тельца качались на воде, Глеб крикнул:

– К берегу! Быстро!

И беглецы заработали руками и ногами, забыв про усталость. Чайки продолжали кружить над ними, выбирая момент для атаки. Секунда, другая – и новые птицы, теперь их было семь, спикировали вниз. Однако в тот момент, когда пернатые твари настигли беглецов, те уже почувствовали под ногами твердое дно.

Глеб, Лесана и Хлопуша резали птиц в клочья, орудуя кинжалами, как заправские мясники, но все новые и новые птицы пикировали им на головы, норовя выклевать глаза. Бьющие по лицам крылья застилали им свет и дезориентировали их, а дно снова ушло из-под ног. Однако до берега оставалось всего три сажени, и беглецы не собирались сдаваться.

Наконец, продолжая отбиваться от обезумевших птиц, они выбрались на берег.

– К кустам... – прохрипел Глеб, чувствуя, что силы его на исходе.

Обезумевшие птицы преследовали их до самого леса.

Укрывшись за деревьями, все четверо рухнули на траву и стали хватать ртами воздух. Волосы их спутались и побагровели от крови, а лица были сплошь в кровоподтеках.

Рамон по-прежнему был в полуобморочном состоянии, но, слава богам, грудь его вздымалась от тяжелого дыхания, а губы что-то бормотали в полусне.

– Никогда такого не видел, – вытирая мокрым рукавом заляпанное кровью лицо, проговорил Хлопуша. – Случалось, что я ел птиц, но чтобы птицы решили полакомиться моими мозгами... – Он мотнул головой. – Такого не бывало.

– Это все проделки Довгуша, – сказала Лесана, немного отдышавшись. – Он не собирается сдаваться.

– Его власть кончается за пределами этого леса, – подал голос Хлопуша. – Если мы доберемся до большака, ему нас не взять.

– Значит, надо добраться до большака, – отчеканил Глеб.

– Все мои травы намокли, – пожаловалась Лесана. – Пока они не высохнут, я не смогу их использовать.

Глеб откинулся спиной на ствол березы, усмехнулся бледными губами и сказал:

– Мой меч стоит твоих чар.

– Только если ты его подымешь, – сипло проговорил кто-то.

Беглецы повернули головы и уставились на Рамона. Толмач сидел на траве с открытыми глазами, тощий, заросший волосами и бородой, с глубоко запавшими глазами.

– Рамон! – радостно воскликнул Хлопуша.

– Здравствуй, Хлопуша, – прошелестел толмач бледными губами. – Что-то ты похудел. В городе перевелись свиньи и куры?

Хлопуша хотел обнять друга, но вспомнил, что это может причинить Рамону боль, и остановился с растопыренными руками.

– Ты тоже сильно изменился, Глеб... – прошептал толмач. – Твои волосы стали совсем... белы.

Глеб улыбнулся.

– Ничего. Женщинам я буду нравиться и таким.

– А... оборотням?

– Ну, эти твари всегда были от меня без ума. Не думаю, что седые волосы их отпугнут.

Хлопуша засмеялся и легко прикоснулся к мокрому плечу Рамона.

– С возвращением, друг!

8

Костер горел так жарко, что одежда на беглецах почти высохла. Они сидели так близко от пламени, как только могли, рискуя опалить себе брови и волосы.

– А Довгуш-то и впрямь оказался колдуном, – проронил Хлопуша, вороша палкой пылающие головни.

Пламя вспыхнуло еще ярче, и Глеб вынужден был слегка отодвинуться, чтобы не обжечь лицо.

– Что, если он обманул нас и в другом? – мрачно предположила Лесана.

– О чем ты? – повернулся к ней Глеб.

– Что, если он не единственный волхв? Что, если таких, как он, много?

– Мы не смогли справиться и с одним, – угрюмо пробасил Хлопуша. – Представь, что они с нами сделают, если их будет хотя бы трое.

Глеб хмыкнул.

– Зато теперь мы знаем, что не все «видения», которые он насылает, – просто видения. Ты прав, Хлопуша, справиться с этим дьяволом будет непросто. Но... – Глеб зловеще усмехнулся. – Мне даже интересно, что этот клоун еще придумает.

– Скоро мы это узнаем, – хмуро пообещала Лесана.

Хлопуша посмотрел на закутанного в одеяло толмача и заботливо спросил:

– Как ты, Рамон?

– Бывало и лучше, – отозвался тот.

– Тебе не тяжело говорить? – осведомился Глеб.

Рамон легонько качнул черноволосой, кудрявой головой.

– Уже нет.

– Тогда поведай нам, как ты попал в темницу?

Рамон посмотрел на Глеба и негромко заговорил:

– Когда тебя забрали, Глеб, я поклялся гвоздями, которыми распяли Христа, что разыщу тебя. Разыщу и вызволю из плена. Путь мой был долг и неприятен. В конце концов он привел меня в рыбацью деревню. Я узнал, что жители деревни служат волхвам и что многие из них бывают в Мории. Одни привозят охоронцам еству, другие прибирают клетки, в которых томятся узники... Работа находится всем. Тогда я решил проникнуть в Морию под видом такого работника.

Лесана поднесла к губам толмача целебный отвар, и он сделал несколько маленьких глотков. Затем продолжил:

– Я изучил наречие, на котором говорят местные жители. Перенял их привычки. Когда я посчитал себя готовым, я оглушил парня-уборщика и связал его. А потом надел его одежду, сел в лодку и приплыл на остров. Я сумел пробраться в крепость. Сумел даже отыскать клетку, в которой они тебя держали, Первоход...

Рамон замолчал, переводя дух. Лесана снова дала ему отвара. Хлебнув отвара и отдохнув, толмач продолжил:

– Подвела меня случайность. Один из охоронцев уронил мне на ногу сосуд с горячим варевом. Я выругался, но сам не заметил, что сделал это на своем родном итальянском языке.

Толмач снова сделал паузу, чтобы восстановить силы, а после продолжил:

– Я рассек «кафтаннику» грудь кинжалом, а другому взрезал живот. Я даже успел снять с пояса убитого ключи и шагнуть к клетке. Но тут набегали охоронцы и скрутили меня. Так из твоего спасителя, Первоход, я сам превратился в узника. Вот и весь рассказ.

– Ты повел себя глупо, – сказал Глеб. – Зачем тебе понадобилось совать голову в пасть чудовищу, когда ты мог наслаждаться мирной и спокойной жизнью?

Рамон взглянул на Глеба удивленно.

– Ты мой друг, Первоход. Я не мог нормально жить, пока ты томился в Мории.

Хлопуша шмыгнул носом. Вдруг веки его задрожали, а на ресницах блеснули слезы.

– Рамон... – дрогнувшим голосом проговорил верзила. – Рамон, ты... Ты...

Хлопуша не смог договорить и вместо слов порывисто обнял Рамона и прижал его к своей могучей груди.

– Ну-ну-ну... – Рамон, поморщиваясь от боли, высвободился из объятий здоровяка и вновь взглянул на Глеба.

– Если бы вернуть все назад, я бы поступил точно так же, Первоход, – сказал он. – Я бы отправился на твои поиски.

– И был бы полным дураком, – сухо резюмировал Глеб. – Охоронцы могли порубить тебя, как капусту.

– Возможно. Но ты ведь тоже пришел за мной. Ты, Хлопуша и... – Рамон осекся и перевел взгляд на травницу. – Простите, сеньора, я снова забыл ваше имя.

– Лесана, – напомнила она.

Толмач улыбнулся, блеснув полоской зубов.

– Примите мою благодарность, милая Лесана. Я не знаю подробностей, но уверен, что мы с Первоходом обязаны своим спасением вам.

– Рамон, эта девчонка – настоящая колдунья! – взволнованно проговорил Хлопуша. – И, леший тебя побери, ты прав! Это она притащила меня сюда! По пути Лесана раз десять спасала мою жизнь!

Рамон снова перевел взгляд на девушку.

– Тогда я должен поблагодарить вас еще раз, милая сеньора. Позвольте мне поцеловать вашу руку.

Лесана удивленно и недоверчиво смотрела на то, как смазливый толмач целует ей руку.

Впрочем, чем дольше она на него смотрела, тем теплее и мягче становился ее взгляд. Тонкой, южной красоты Рамона не могли скрыть ни растрепанная борода, ни спутавшиеся черные волосы, в которых – после «гостеприимства», оказанного волхвами, – тоже поблескивали седые прядки.

Глеб вдруг нахмурился.

– Может, хватит уже этой галантной чепухи? – поинтересовался он. – Через пару часов нам нужно двигаться дальше, и я хочу, чтобы вы хорошенько отдохнули.

Рамон улыбнулся.

– Не волнуйтесь, мой друг. Один взгляд этой девушки способен взбодрить лучше, чем два часа самого крепкого и здорового сна.

– Однако два часа сна тебе тоже не помешают, – возразил Глеб. – Ложись спать, Рамон, а в гляделки с травницей поиграешь потом.

9

Через два часа, отдохнув и вздремнув, устроили ужин. Костерок, разведенный Лесаной в углублении и укрытый от ветра камнями, дружелюбно потрескивал, бросая на лица беглецов рыжеватые отблески.

– Хорошо, – выдохнул Рамон, протягивая дрожащие руки к костру. – Тепло. И никаких снов.

– Поедим, будет еще лучше, – заверил его Хлопуша. – Погоди, пока щуки остынут. Набьешь себе брюхо свежей рыбой, запьешь шербой – вот тогда и поверишь, что ты уже не в узилище, а на свободе. А то вид у тебя до сих пор пришибленный.

Толмач усмехнулся, но ничего не сказал.

– У нас в Иноземье рыба тоже хороша, – включилась в разговор Лесана, разглядывая выложенных на листья вареных щук. – Но мы редко ловим ее.

– Это почему же? – удивился Хлопуша.

– Это очень опасно. Лесной живности много, и ее легко добыть, но в реки мы заходим с величайшей осторожностью. Говорят, что они текут к нам из самой Нави. Там, в мрачном царстве мертвых, они берут свои истоки.

– Ужас, – хмуро проронил богатырь. – Вам не позавидуешь. Клянусь бараньей лопаткой, в мире нет ничего вкуснее жареного осетра и соленой семги. Да что там семга – от простой селедки, коли положить ее на хлеб да приправить зеленым лучком, брюхо так заурчит, будто в нем поселились скоморохи со своими дудками и свирелями.

Лесана протянула руку к рыбе, отщипнула кусочек мяса от щучьего бока, поднесла его к губам, чуть-чуть помедлила, а потом положила на язык.

– Рамон, – обратился к толмачу Хлопуша, – как же ты теперь будешь спать?

– О чем ты? – хрипло пробормотал черноволосый толмач.

– После Мории ты должен бояться сомкнуть глаза. А ну как тебе снова приснится кошмар?

– Хлопуша, отстань от него, – осадил здоровяка Глеб.

– Да мне просто интересно. Я ведь не со зла спрашиваю. И не затем, чтоб...

– Тихо! – воскликнула вдруг Лесана, и в голосе ее было столько тревоги, что все мгновенно замолчали.

Секунд двадцать беглецы вслушивались в звуки леса, затем Лесана негромко проговорила:

– Я слышу чьи-то шаги.

– Шаги? – прошептал Хлопуша, вытаращив на Глеба глаза.

Лесана кивнула:

– Да.

– Я тоже их слышу, – сказал Глеб. – И шаги эти очень странные.

– Как это? – не понял Хлопуша.

– Живые люди так не ходят, – ответил Глеб сквозь зубы и взялся за кряж меча.

Он вытянул меч из ножен и поднялся на ноги. Хлопуша и Лесана сделали то же самое. Рамон остался сидеть на траве, у пылающего костерка, но выпростал из-под куртки руки и взялся за конец головни.

– Кем бы ни были эти твари, они идут сюда, – сказал Глеб. – Смотрите вон на тот куст. Они выйдут из-за него.

Все повернули туда головы. Несколько секунд прошло в напряженном молчании, а затем Хлопуша воскликнул:

– Вот они!

Беглецы ожидали увидеть все, что угодно, – зверей, чудовищ, невиданных тварей. Они были готовы ко всему, однако существа, вышедшие из леса, поразили их воображение и заставили оцепенеть от ужаса.

Существ было четверо, так же, как беглецов. Они были совершенно голые, а кожа их была смертельно бледна и покрыта то ли каплями воды, то ли бесцветной слизью.

Шли они, спотыкаясь и покачиваясь, будто впервые пробовали свои ноги в деле. Трое существ были мужчинами, а четвертое, самое низкое и худое, – женщиной. Однако самым ужасным были их головы, лишенные волос и... лиц! Там, где полагалось быть лицам, у странных созданий была лишь гладкая кожа, и кожа эта постоянно подергивалась, будто под ней копошились невидимые насекомые.

Хлопуша разомкнул спекшиеся от страха губы и пробормотал:

– Это... это...

– Это мы, – договорил за него Глеб.

После слов Глеба все стало очевидно. Перед беглецами стояли их копии, голые, беззащитные, дрожащие на ветру и – безликие. Словно неведомый скульптор, создав двойников Глеба, Хлопуши, Рамона и Лесаны, забыл нарисовать им лица.

Фигуры остановились в десяти шагах от костра.

– Клянусь свиным желудком, этот громила справа похож на меня, – пробормотал Хлопуша. – Однако я не такой пузатый.

Лесана тронула Глеба за руку и прошептала:

– Что будем делать, Первоход?

Глеб, не отвечая, выставил перед собой меч и шагнул к голой четверке. Шаг... Другой... И вдруг пальцы его разжались, меч упал на землю, а сам Глеб схватился ладонями за лицо и застонал.

Лесана двинулась было к нему, но Глеб отрывисто выкрикнул:

– Нет! Не подходите!

Травница послушно остановилась. Лицо Глеба мучительно искривилось от боли, словно его стянули невидимые струны.

– Дьявол! – сдавленно пробормотал Глеб и вдруг закричал.

Нос Первохода стал стремительно уменьшаться, а на гладком лице двойника Глеба, стоявшего от него в нескольких шагах, так же стремительно вырастала выпуклость, которая все больше становилась похожей на нос.

– Что нам делать? – в отчаянии вскрикнула Лесана. – Скажи, Первоход!

– Стойте... не шевелитесь... – прохрипел он.

Нос Глеба исчез, и на его месте теперь была совершенно гладкая кожа. Выпуклость на лице голого двойника, наоборот, заострилась, в ней с легким щелчком прорезались ноздри.

Глеб с трудом развернулся и сделал шаг прочь от жуткой четверки безликих тварей, но вдруг остановился, вскинул руки к лицу и застонал:

– Мои... глаза...

Стон этот был полон такого ужаса, что Хлопуша и Лесана попятились. Глеб на мгновение отнял руки от лица, и Лесана увидела, что глаза его стремительно западали в глазницы и затягивались белесой пленкой.

– О, боги! – крикнул, разглядев это, Хлопуша. – Что же это такое?

Глеб, крича от боли, попытался разорвать пленку ногтями, но багровые царапины тут же зарастали снова. Вдруг крик его оборвался и превратился в мычание, и Хлопуша с Лесаной увидели, что и губы Первохода срослись и стали выцветать.

Лесана что-то яростно выкрикнула на своем языке, подняла меч и стремительно зашагала к двойникам, но не успела пройти и трех шагов, как рухнула на траву и забилась, крича от боли и царапая пальцами лицо.

Хлопуша, не сознавая, что делает, бросился ей на помощь, но лицо его ожгло ледяным огнем и скрутило судорогой. Боль была столь яростна, что сознание Хлопуши помутилось, а ноги его подкосились. Секунду спустя он уже лежал рядом с бьющимися на земле и стонущими от невыносимой боли Глебом и Лесаной.

И вдруг все кончилось. Лесана, Глеб, Хлопуша и Рамон сидели на траве, голые, мокрые, бледные, дрожащие от холода и растерянно озирались по сторонам.

– Что... – пробормотала Лесана, но голос ее сорвался, – что... с нами?

Еще до того как Глеб ответил, она все поняла. В стороне от них, в нескольких шагах от затухающего костерка, лежали три неподвижных тела. Тела эти были полностью одеты, а там, где полагалось быть лицам, виднелись уродливые, покрытые каплями крови пустые места.

– Мы стали... ими! – в ужасе выкрикнул Глеб. – Мы превратились в этих тварей.

Лесана, прикрыв рукою голую грудь, поднялась на ноги и неуверенно шагнула к костру, возле которого сидело закутанное в одеяло тело Рамона.

– Ноги будто костяные... – прошептала она и сделала еще шаг. Этот шаг дался ей легче.

Глеб взглянул на свое правое предплечье. На нем виднелись пять красноватых шрамов.

– Нас скопировали, – пробормотал он, не веря тому, что говорит. – Нас с вами...

– Первоход! – окликнул его Хлопуша, в ужасе уставившись на свои руки.

Глеб проследил за взглядом здоровяка, и лицо его вытянулось от изумления. Руки Хлопуши залоснились, задрожали и стали медленно оплывать.

– Я таю, Глеб! – испуганно воскликнул Хлопуша. – Таю, как масло на сковороде!

Лесана попробовала сделать еще шаг, и нога ее с отвратительным чавканьем оторвалась от земли. От босой стопы к земле протянулись клейкие ниточки.

– Это все не по-настоящему... – задыхаясь от ужаса, пробормотала Лесана. – Я не могу растаять!

Она взглянула на Глеба, и глаза ее вылезли из орбит. Лицо Глеба стало таять и оплывать, как воск. Лесана вскинула руки и коснулась ладонями своих щек. Щеки были необычно мягкими и липкими.

Глеб, Лесана и Хлопуша, голые, перепуганные, стояли посреди поляны и с ужасом смотрели друг на друга. Рамон, такой же голый и бледный, сидел на траве и таращился на свои руки остекленелым от изумления взглядом.

– Первоход... – с мольбою в голосе проговорила Лесана. – Как это остановить?

Глеб поднял руку и посмотрел на свою ладонь. Оплывшие пальцы склеились и слились в одно целое, и рука стала похожа на страшную, влажную и липкую клешню.

– Волхв... – с ненавистью прошептал Глеб.

И вдруг какая-то странность привлекла его внимание. Несколько секунд Глеб хмурил оплывший и блестящий, как талый воск, лоб, а потом веки его дрогнули, и он быстро проговорил:

– Рамон! Ты по-прежнему спишь. Не знаю, как, но ты втянул нас в свой сон.

Толмач поднял на Глеба изумленный взгляд и прошептал:

– Этого не может быть... Я не сплю.

– Взгляни туда! – Глеб указал оплывающей рукой на костер.

Рамон взглянул. Прежнее тело Рамона все так же сидело у костра, и у него был вид спящего человека.

– Я не понимаю, Глеб. Почему ты решил, что я... – Толмач осекся и уставился на

костер. Вернее, на то место, где прежде был костер, ибо теперь там красовалась великолепная мраморная чаша, и вместо языков костра из нее с тихим журчанием выпрыгивали струйки воды.

– Фонтан... – пробормотал Рамон. – Такой же, как в моем отчем доме...

– Ты по-прежнему спишь, Рамон! И ты должен проснуться!

– Пресвятая Дева... – в отчаянии пробормотал толмач. – Как? Как я это сделаю?

– Я не знаю.

Рамон стиснул зубы и тяжело поднялся на ноги. Затем, оторвав ногу от травы, сделал шаг вперед.

– Рамон, брат, сделай что-нибудь! – в отчаянии крикнул Хлопуша. Его левая рука, почти полностью растаявшая, срослась с телом, и теперь здоровяк напоминал огромную белую куколку.

Рамон не ответил. Он снова шагнул вперед. Мягкие ноги гнулись при каждом шаге. Пальцы на них оплыли и исчезли, оставшись белесыми кляксами на траве.

Рамон сделал еще шаг, потом нагнулся и поднял с земли кинжал Лесаны, который она обронила, когда началось превращение. Глеб хотел что-то сказать, но нижняя часть лица его, быстро оплыв, превратившись в огромную, мерцающую каплю, упала на траву.

Глеб покачнулся и стал падать, и в это мгновение Рамон, слегка отведя в сторону руку, сжимающую кинжал, с размаху вонзил клинок себе в живот.

* * *

– А-а-ах! – выдохнул Рамон и вскинул голову.

В ту же секунду беглецы опустились на траву и оглядели друг друга.

– Слава Белобogu! – с облегчением проговорил Хлопуша. – Все-таки это был сон. Но, Хорс свидетель, никогда в жизни мне не было так страшно.

Глеб поднялся на ноги и повернулся к лесу.

– Паромщик! – зычно крикнул он. – Паромщик! Я знаю, что ты где-то рядом! Ты напугал нас до смерти, но мы не умерли!

– Умерли... – гулко и страшно пробежало по лесу эхо: – Умерли! Умерли! Умерли!

Хлопуша и Лесана вжали головы в плечи, но Глеб не опустил головы, а лишь холодно усмехнулся.

– Очень смешно! – крикнул он.

– Смешно! Смешно! Смешно! – глумливо отозвалось эхо.

– Если ты попадешься у меня на пути, я изрублю тебя на куски и скормлю падальщикам!

– Падальщикам... – отозвалось эхо. – Падальщикам! Падальщикам! Падальщикам!

Наконец, эхо умолкло. Несколько секунд в лесу царила полная тишина, а потом вдруг тишина эта взорвалась смехом, и смех этот, прокатившийся по лесу, как волна, был столь жутким, что спина у Глеба под рубахой взмокла от холодного пота.

А в следующую секунду странники увидели на краю поляны одинокую фигуру.

10

По кронам деревьев пробежал протяжный шорох. Глеб вытянул из ножен меч и замер, глядя на плывущую к ним навстречу фигуру.

Приближаясь, она беспрестанно меняла форму и вид – то становилась белой, как гипсовая статуя, то черной и блестящей, как шлифованный гранит, то превращалась в горящий куст, то в крылатого ангела.

– Боже! – изумленно прошептал Глеб, сжимая в пальцах кряж меча.

Зрелище было красивое и захватывающее. Неизвестно, что видели в очертаниях приближающейся фигуры Хлопуша, Лесана и Рамон, но и они смотрели на нее

завороженными взглядами.

Наконец, фигура остановилась в трех саженьях от костра, по ней пробежала перламутровая волна, а потом фигура замерла и обрела, наконец, четкие очертания. Седобородый старец с посохом в руке, закутанный в светлую хламиду, стоял и насмешливо глядел на странников.

Глеб сбросил оцепенение, ринулся вперед и молниеносно рубанул волхва мечом. Клинок пронесся сквозь фигуру волхва, как сквозь облако, не причинив ей никакого вреда.

– Отражение! – выдохнул за спиной у Глеба Хлопуша. – Глеб, этот гад ненастоящий!

Глеб оглядел ближайшие деревья и громко крикнул:

– Где ты прячешься, паромщик? Выйди, покажись!

Фигура, стоявшая перед Глебом, подернулась рябью, но тут же снова восстановилась.

– Зачем же так кричать? – услышали странники сипловатый голос волхва. – Я стою перед тобой и прекрасно тебя слышу.

Глеб хмуро уставился в лицо призраку.

– Что тебе нужно? – спросил он. – Почему ты не оставишь нас в покое?

Призрачный волхв медленно поднял левую руку и слегка дернул пальцами. В тот же миг с пальцев его сорвалась голубая змейка и, сверкнув в воздухе, ударила Глеба в грудь. Глеб отшатнулся и сделал пару шагов назад, однако устоял на ногах.

– Дьявол... – На лбу Первохода выступили крупные капли пота. – Корчишь из себя Перуна?

Довгуш усмехнулся.

– По-моему, у меня неплохо получается. Эй, толстяк! – окликнул он Хлопушу. – Ты по-прежнему думаешь, что я ненастоящий?

– Еще раз назовешь меня толстяком, и я забью этот меч тебе в задницу, – свирепо проговорил Хлопуша, выставив перед собой сверкающий клинок.

– Оставь свои угрозы, здоровяк. И не бойся меня. Я не собираюсь вас убивать. – Волхв снова перевел взгляд на Глеба и добавил: – По крайней мере, не сейчас. Я просто хочу поговорить с вами, ребята.

– О чем?

Волхв прищурил прозрачные глаза.

– Вы не сможете выбраться из леса, пока я вам не позволю. Я закружу вас, и вы сгинете в дремучей чащобе. Поверьте мне, это в моих силах.

Глеб усмехнулся.

– Как я понимаю, ты хочешь сделать нам предложение, от которого мы не сможем отказаться?

Старец кивнул.

– Верно. Верните мне мой амулет. Верните, и я оставлю вас в покое.

Глеб задумался, поглядывая на волхва из-под нахмуренных бровей. За спиной у него Хлопуша негромко предложил:

– Первоход, давай отдадим ему этот дурацкий камень. На кой леший он нам сдался?

– Нет, Первоход, не отдавай ему камень, – быстро сказала Лесана. – Он все равно не выпустит нас из леса. А с камнем его могущество возрастет стократно.

– Глупости, – проворчал Хлопуша. – Мы ему не нужны. Ему нужен камень. Пускай забирает и катится к лешему.

– Гм... – Глеб поскреб ногтем горбинку на переносице и усмехнулся. – Ты слышал, что они сказали, паромщик. Сам видишь – голоса разделились. Но у нас есть еще один член команды, и он тоже имеет право на собственное мнение.

Глеб чуть повернул голову и окликнул:

– Рамон! Ты слышал, о чем говорил волхв?

Толмач, сидящий у костра, разомкнул губы и ответил:

– Да, Первоход. Я все слышал.

– И что ты на это скажешь?

– Я согласен с Лесаной. Этот чародей-паромщик – порождение Гиблого места. А ни одна темная тварь не выпустит жертву из лап, пока не перекусит ей горло.

Глеб в упор посмотрел на волхва.

– Слыхал? Это мнение большинства. Ступай прочь, паромщик. Мы не отдадим тебе камень.

Лицо волхва передернулось, рука крепко сжала посох, а глаза гневно сверкнули.

– Вы об этом пожалеете! – пролаял он. – Я не выпущу вас из леса! Я околдую вас и сведу с ума! Отныне каждая лесная тварь, от самой большой до самой маленькой, будет против вас! Каждая ветка будет норовить выхлестнуть вам глаза! Под каждой корягой будет таиться опасность!

– Вот как? – Глеб прищурил темные, недобрые глаза и спокойно пообещал: – Что ж, мы будем внимательнее смотреть под ноги. Прощай, паромщик. И намотай себе на ус: следующая наша встреча станет для тебя последней. А теперь – пшел прочь!

Лицо волхва потемнело от ярости, а глаза его побелели и лишились зрачков и радужки, словно их бросили в кипяток.

– Убью тебя! – возопил волхв страшным голосом, вытянул руки и стал стремительно надвигаться на Глеба.

Глеб, понимая всю бесполезность сопротивления, замахнулся мечом, и в то же мгновение Лесана прыгнула к ближайшему дереву, взвилась в воздух и схватила что-то с ветки.

Раздался громкий вопль, высокая фигура волхва покачнулась и стала рассыпаться на куски, а за спиной у Глеба что-то неразборчиво крикнул Хлопуша. Глеб быстро обернулся. Лесана, упав на траву, билась с огромным черным вороном, которого она сорвала с ветки.

Ворон вопил страшным голосом и бил Лесану огромным клювом по рукам. Хлопуша и Глеб бросились на ворона одновременно. Схватив упирающуюся птицу за крылья, они быстро стащили черную тварь с Лесаны и ударами кинжалов пригвоздили ее к земле.

– Попалась, птичка! – торжествующе крикнул Хлопуша.

– Вы сдохнете! – злобно каркнул ворон. – Все равно сдохнете!

– Только после тебя, – прорычал Глеб, схватил ворона за голову и быстро перерезал ему глотку.

Тело ворона задрожало и стало расти. Глеб и Хлопуша вскочили на ноги и отпрыгнули в стороны. Тело продолжило раздуваться и вдруг с оглушительным звоном лопнуло, обдав все вокруг перьями и пухом.

– Пёсий потрох! – выругался Хлопуша и отплюнул пух. – Лопнул, как раздутая кишка! И вонь после него столько же!

Глеб протянул руку Лесане.

– Ты как? – спросил он.

Лесана потрогала исцарапанный лоб, улыбнулась и сказала:

– Я в порядке.

Взявшись за протянутую руку, она поднялась на ноги. Рамон, прихрамывая, подошел к останкам волхва, окинул их спокойным взглядом, потом сурово сдвинул брови и продекламировал:

– «Сплошная ночь тебя взрастила, демон. На горе света радостным сынам». Да смилостивится Господь над твоей черной душой, колдун.

И перекрестил останки.

11

Ехать вчетвером на двух конях – занятие несложное. Тем более когда кони крепкие и сытые. После гибели волхва лес вокруг уже не казался таким темным и неприветливым, как прежде. К тому же до большака отсюда оставалось не больше семи верст.

– Слышь, Рамон! – окликнул Хлопуша, мерно покачиваясь в седле.

– Чего? – тихо отозвался толмач, сидевший у него за спиной.
Хлопуша вздохнул.
– Да так, ничего.
– А зачем окликал?
– Хотел убедиться, что у тебя нет проблем со слухом. Здесь, в Волховом лесу, это важно.
Рамон нахмурился и обиженно заявил:
– Очень смешно.
Затем отвернулся и погрузился в молчание.
– Не обижайся, Рамоша.
– Я тысячу раз просил тебя не называть меня Рамошей.
– Что же тут поделать, если ты Рамоша. Не Рамаданом же мне тебя называть. Рамадан – имя чужое, муслимское. А муслимские демоны «шурале» злее наших родных лешаков во сто раз. Нет, друг, с муслимским отродьем я не связываюсь.
Рамон промолчал, и Хлопуша продолжил его донимать:
– А скажи-ка мне, Рамон, как там у вас в Риме называют доходяг?
– Как называют доходяг, не знаю, но всех наших дуралеев называют Хлопушами. Это уж ты мне поверь.
– Вот опять обиделся. Не обижайся, брат. Я ведь любя. – С полминуты Хлопуша ехал молча, затем покосился на Глеба, ехавшего с Лесаной на второй лошади, и заговорил снова:
– Первоход, можно тебя спросить?
– Спрашивай, – разрешил Глеб.
– Говорят, что каждый, кто провел в Гиблом месте больше месяца, теряет свою душу и превращается в темную тварь. Правда ли это?
Глеб усмехнулся:
– Я был в Гиблом месте намного дольше, но я – человек.
– Ты в этом уверен?
Глеб отрицательно качнул головой:
– Нет. А ты? Ты ведь тоже бывал в Гиблом месте.
– Ну, ты скажешь! В сравнении с тобой, я в Гиблом месте гость редкий.
Глеб вдруг поднял руку и осадил коня. Здоровяк тоже осадил своего гнедашку и тревожно спросил:
– Что случилось, Первоход?
Глеб некоторое время молчал, прислушиваясь к чему-то, затем втянул ноздрями воздух, шумно выдохнул и сказал:
– Нас преследуют.
– Кто? – удивился Хлопуша.
– Это я сейчас выясню. – Глеб легко спрыгнул с коня и бросил уздечку Лесане. – Будьте здесь, а я скоро вернусь.
– Первоход, не забывай, что ты все еще слаб, – нахмурившись, сказала ему травница.
– Не настолько, чтобы не пройти пешком двух верст, – ответил Глеб.
– Только возвращайся скорее, – попросил Рамон, – если не хочешь, чтобы этот хлынский Голиаф сожрал меня или свел с ума своей болтовней.
– Не волнуйся, Рамон, – успокоил его Хлопуша. – Голиаф сегодня сыт, а поток его веселой болтовни легко разобьется о плотину твоего скучного молчания.
Глеб усмехнулся.
– Рыбная диета пошла тебе на пользу, здоровяк, – сказал он. – Твои мозги прямо-таки светятся от фосфора, я это даже сквозь череп вижу.
Хлопуша озадаченно нахмурился, услышав незнакомые слова, а Глеб поправил на поясе меч, повернулся и зашагал назад по выющейся, едва различимой в траве тропке.
Вернулся он минут через двадцать. Взглянул на отдыхающих товарищей и хмуро проговорил:

– Нам придется принять бой.
– Как бой? – удивленно спросил Хлопуша. – Какой бой? С кем?
– Это простолюдины, – ответил Глеб. – Вероятней всего, рыбаки. Жители деревни, которой управлял волхв. Думаю, перед тем как сдохнуть, волхв внушил им что-то на наш счет.

– Простолюдины? Всего лишь? – Хлопуша усмехнулся. – Я думал, Довгуш придумает что-нибудь получше.

– Сколько их? – спросил Рамон. – Они вооружены?

– Их около сорока человек, – сказал Глеб. – Вооружены вилами, топорами и дубинками. Настоящее народное ополчение.

– Может, мы сумеем от них просто уйти? – спросила Лесана.

Глеб отрицательно качнул головой.

– Нет. Эти парни окружили нас. Двигаются они медленно, но скоро будут здесь.

Лесана поднялась с травы, быстро подошла к Глебу вплотную и, глядя ему в глаза, прошептала:

– Мы с тобой можем прорваться. У нас есть два коня. А ты нужен моему народу.

– Для начала я нужен своим друзьям, – холодно заявил Глеб. – И в моих глазах эти двое стоят всего твоего народа.

Лесана побледнела и хотела что-то сказать, но Глеб легонько оттолкнул ее в сторону, прислушался, потом взглянул на Хлопушу и Рамона и велел:

– Приготовьтесь. Они идут!

Едва он это произнес, как поблизости послышался треск валежника и сучьев, а секунду спустя из чащобы вышла дюжина мужчин, вооруженных вилами, топорами и косами. Треск раздался и с другой стороны, и оттуда тоже появились вооруженные люди, этих было больше дюжины, и лица их были бледны, а глаза сверкали лютой злобой.

– У меня остался еще один листок, который может даровать вам силу, – быстро сказала Лесана.

Достав листок, она разорвала его на две части, одну протянула Глебу, другую – Рамону.

– Когда действие его закончится, вам с Рамоном будет очень плохо. Каждое ваше усилие отзовется после жуткой болью. Каждая ваша царапина превратится в страшную рану.

– Главное, чтобы эта штука не подвела нас в бою, – сказал Глеб и прикусил свою часть листка.

Рамон медлил. Тогда Глеб вырвал листок из его пальцев и насильно всунул ему в рот.

– Жуй, толмач! – приказал он. – Не знаю, где наша колдунья взяла эти листья, но действуют они, как кокаин, ЛСД и экстази, вместе взятые. Самого смирного человека эта дрянь может превратить в одержимого жаждой убийства берсерка.

Вооруженные люди тем временем уже совсем приблизились.

– Пресвятая Дева... – прошептал Рамон, пристально глядя на приближающуюся толпу. – Они ведь всего лишь люди.

– Они враги, – сухо поправил его Глеб. – Воспринимай их только так. Если ты не убьешь их, они убьют тебя.

– И все же я попробую их остановить.

Не успел Глеб ничего на это ответить, как Рамон шагнул навстречу приближающейся вооруженной толпе, поднял руку и крикнул:

– Послушайте меня, люди! Я хочу вам что-то сказать!

Толпа замедлила ход, но не остановилась. Десятки пар глаз с лютой злобой смотрели на Рамона, и от этой злобы ему на мгновение стало не по себе.

И вдруг они бросились в атаку. Один из нападающих, рослый, широкоплечий, вырвавшись вперед, размахнулся и метнул в Рамона топор.

Глеб схватил Рамона за плечо и рванул вниз. Топор просвистел у толмача над головой и воткнулся в ствол березы у него за спиной.

– Ну, сволочи! Сами напросились! – прорычал Глеб и, сжимая меч, ринулся навстречу

противникам.

Увернувшись от мелькнувшего перед ним длинного лезвия косы, Глеб одним ударом меча снес голову огромному косарю. Между беглецами и их обезумевшими от колдовских чар преследователями завязалась кровавая сеча.

* * *

Рыбаки сражались яростно, но неумело, а потому битва продолжалась недолго. К концу битвы с неба закапал дождь. Глеб, Лесана, Хлопуша и Рамон стояли посреди поля, тяжело и хрипло дыша, и вся земля вокруг них была усеяна мертвыми телами.

– Господи Иисусе... – пробормотал бледный как смерть Рамон. – Прости их, грешных...

Он дрожащей рукой перекрестил трупы.

– С волхвом покончено, – сказал Хлопуша, опуская окровавленный меч. – И с его воинством тоже.

– Да, – согласился Глеб и вытер рукою мокрый лоб. – Похоже на то.

– Что будем делать с телами? – спросил Рамон. – Устроим погребальный костер?

Глеб покачал головой.

– Нет. На это у нас нет времени. Нужно добраться до большака засветло.

Он наклонился и поднял с земли оброненную одним из рыбаков флягу. Свинтил крышку и глухо прорычал:

– Клянусь дьяволом, когда-нибудь я вернусь в Морию. – Отхлебнул из фляги, вытер рот рукавом рубахи и добавил: – Вернусь и перебую всех охоронцев.

– Когда соберешься это сделать, извести меня, – попросил Рамон.

Глеб повернул голову и посмотрел на него холодно-насмешливым взглядом:

– Тоже хочешь отомстить охоронцам? Где же твое «мягкое сердце», толмач?

– Охоронцы меня не интересуют, – ответил толмач, хмуря черные брови. – Я хочу вернуться, чтобы освободить узников.

Глеб смутился.

– Да, – сухо обронил он, – ты прав. Мория не ожесточила твоего сердца. Когда я соберусь в поход, я обязательно тебе сообщу. А сейчас – нам пора двигаться дальше.

И Глеб тяжело поднялся на ноги.

Глава четвертая Тварь из преисподней

1

Плотник Пакомир Окунь жил жизнью одинокой и тихой. С утра до вечера он работал в поте лица, делая вещи на продажу, а вечерами, вернувшись из мастерской домой и поев капусты или брюквы, снова шел к верстаку и работал «для души».

Душа у Пакомира была широкая и добрая, а потому изделия, выходившие у него из-под руки – куклы, птички, звери, – были забавными и очень нравились не только детям, но и взрослым.

Иногда, когда вещь получалась особенно хорошей, Пакомир ее продавал за большие деньги, так как бесплатно расставаться с любимой вещью было тяжело. Однако чаще всего он просто раздавал свои «пустяшные изделия» детишкам.

Своих детей у Пакомира не было, а соседские его обожали. В выходной день плотник выходил на улицу со своим коробом, и дети тут же бежали к нему со всех сторон, радостно крича:

– Пакомир, Пакомир, чего ты для нас сделал?

Пакомир останавливался, лукаво смотрел на детишек и говорил:

– А вот – поглядите-ка!

Затем садился на пенек, открывал свой волшебный короб и выкладывал «пустяшные изделия», от одного только вида которых дети приходили в невыразимый восторг.

Особенно привязался к Пакомиру один мальчонка лет восьми. Бывало, целый день ходит за плотником и все лепечет:

– Хороший ты, дядька Пакомир. Мне бы такого батяньку.

Пакомир все знал про мальчонку, и что тот сирота, и что побирается по лавкам, и что ночует в подклетах, а однако ж бывало остановится и спросит:

– А кто ж ты таков будешь, малый?

– Я Лочок, – отвечает мальчонка, а сам смеется, предвкушая удовольствие.

А Пакомир продолжает, тоже едва сдерживаясь от смеха:

– Эй, Лочок, закрой роток на крючок!

И оба хохочут, как старые друзья, сто раз повторяющие одну и ту же шутку и каждый раз находящие ее смешной.

Со временем Пакомир все чаще стал задумываться: а не взять ли ему мальчика к себе? Вдвоем поживать – это не одному куковать. «И мне будет веселее, и мальцу теплее, – размышлял Пакомир. – А то ведь скоро состарюсь, и некому будет воды подать. А помру – и все, что накопил, ему оставлю. Он будет жить и меня добрым словом поминать. Поди плохо?»

Долго думал Пакомир и наконец решился. Подозвал однажды мальчика к себе да и спрашивает:

– А что, – говорит, – Лочок, тяжело ли тебе на свете живется?

А мальчишка отвечает:

– Ой, дяденька Пакомир, тяжело.

– Небось, иной раз по цельному дню хлебной крошки во рту не удержишь?

– Бывает, что и по три дня не держу, дядька Пакомир.

– И в подклетах да подвалах, чай, ночевать не сахар? Сыро ведь?

– Сыро, дяденька, – отвечает Лочок. – А ты почему спрашиваешь-то?

– Да вот, – сказал тогда Пакомир, – хочу тебя к себе жить позвать. У меня изба большая, пятистенная. Для одного чересчур просторная. Ты как? Согласен?

Лочок подумал-подумал да и говорит:

– А чего ж, ты, Пакомир, мужик хороший. Я давно про такого батьку мечтал. Ты меня наказывай, но не бей, и я тебе хорошим сыном буду.

– Так, значит, согласен?

– Согласен, – кивнул Лочок. – Ты сейчас ступай домой, а я вечером к тебе приду.

– Отчего ж не прямо сейчас?

Лочок засмеялся.

– Ишь, какой скорый. У меня в подклетке вещи. Опорки, штаны, охотничья куртка.

– Так ведь дырявое все!

– Дырявое, да мое. Ступай домой, а я еще дотемна к тебе жить приду.

На том и разошлись.

Обрадовался Пакомир, что одиночеству его пришел конец. На радостях купил на торжке лакомств: пирожков с мясом и кашей, медовых хлебцев и даже сладкого петушка.

Дома выложил Пакомир всю эту роскошь на стол и стал ждать своего нового сыночка. Час ждет, другой ждет, а потом слышит – кто-то тихонько в дверь скребется. Насторожился Пакомир. Встал с лавки и пошел тихонько к двери. А с той стороны опять – скреб, скреб.

И вспомнилась вдруг Пакомиру ни с того ни с сего старая сказка. Про то, как устроили охотники на медведя облаву и отрубили ему лапу. Одна старушка выпросила себе у охотников эту лапу, срезала с нее шерсть и ободрала мясо. Мясо сунула в котелок с водой и поставила вариться, а сама села на медвежью кожу и стала прясть его шерсть.

И вот сидит она ночью у окна, прядет шерсть и вдруг слышит – а за окном голос:

– Скирлы, скирлы, скирлы!
Идет медведь в деревню
На липовой ноге,
На березовой клюке.
И земля-то спит,
И вода-то спит,
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна бабка не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мясо варит.

Испугалась старуха, отложила челнок, соскочила с лавки. Открыла посреде горницы погреб, задула свечу, а сама спряталась за шторку и стала ждать. А медведь все ближе и снова свою песню заводит:

– Скирлы, скирлы, скирлы!
Идет медведь в деревню
На липовой ноге,
На березовой клюке...

Старуха за шторкой обмерла со страху. Ждет за занавескою и все богов молит, чтобы укрыли ее от страшного медведя. А медведь ступил на улицу, остановился и принялся. Слышит – а из одной избы мясным духом веет.

– Вот кто мою ногу варит! – зарычал медведь и бросился в старухину избу.

Выбил плечом дверь, ворвался в горницу и увидел за шторкой старуху.

– Попалась, – кричит, – старая!

Перепрыгнул через открытый погреб, сцапал старуху да и съел.

Вспомнил Пакомир эту сказку, и стало у него на сердце тяжело, будто беду почуял. Осторожно подошел к двери Пакомир. Встал и спросил:

– Кто там скребется? Ответь!

– Это я, папенька, – ответил из-за двери тонкий мальчишеский голосок. – Я, твой сын Лочок!

Сердце Пакомира дрогнуло. Что-то тут было не так.

– Открой, папенька, – снова загнусавил из-за двери Лочок. – Мне на улице зябко и страшно. Впусти меня в дом, не оставляй под небом ночевать.

Потянулся Пакомир к засову, но вдруг остановился. Понял он, чего не хватало в голосе сына. Жизни!

Одна бабка не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мясо варит...

Пакомир хотел убежать, но руки уже открывали засов, и как ни силился Пакомир их остановить, все было бесполезно. Руки сами отомкнули засов, а ноги сами отошли от двери, давая ей открыться. И дверь открылась.

На пороге стоял Лочок. Он улыбнулся обескровленными губами и сказал:

– Вот я и пришел.

А затем перешагнул через порог и вошел в дом. Плотник Пакомир отступил на шаг,

окинул тощую фигурку мальчика испуганным взглядом.

– И правда Лочок, – пробормотал он. – Но... отчего ты такой бледный?

– А это, батюшка, оттого, что я умер.

– Умер?

Лочок кивнул:

– Да.

Пакомир сглотнул слюну.

– Отчего же ты умер, Лочок?

– От собаки, батюшка. Играл я с мальчишками в овраге, и напала на нас собака. Мальчишки убежали, а я не успел. Вот меня собака и загрызла.

Пакомир обомлел. Колени его ослабли, и он понял, что сейчас упадет.

– Какая ж это была собака? – спросил он мальчонку.

– Какая собака? – Лочок улыбнулся. – Да вот эта.

Створка распахнулась, и в дом, обдав лицо Пакомира ледяным холодом, ворвался ветер, а с ним – огромная черная тень. Пакомир успел увидеть два красных, пылающих злобой глаза, а потом что-то навалилось на него и сбilo с ног. Последним, что он увидел, захлебываясь собственной кровью, было бледное лицо приемного сына. И лицо это улыбалось.

2

– Слушай, Лесана... – Хлопуша заслонил травнице путь к костру. – Хочу тебе кой-чего сказать.

Лесана остановилась и посмотрела на богатыря вопросительно-настороженным взглядом.

– Я хотел тебе сказать... Хотел сказать...

Он вдруг осекся, а потом порывисто схватил Лесану, прижал ее к себе и поцеловал в губы.

Лесана оттолкнула от себя Хлопушу, подхватила с земли палку и наотмашь ударила ею верзилу по лицу. Секунду или две Хлопуша стоял неподвижно, вытаращив на Лесану глаза, а потом рухнул на траву как подкошенный и затих.

Глеб и Рамон, увидев такие дела, встали с бревна и быстро подошли к Хлопуше.

– Нокаут, – сказал Глеб, глянув на запрокинутое лицо здоровяка. – Можно начинать отсчет.

Рамон присел рядом с богатырем и пощупал ему шею.

– Зачем ты это, Лесана? – с упреком сказал он. – Он ведь не хотел ничего дурного.

– Нечего было ко мне лезть, – холодно проговорила травница.

– Никогда бы не подумал, что у нашего Портоса такой хрупкий череп, – заметил Глеб.

– Ничего с ним не станется, – сказала Лесана, отшвырнув палку. – Придет в себя и снова полезет меня лапать.

Рамон убрал руку с шеи верзилы и посмотрел на Лесану осуждающим взглядом.

– Не надо было бить его палкой. Могла бы просто дать пощечину.

Лесане, похоже, и самой уже стало стыдно. Нахмурившись, она сунула руку в поясную сумку, достала какой-то сухой корешок и протянула Глебу.

– Нужно измельчить это и сунуть ему в рот.

– Что это? – спросил Глеб, подозрительно воззрившись на корешок.

– Яд, – ответила Лесана. – Сунь ему в рот – помрет быстро и безболезненно. И ему хорошо, и нам спокойней.

Глеб усмехнулся:

– Смешно. А если серьезно?

– Это корень медвежьего ижменя. Поставит на ноги за один миг. Правда, есть неприятные последствия.

– Какие?

Лесана прищурила глаза.

– Попробуй, и увидишь.

Глеб вынул из-за пояса кинжал, быстро измельчил корень. Затем опустился рядом с Хлопушей, сунул острие кинжала ему в рот и развел здоровяку челюсти.

– Полегче, – тревожно проронил Рамон. – Не сломай ему зубы.

Глеб всыпал измельченный корень Хлопуше в рот, выпрямился и взглянул на девушку.

– Ну?

– Сейчас он встанет, – сказала она. – Но лучше бы вам отойти подальше.

Глеб хмыкнул и отошел от Хлопуши на несколько шагов. Рамон, секунду помедлив, последовал его примеру.

– Что сейчас будет? – спросила он с тревогой в голосе.

– Увидишь, – ответила Лесана. – Но что бы ни вытворял твой друг, не подходите к нему.

– Почему?

– Просто не подходи.

– Но... – Рамон осекся.

Хлопуша вскочил вдруг на ноги и уставился прямо перед собой. Несколько мгновений он смотрел в какую-то точку с таким видом, будто увидел нечто такое, что поразило его до самой глубины души, потом вдруг заскулил по-собачьи, сорвался с места и принялся бегать по кругу.

– Чего это он? – изумленно спросил Рамон. – Словно что-то ищет?

– Угу. Свой мозги, – с хмурой усмешкой ответила Лесана.

Хлопуша вдруг остановился, будто внезапно пришел в себя, завертел головой и испуганно спросил:

– Что со мной? Где я?

– Хлопуша! – окликнул его Глеб. – Хлопуша, ты помнишь, кто я?

– Первоход... – Здоровяк облизнул губы, сморщился и потрогал пальцами распухшую челюсть. – Что со мной было?

– А что ты помнишь?

– Помню, будто что-то сверкнуло, а после – тьма.

– Ты упал, – сказал Рамон. – Споткнулся о комель и упал. Мы ехали без роздыху пять часов, и ты устал.

– Странно, – пробормотал верзила, хмуря рыжеватые брови. – У меня будто дыра в голове. И в этой дыре – ничего нет. Пойду к ручью, умоюсь ледяной водой, авось полегчает.

Хлопуша повернулся и зашагал к ручью. Глеб и Рамон осуждающе посмотрели на Лесану. Она небрежно пожала плечами.

– А что я? Он сам напросился.

Час спустя странники сидели у костра и жевали жареных перепелов, которых настреляли Хлопуша и Глеб.

– До города осталось всего ничего, – с набитым ртом проговорил Хлопуша. – А у меня рожу разнесло, будто я голову в улей запихал. Ужас!

– Хлопуша, – заговорил Рамон, обгладывая косточку, – не думаю, что тебе стоит так трепетно относиться к своей внешности. Позволь тебе заметить, что ты не самый красивый человек в княжестве.

– Зато самый прожорливый, – улыбнулся Глеб.

Хлопуша нахмурился.

– Будет вам, ребята. Я и правда люблю поесть, но что в этом плохого?

– Ничего. Но когда ты смотришь на лошадь, я понимаю, что, стоит мне отвернуться, и она тут же превратится в жаркое.

– Твои слова обидны, Первоход. Кто по-настоящему кровожаден, так это темные твари.

В сравнении с ними я просто ягненок.

Глеб и Рамон переглянулись и засмеялись. Лесана сдержанно хмыкнула.

– Эх, родина, родина... – вздохнул, оглядывая лес, Хлопуша. – Тут даже деревья другие. Дышится вольнее и вода в ручье слаще. Хотя... Когда на троне упырь, все княжество – одно сплошное Гиблое место.

– Так бывает всегда, когда люди выше истины ставят силу и богатство, – назидательно произнес Рамон. – Если люди не хотят слышать голос истины, они живут во власти мороков, и жизнь их – вовсе не жизнь, а долгий кошмарный сон.

Хлопуша досадливо дернул толстой щекой.

– Опять ты о своей истине. Вот за что я не люблю христиан, так это за их занудство.

Рамон улыбнулся.

– Ты хороший человек, Хлопуша. И клянусь мощами святого Петра, когда-нибудь я обращу тебя в свою веру.

Хлопуша мотнул головой.

– Не выйдет.

– Выйдет, – мягко возразил Рамон. – Вода камень точит, сам ведь знаешь.

Наконец, трапеза была закончена, и Хлопуша разлил по кружкам травяной отвар. Попивая ароматную горячую жидкость, друзья молчали. В вечерней тишине объятый пламенем валежник потрескивал уютно, как в печи. Первым тишину нарушил Хлопуша.

– Первоход, – осторожно заговорил он, – я думаю, пришло время рассказать нам с Рамоном всю правду.

– О какой правде ты толкуешь, здоровяк? – вскинул темную бровь Глеб.

– Что вы с Лесаной задумали? Как ты намерен спасти ее народ от гибели? И какая гибель им грозит?

Глеб покосился на травницу.

– Это твоя тайна, Лесана. Но я согласен с Хлопушей и тоже думаю, что ты должна все им рассказать.

Лесана несколько секунд раздумывала, хмуря тонкие, ломкие брови, потом вздохнула и сказала:

– Хорошо. Я расскажу. Это случилось много лет назад, когда войско нелюдей выступило против дружинников князя Егры...

И она стала рассказывать. Хлопуша и Рамон слушали травницу с напряженным вниманием. На лице здоровяка с первых ее слов застыло удивленное выражение и уже не сходило до самого конца рассказа. Рамон же выслушивал Лесану с лицом непроницаемым и спокойным, словно во всем, что рассказывала травница, не было ничего, чего бы он не знал или хотя бы не предполагал прежде.

Наконец Лесана закончила свой рассказ. Хлопуша выглядел совершенно сбитым с толку. Рамон был спокоен, однако между его черных бровей пролегла глубокая морщина.

– Рамон, – озадаченно проговорил верзила, глядя на своего черноволосого друга, – ты понял хоть что-нибудь из того, что поведала эта девчонка?

– Думаю, да, – ответил толмач. – Лесана пришла к нам из другого мира, называемого Иноземьем. Пришла через волшебные врата. Врата эти умеет открывать живой мертвец. И теперь нам нужно найти его.

– Найти упыря в Гиблом месте? – На лице Хлопуши появилось возмущение. – Да ведь это труднее, чем отыскать еловую иголку в стоге сена!

– Он не может быть в Гиблом месте, – сказал Глеб. – Это не простой упырь. Жрецы Нуарана усмирили его, и он совсем не кровожаден. Он привык жить среди людей.

– Среди нелюдей, – хмуро поправил Хлопуша.

– Верно, среди нелюдей, – кивнул Глеб. – Но это не имеет значения. Этот живой мертвец не подастся в лес. Скорее всего, он попытается найти себе покровителя среди людей. Так, Лесана?

– Да, – хмуро ответила травница. – Мой упырь не выживет в лесу.

– Он не выживет и в городе, – сказал Рамон. – Стоит ему высунуться, и мужики тут же забьют его палками или проткнут вилами.

– Он мог отсидеться в укромном месте, – предположил Хлопуша. – Ведь мог?

Все взгляды устремились на Лесану. В ответ она лишь пожала плечами.

– Это упырь, а не домашняя кошка, – сказала она. – И я не знаю его повадок. Думаю, у него хватит хитрости затаиться, но прошло слишком много времени. Голод мог выгнать его из укрытия, и тогда...

Она замолчала. Молчали и остальные. Хлопуша и Рамон все еще не могли «переварить» рассказа Лесаны. Иноземье, уцелевшее племя нелюдей, царство Велеса, гончие смерти... Для того чтобы уложить все это в голове, требовалось время, а времени-то как раз у них и не было. Нужно действовать, и чем быстрее, тем лучше.

Первым тишину нарушил Глеб.

– Упырь в городе – явление чрезвычайное, – сказал он. – Если его нашли и убили, об этом должны были поползти слухи. Нам нужно поговорить с кем-нибудь из местных. С таким человеком, который бродит по всему городу и мимо которого не проходит ни одна новость.

Хлопуша поворошил палкой угли в костерке и улыбнулся.

– А ведь я такого человека знаю. Да и ты его тоже знаешь, Первоход.

Глеб озадаченно посмотрел на здоровяка, но вдруг лицо его, озаренное отблесками костра, просветлело.

– Ты говоришь о Прошке Суховерте, не так ли?

– Так, – широко улыбнувшись, кивнул Хлопуша. – Если кто и сможет найти иголку в стоге сена, то только наш ворёнок. Пронырливее, чем этот малый, я в жизни не встречал.

– А ведь и правда, – согласился с богатырем Рамон. – Нужно разыскать Прошку и расспросить его. Не знаю, как вы, а я сильно соскучился по этому парню.

– Вы уверены, что он в городе? – прищурился Глеб.

Хлопуша подумал, затем покачал головой.

– Нет. После того как Рамон отправился на твои поиски, я ушел в запой и потерял мальчишку из вида. Одно время я слышал, что он стал неплохим вором и промышлял где-то на торжке и в переулках у Сходной площади. Пару раз я пытался его найти, но все без толку. Ворята не выдают своих и не отвечают на вопросы сторонних людей, и пытаться их о чем-либо бесполезно.

– Что ж... – задумчиво проговорил Глеб. – Когда-то я дал слово заботиться об этом пареньке. И я сделаю все, чтобы разыскать его сейчас.

Рамон и Хлопуша одобрительно кивнули, но, судя по лицу травницы, ей рассуждения Глеба не понравились.

– Так кого же нам искать, Первоход? – сухо спросила она. – Упыря или вашего мальчишку?

– Обоих, – ответил Глеб. – Я отправлюсь на поиски Прошки Суховерта, а вы с Хлопушей обыщите все темные углы и закоулки Хлынь-града. Быть может, вам повезет, и вы нападете на след живого мертвеца раньше, чем я.

– Хороший план, Первоход, – кивнул Хлопуша. – Клянусь бараньей лопаткой, мы перетрясем весь город, но найдем проклятого упыря!

Тут Рамон кашлянул в кулак и негромко поинтересовался:

– А какое место в твоём плане занимаю я, Глеб? Ты возьмешь меня с собой или оставишь в лесу?

Глеб озадаченно нахмурился, затем повернулся к Лесане и спросил:

– Что ты об этом думаешь, травница?

– Думаю, что твой друг еще слишком слаб для пеших прогулок, – ответила она.

Глеб усмехнулся и перевел взгляд на толмача.

– Ты слышал, что сказал врач, Рамон. Тебе прописан постельный режим. Выпей отвар, который приготовила для тебя Лесана, и ложись спать. А я расставлю вокруг ловушки, чтобы

ни один зверь не смог к тебе подобраться.

Рамон нахмурился и хотел было возразить, но вдруг сдался.

– Вы правы, – сказал он тихим голосом. – Я действительно еще слаб и могу быть вам помехой. Главное – не забудьте, что оставили меня здесь.

– На этот счет не беспокойся! – заверил друга Хлопуша и, ободряюще улыбнувшись, хлопнул его по плечу. Но вдруг здоровяк нахмурился, тревожно посмотрел на Глеба и сказал: – А ведь тебе опасно ходить по городу, Первоход. Попадешь в руки охоронцев князя Добровола – лишишься головы.

Глеб покачал головой и спокойно возразил:

– За три года многие горожане позабыли обо мне. А те, которые помнят, убеждены, что я томлюсь в Мории. К тому же облик мой изменился, и даже мои заклятые враги не смогут узнать меня с первого взгляда.

– Что ж, в этом ты, пожалуй, прав, – согласился Хлопуша. – Как по мне, так ты теперь похож на иноземного вельможу. Тебе бы еще косицу на затылке – вылитый был бы брит.

Лесана достала из кармана куртки деревянный гребень и темную ленточку и вопросительно взглянула на Глеба. Он улыбнулся и подставил ей свою седовласую голову.

Под глумливые ухмылки Хлопуши и дельные замечания знающего толк в красоте Рамона травница зачесала длинные серебристые волосы Глеба назад и подвязала их лентой.

Глеб потрогал волосы, глянул насмешливо на толмача и спросил:

– Ну, как? Похож я на благородного дона?

Тот склонил голову в почтительном поклоне и, улыбнувшись, ответил:

– Си, сеньор.

3

Княгиня Наталья встала с кровати, сунула босые ноги в домашние кожаные туфли и пошла к князю Доброволу.

– Ты чего? – удивленно спросил князь.

– Раньше я ездила с тобой. Хочу и теперь.

Добровол взял княгиню за плечи и повернул ее к себе.

– Наталья...

– Я все еще княгиня – ты не забыл? – с легким вызовом проговорила она. – Я сама могу решить, что мне делать.

Князь посмотрел ей в глаза и строго сказал:

– В том-то и дело, что не можешь. Теперь ты должна думать не только о себе и не только обо мне. Вспомни, что говорил лекарь. Тебе нельзя волноваться.

Глаза Натальи сверкнули властным огнем.

– Лекарь ничего не понимает в женских делах! – сердито возразила она.

– Кое-что понимает. И он сказал, что опасность еще не миновала. Ты должна беречь себя. Вспомни, как было тяжело в последний раз.

Несколько мгновений Наталья молчала, хмуря темные, гибкие брови. Потом вздохнула и, понутив голову, нехотя проронила:

– Да. Наверное, ты прав.

Добровол улыбнулся, опустил руки и провел ладонью по круглому животику Натальи.

– Вот о ком думай, – мягко сказал он. – Это теперь самое дорогое. За ним – будущее.

– Или за ней, – тихим эхом отозвалась княгиня.

– Может, и так, – неохотно признал Добровол. Он наклонился и поцеловал княгиню в прохладный лоб. – Береги себя и ребенка. Обещаешь?

– Обещаю.

– И не думай ни о чем плохом. Всегда помни, что ты теперь не одна. Что бы ни случилось – я с тобой.

Губы Добровола растроганно дрогнули, он хотел еще что-то добавить, но сдержался и

выпустил княгиню из объятий.

– Мне пора.

За порогом опочивальни его уже поджидал советник Курнява, тощий, худосочный, с хлипкой рыжеватой бородкой и черными, острыми глазками.

– Как княгиня? – склонившись в поклоне, осведомился он. – Хорошо ли себя чувствует?

– Сносно, – ответил Добровол и зашагал по коридору.

Советник Курнява засеменил рядом.

– Беспокоюсь я об ней, – заговорил он. – Княгинюшка наша далеко не молода. Коли не будет наследника, народ возропщет. Что, если она и на этот раз выкинет?

– Не выкинет, – сухо буркнул князь.

– И то верно – не может супружница князя выкидывать три раза подряд, – немедленно согласился Курнява. – Два раза – еще куда ни шло, но три...

– Сомкни губы, Курнява, – зло проговорил Добровол. – Сомкни, пока я тебе их не зашил.

Несколько шагов советник шел молча. А потом занудил снова:

– Многие князья, коли старая жена не может выносить и родить, заводят себе новую.

– «Новую», – передразнил князь Добровол. – А старую я куда дену?

Советник Курнява усмехнулся.

– Люди смертны, князь. Иногда они помирают без видимой причины. А иногда – по неосторожности, что, конечно, прискорбно, но вполне объяснимо.

Добровол поморщился:

– Что ты мелешь, Курнява?

– Любой из князей и королей будет рад с тобой породниться, княже. А дочерей-молодок у них много. У радимичского князя дочь Елынка – не девка, а юная кобылица! А на лицо как хороша! Кровь с молоком! Уж куда лучше нашей худосочной княгинюшки.

– Не заговаривайся, Курнява, – сурово одернул его князь Добровол. – Она моя жена и твоя княгиня.

Советник подобострастно улыбнулся.

– Об тебе пекусь, княже. И говорю тебе прямо все, что думаю, – за это ты меня и ценишь. Что до прочего... Только дай мне знак, что согласен, и – конец твоей обузе. Сам ведь знаешь: я на хитрые дела мастак.

– Да уж знаю, – с сухой усмешкой проговорил князь. – Ладно, хватит об этом толковать. Кабы не Перун, не сидеть бы мне на княжьем троне. Доверимся ему, авось, поможет и на этот раз.

– Верно, – согласился советник. Прищурил хитрые глазки и добавил: – Но ты ведь знаешь, как говорится: на Белобога надейся, а сам не плошай.

Добровол свернул из коридора в свою любимую «покойную» комнату, усмехнулся и сказал:

– Юлишь ты много, Курнява. Не человек, а юла.

– Ежели и юлю, то только за-ради твоего спокойствия, княже. А что касемо княгини, то...

– Хватит говорить про княгиню! – резко оборвал его князь, остановившись посреди комнаты и сверкнув на советника глазами.

– Хватит так хватит, – немедленно согласился Курнява. – Но есть еще одна вещь, об которой тебе следует знать.

– Какая еще вещь? Отвечай, но только четко и прямо, без этих твоих дурацких намеков и ухмылочек.

Советник немедленно согнал ухмылку с губ и проговорил абсолютно серьезным голосом:

– Кажется, несколько лет назад княгиня любила Глеба Первохода?

По лицу князя пробежала тень.

– Какого лешего ты об этом напоминаешь? – сердито спросил он.

– Я не охотник приносить дурные вести, пресветлый князь, – смягчил тон Курнява. – Тем более когда вести эти – не проверены мною лично. Однако...

– Что? Какие еще вести? О чем ты говоришь, Чернобог тебя подери?!

– Сегодня на княжью голубятню прилетел почтовый голубь с недоброй вестью.

– Что за весть? Откуда?

– Из Мории, пресветлый князь. А весть в том, что Глеб Первоход сбежал из узилища, прихватив с собой своего друга – Рамона-толмача.

Добровол оцепенел, бородатое лицо его вытянулось от изумления.

– Как это могло случиться? – глухим, подрагивающим от ярости голосом спросил он. – Ведь Морию охраняют не только охоронцы, но и волхвы. Отвечай!

Курнява вздрогнул и отступил на шаг.

– Не горячись, княже, – опасливо проговорил советник. – Сбежать из узилища – это полдела. Ни один беглый узник, даже будь он трижды Первоходом, не сможет пробраться через заговоренный Волхов лес.

Лицо князя слегка расслабилось.

– Так ты думаешь, что Первоход сгинул?

– Я в этом уверен, княже. Мория истощила Первохода, лишила его сил. Мне докладывали, что он превратился в полную развалину.

– Гм... – Добровол прищурил холодные, колючие глаза и подергал себя пальцами за бороду. – Тогда зачем ты завел речь о княгине? Зачем пытался возбудить в моей душе ревность?

– Только для того, чтобы ты был осторожен, князь. Неосторожных властителей часто настигает беда. А осторожные чувствуют беду заранее и принимают меры, чтобы избежать ее.

Князь Добровол снова нахмурился.

– Я тебя не пойму, советник, – неприязненно проворчал он. – То ты говоришь, что Первоход сгинул. А то пугаешь тем, что он вернется и пробудит в сердце Натальи прежнюю любовь. Чего ты от меня хочешь – скажи конкретно.

Советник Курнява почтительно склонил голову и произнес смиренным голосом:

– Боги берегут того, кто сам бережется, князь. Приставь к княгинюшке соглядатаев. Я не верю в то, что Первоход жив, но случись ему вернуться и сунуться к княгине – мы тут же об этом узнаем.

Добровол усмехнулся.

– Ты стервец, Курнява. Но стервец хитрый. Хорошо, будь по-твоему. Усиль по городу посты и накажи стражникам пристальнее приглядываться к пришлым людям.

Советник поклонился и сказал:

– Сделаю, пресветлый князь. А как нам быть с княгиней?

Добровол нахмурился.

– Приставь к ней соглядатаев. Да таких, чтобы ходили за ней невидимой тенью, а не путались под ногами. Если Наталья заметит, что за ней следят, я спущу с тебя шкуру. Понял ли меня?

Советник снова поклонился и проговорил голосом покорным и почтительным:

– Понял, пресветлый князь. Вели исполнять?

– Исполни.

Курнява поклонился князю еще ниже, затем развернулся и, не поднимая головы, вышел из комнаты.

Поиски Прошки Суховерта заняли гораздо меньше времени, чем Глеб ожидал. Первый же барыга-перекупщик, стоило Глебу покрепче его прижать, рассказал о Прошке все, что

знал. И даже в подробностях объяснил, как отыскать избу ворёнка. А когда Глеб высыпал барыге на лодонь горстку меди, тот так расчувствовался, что вызвался проводить Глеба до самого Прошкиного порога.

Когда Глеб постучался в дверь избы, на улице стояла глубокая ночь.

– Кого там нелегкая принесла? – отозвался из-за двери недовольный юный голос.

– Открой и увидишь! – громко ответил Глеб, не в силах сдержать улыбки.

Послышались легкие шаги, а затем юный голос спросил от самой двери:

– Я тебя знаю? Твой голос кажется мне знакомым. Ты друг или враг?

– Ну, когда-то мы с тобой неплохо ладили, – ответил на это Глеб.

Последовала пауза, и вдруг Прошка громко воскликнул:

– Леший! Я знаю этот голос!

Лязгнула задвижка, и дверь распахнулась. Поначалу Прошка ринулся навстречу Глебу, но, увидев его седую голову, оторопел и невольно отступил на шаг.

– Первоход? – неуверенно проговорил он. – Глаза меня не обманывают? Это действительно ты?

Глеб улыбнулся.

– Да, друг, это действительно я. Неужели я так сильно изменился, что ты не узнаешь меня?

Прошка еще секунду стоял, не веря своим глазам, а потом рванулся вперед и бросился Глебу на шею. Стиснув Первохода в объятиях, он засмеялся и посторонился, впуская ходока в дом.

– Входи, дружище! Я встречу тебя, как подобает встречать самых лучших гостей – березовицей и свежим хлебом!

Впустив Глеба в избу, Прошка запер дверь на засов, затем обнял Глеба за плечи и провел его к столу.

– Усаживайся, где тебе удобнее, Первоход! Мой дом – твой дом!

Глеб сел на колченогую лавку и огляделся.

– Вот, значит, где ты теперь обитаешь. Не слишком шикарно.

– Да уж не князьи палаты, – с улыбкой согласился Прошка. – Но я привык. Эта изба – моя. И мне приятно чувствовать себя в ней полным хозяином.

Взяв с воронца кувшин с березовицей и мешочек с горбушкой свежего хлеба, Прошка выставил все это на стол и тоже уселся на лавку. Пока он ходил, Глеб незаметно окинул взглядом комнату, задержался на пятнах, темнеющих на полу у двери, и нахмурился.

– Значит, ты жив, – констатировал Прошка, усевшись на лавку и с любопытством уставившись Глебу в лицо. – А я слышал, что тебя увезли в Морию. Выходит, это неправда?

– Это было правдой, пока я оттуда не сбежал.

– Так ты сбежал? Сбежал из самой страшной темницы на свете?

– Как видишь, – усмехнулся Глеб.

Прошка криво ухмыльнулся и покачал головой.

– Сильно! А знаешь... я всегда говорил, что Глеба Первохода не удержат никакие стены. Даже стены самой жуткой из темниц. Расскажи мне о Мории, Первоход. Так ли она страшна, как ее малюют?

– Пожалуй, да. Но не думаю, что нам стоит об этом говорить.

Прошка нахмурился и кивнул.

– Да. Ты прав. Мория сильно изменила тебя, Первоход. Ты выглядишь изможденным. А волосы твои белы, как снег. Здоров ли ты?

– Не очень, – ответил Глеб. – Но мои силы быстро восстанавливаются. – Глеб усмехнулся и добавил: – Видел бы ты меня четыре дня назад. Вот это действительно было зрелище не для слабонервных.

– Леший! Я забыл наполнить твою кружку! – спохватился вдруг ворёнок и схватил кувшин. Наполняя кружку ароматной хмельной березовицей, Прошка спросил: – Как же тебе удалось выбраться из этой страшной темницы, Первоход? Чай, ее сильно охраняют.

– Охраняют ее надежно. А выбраться мне помог Хлопуша.

– Хлопуша? – Прошка раскрыл рот и брякнул кувшин на стол. – Вот это да! Когда я видел его в последний раз, он дрался за деньги с волколаками и выпивал по два кувшина вина за один присест. А когда однажды я попытался увести его из кружала, послал меня к лешему и дал мне такого пинка, что я перелетел через улицу.

– И все же он пришел за мной.

При этих словах Прошка вдруг нахмурился и сказал:

– Первоход, клянусь Сварогом, если бы я знал, как добратся до Мории, я бы...

– Знаю, Прошка, знаю, – кивнул Глеб. – Давай оставим эту тему. Сейчас я здесь, перед тобой, и со мной все в порядке. У меня есть к тебе дело, парень. Но сперва расскажи, как ты тут живешь, чем занимаешься?

Прошка отвел взгляд и тихо проговорил:

– А Хлопуша ничего тебе про меня не рассказывал?

– Кое-что рассказывал.

– Значит, ты знаешь, чем я теперь промышляю.

– Знаю, – кивнул Глеб.

Ворёнок вздохнул.

– Промысел мой тебе, конечно, не по нраву. Но он позволяет мне быть сытым и ни от кого не зависеть. А это дорогого стоит.

– Я не собираюсь тебя судить, – сказал Глеб. – Каждый сам выбирает свой путь. По здравому разумению, воровство ничем не хуже ловли темных тварей.

Прошка усмехнулся.

– Рад, что ты так думаешь, Первоход. Угощайся березовицей и хлебом. Мне это будет приятно.

Глеб отщипнул кусочек хлеба и бросил его в рот. Потом взял кружку и сделал несколько глотков.

– Добрая березовица, – похвалил он, отерев ладонью губы.

Прошка улыбнулся:

– Я знал, что тебе понравится, Первоход. Жаль, что Хлопуши нет с тобой, я был бы рад угостить и его. Кстати, где он? Почему не пришел ко мне?

– Еще придет, – сказал Глеб. – И он, и Рамон.

– Рамон? – Прошка снова оживился. – Значит, толмач тоже с тобой?

– Угу, – кивнул Глеб. – И думаю, что очень скоро ты увидишь их обоих. Послушай-ка, Прохор...

Глеб вдруг замер и прислушался к чему-то.

– Кто это там скребется? – спросил он, вперив взгляд в Прошку.

– Должно быть... крысы. – Прошка улыбнулся. – В моих закромах не водится ни пшеницы, ни ячменя, а в кладовых никогда не было сыра, однако крысы там все равно полно. Ума не приложу, что они там находят.

– Может, надеются на то, что ты когда-нибудь разбогатеешь? – насмешливо предположил Глеб.

Он отпил березовицы, и в этот миг за дверью чулана кто-то тихонько заскулил. Прошка метнул на Глеба быстрый взгляд, облизнул губы и проговорил:

– Первоход, вообще-то, я собирался уходить из дома по делам.

– Ночью? – вскинул брови Глеб.

– Да. Если хочешь, мы договорим на улице.

– Я никуда не спешу и дождусь твоего возвращения здесь, – спокойно заявил Глеб.

Прошка покосился на дверь чулана и вновь облизнул губы.

– Я был бы рад оставить тебя здесь, но... Я занял эту избу без разрешения. Если сюда нагрянут охоронцы, у тебя будут неприятности.

Глеб кивнул.

– Ты прав. – Он допил березовицу и хлопнул кружкой об стол. – Что ж, пойдем

подышим свежим воздухом.

И тут из чулана снова донесся шорох. Глеб устремил туда взгляд и сухо произнес:

– На этот раз я уверен, что в чулане кто-то есть. – Он перевел взгляд на Прошку и колко прищурился. – Кто там у тебя, приятель? Кого ты прячешь?

Ворёнок отвел взгляд и сбивчиво пробормотал:

– Это... моя собака.

– Ты держишь собаку?

– Да.

– Зачем она тебе?

– Сам не знаю. Увязалась за мной на улице. Хотел прогнать, но...

Глеб остановил его жестом и принялся. Его ноздри уловили легкий, горьковатый запах лесной травы.

– Мне показалось, или я чую запах Гиблого места? – спросил он.

Несколько секунд парень сидел молча, затем поднял на Глеба взгляд и сказал:

– От тебя ничего не скроешь, Первоход. Только прошу – держи себя в руках. Там... В чулане... Там у меня темная тварь.

Глеб удивленно приподнял бровь.

– Это шутка?

– Нет, – качнул головой парень.

– Ты поймал темную тварь?

– Да, я поймал ее.

– Так-так. – Глеб побарабанил пальцами по столу. – И что ты намерен с ней делать? Продашь князю Доброволу?

– Может быть.

Глеб усмехнулся недоброй усмешкой и сказал:

– Вот уж не думал, что и тебя привлечет этот «бизнес».

– Что делать, Первоход, жизнь и не такому научит.

Некоторое время Глеб пристально разглядывал парня, а потом спокойно проговорил:

– Хорошо. Ну а теперь, когда ты сделал все, чтобы защитить своего нового друга, могу я взглянуть на этого упыря?

Прошка открыл от удивления рот.

– С чего ты взял, что это упырь? – неуверенно вымолвил он. – И почему ты решил, что он – мой друг?

– С того, что этот упырь – не опаснее домашней собаки. И, должно быть, ведет себя так же преданно, как вела бы она. Он уже показал тебе, на что способен?

– О чем ты?

Глеб дернул уголком губ:

– Брось. По глазам вижу, что показал. Этот упырь умеет открывать врата, ведущие в иной мир. Я прав?

Прошка сглотнул слюну.

– Первоход... – хрипло проговорил он. – Я был там всего один раз. Просто огляделся и тут же прыгнул обратно.

Глеб помолчал, разглядывая парня, потом сказал:

– Кажется, путешествие не доставило тебе удовольствия. Могу я узнать, почему ты так побледнел?

– Потому что... Потому что я вернулся оттуда не один.

Прошка вытер рукавом рубахи потный лоб. Глеб еще несколько секунд молчал, потом вдруг резко подался вперед и спросил:

– Кого ты с собой привел, парень? Кто пришел за тобой из иного мира?

Прошка слегка отшатнулся, набрал полную грудь воздуха и выдохнул:

– Тварь! За мной пришла страшная тварь, похожая на огромную собаку!

– Ты не ошибся?

– Нет! – выкрикнул Прошка дрожащим голосом. – Это собака, Глеб! Эта гадина убила людей – прямо у меня на глазах!

Глеб выпрямился. Высокий лоб его прорезали морщины.

– Эти пятна на полу – это их кровь, верно? – спросил он.

Прошка кивнул.

– Да.

– И куда ты их дел? Где их тела?

– Я их... Я их...

Прошка не смог договорить, он опустил голову и заплакал. Глеб несколько секунд молчал, а потом процедил сквозь зубы:

– Черт, парень... Ты не должен был так с ними поступать.

Прошка поднял на Глеба взгляд и тихо пробормотал:

– У меня не было выбора, Первоход. Если бы их тела нашли в избе, меня бы обвинили в убийстве. Куда, по-твоему, я мог их деть? Закопать во дворе? Но тут даже двора нет! До оврага бы я их не донес. Мне пришлось скормить их упырю, Первоход. Пришлось, понимаешь?

– И что теперь с этим упырем? Он изменился? Или остался прежним? Что с ним, парень? Отвечай мне!

Прошка всхлипнул и вытер ладонью мокрые глаза.

– Сожрав тела, он будто бы обезумел. Стал бросаться на меня.

– Ты его покалечил?

– Немного. Я побил его палкой и запер в чулане.

Глеб немного помолчал, угрюмо поглядывая на дверь чулана, потом заговорил снова:

– Ты сказал, что тварь, которая выскочила за тобой из иного мира, похожа на собаку?

– Да. Только она гораздо больше и гораздо страшнее самой страшной и свирепой собаки.

– Почему она не тронула тебя?

– Не знаю. Должно быть, потому, что это я ее выпустил оттуда.

– Так-так. – Серебристая прядь волос упала Глебу на лицо, и он скупым жестом откинул ее назад. – Расскажи мне об этой твари, парень. Расскажи мне о ней больше.

– Она... – Прошка всхлипнул. – Она... Должно быть, ты подумаешь, что я сошел с ума, но... Но эта гадина умеет проходить через стены. Клянусь Сварогом, я сам это видел!

Лицо Глеба стало еще мрачнее и суровее.

– Плохо дело, – строго проговорил он. – Это значит, что от этой твари нигде нельзя укрыться. По городу уже пронесся слух про стаю бешеных собак, которая разрывает прохожих на куски?

– Да, – уныло кивнул Прошка.

– Сколько человек погибло?

– Больше дюжины.

Глеб уперся ладонями в столешницу и встал со скамьи.

– Мы должны убить эту тварь, – четко и спокойно сказал он. – Или загнать её обратно. Но для начала давай взглянем на твоего упыря.

5

Князь Добровол сошел с расписной, крытой парусиной телеги и в сопровождении двух рослых охоронцев двинулся к толпе, окружившей страшное место.

Сумерки по-ночному уплотнились, но благодаря десяткам пылающих факелов на улице было светло как днем. Князя Добровола нагнал советник Курнява. В отличие от Добровола, поступь которого была тверда и величественна, советник шел ссутулившись и закутавшись в плащ, хотя погода не была ветреной.

Шагая рядом с князем, Курнява своим неприятным, сипловатым голосом произнес:

– Прежде чем ты сам все увидишь, княже, хочу сказать тебе, что мои люди делают все, чтобы разобраться в этом запутанном деле и найти виновного.

Добровол не ответил. Когда он приблизился к оцеплению охоронцев, один из них гаркнул мощным, зычным голосом:

– Расступись! Пресветлый князь идет!

Воины тотчас расступились, князь Добровол, не останавливаясь, прошел за оцепление. Здесь он остановился и взглянул на то, что открылось его глазам.

Вся улица была усыпана растерзанными трупами людей. Почти у всех тел не доставало каких-то частей, у иного – руки, у другого – ноги, у третьего – головы.

Долго глядел князь Добровол на залитую кровью и усыпанную телами улицу, и рыжие отблески факелов плясали на его неподвижном, бородатом, дородном лице, придавая ему жутковатое выражение. Потом он отвернулся и спросил у подоспевшего воеводного поручика, отвечающего за порядок на улицах города.

– Кто это сделал, Лихослав?

Поручик Лихослав, коренастый, широченный в плечах, с курчавой бородой, придававшей его красному лицу диковатый вид, кашлянул в огромный кулак и ответил:

– Точно неизвестно, княже. Дознаватели сейчас как раз допрашивают свидетелей.

– И что те говорят?

– Много глупого и сумбурного. Они-де видели огромную тварь, похожую на собаку. Тварь эта, дескать, выскочила ниоткуда и принялась рвать прохожих на куски, и все это с такой быстротой, что никто не успел не то что убежать, но даже помыслить о бегстве.

Князь Добровол повернул голову и снова посмотрел на изувеченные тела.

– Сколько их тут? – угрюмо спросил он.

– Семеро, – ответил Лихослав, сдвинув кустистые брови. – Еще двоих отвезли к лекарю.

Стоявший рядом советник Курнява хотел что-то сказать, но князь остановил его небрежным жестом и снова обратился к воеводному поручику:

– Что ты об этом думаешь, Лихослав?

Поручик нахмурился, кашлянул в кулак и ответил:

– Думаю, княже, что у страха глаза велики. Где это видано, чтобы собака могла устроить такую резню? – Он покачал головой. – Нет, тут что-то другое.

– Может быть, это был волколак? – предположил советник Курнява. – Волколак вполне мог это сделать.

– Сего не может быть, – твердо заверил поручик Лихослав, обращаясь не к советнику, а к князю. – С тех пор как ты, княже, расставил вдоль межи, огораживающей Гиблое место, кордоны, ни одна темная тварь не прошмыгнула в людские селения.

– Но время от времени они пытаются это сделать, верно? – снова встрял советник Курнява.

– Верно. Но твои верные дружинники, князь...

– Сколько уже дружинников погибло в схватках с темными тварями? – перебил Добровол. – Отвечай!

– Если считать только тех, что погибли у межи, то получится... – Поручик Лихослав прикинул что-то в уме и закончил: – Не меньше четырех сотен, княже.

– И это при том, что они вооружены мушкетами, а пули их отлиты из белого железа, – мрачно проговорил Добровол. – Почему так много? Почему темные твари выкашивают ряды моих дружинников так, будто те – безоружные дети?

– Темные твари сильны и изворотливы, пресветлый князь, – глухо ответил Лихослав. – Чтобы убить хотя бы одну из них, приходится класть головы десятка дружинников.

– Глеб Первоход убивал тварей в одиночку, – холодно возразил Добровол.

Поручик отвел взгляд.

– Княже, это потому, что Первоход сам был темной тварью, – сказал он. Помолчал секунду и глухо добавил: – Надеюсь, кости этого мерзавца уже сгнили в Мории.

– Не сгнили, – сказал князь и холодно прищурился. – Первоход сбежал из узилища.
– Сбе... – Воеводный поручик выкатил на князя глаза, не поверив собственным ушам. – Сбежал? Я не ослышался, княже? Ты сказал, что Первоход сбежал из Мории?
– Сбежал, сбежал, – хмуро повторил Добровол.
– Великий князь, а что, если эта резня – его рук дело? – встрял вдруг советник Курнява. Добровол посмотрел на него, как на умалишенного.
– Что за бред лезет тебе в голову, Курнява? – неприязненно спросил он.
– По здравому разумению, не такой уж это и бред, княже, – спокойно ответил советник. – Посуди сам. Все знают, что Первоход точит на тебя зуб. Что, если теперь он пытается запугать горожан?
– И зачем это ему?
– В Хлынь-граде могут начаться беспорядки. Народ у нас буйный и глупый. Озлобить его и сбить с толку – легче легкого. Было бы только желание, а у Первохода оно наверняка есть.
Некоторое время князь Добровол размышлял над словами советника Курнявы, потом качнул головой и распорядился:
– Усилите посты. Всех, кто хотя бы отдаленно похож на Глеба Первохода, хватайте и отправляйте к дознавателям. И пусть те не жалеют огня, разогревая пыточное железо.
Советник и воеводный поручик склонили головы и хором ответили:
– Сделаем, княже.

6

В кружале «Три бурундука» было шумно в этот вечерний час.
– Не понимаю, зачем мы сюда пришли? – недовольно проговорила Лесана. – Мы ведь поели вяленого мяса и сухарей перед тем, как выйти.
Хлопуша пожал могучим плечом:
– А я и не говорю, что мы обязательно должны есть.
– Тогда что мы тут делаем?
– Да ничего. Просто осмотримся. Прикинем, что к чему. О, гляди-ка!
Хлопуша устремился к стойке с такой скоростью, что едва не сшиб Лесану с ног. На стойке стояла огромная корзинка с пирогами. Швырнув на стойку пару медных монеток, верзила запустил руку в корзинку, вынул самый большой пирог и сунул его в рот. Все это заняло лишь пару секунд, и когда Лесана поспела к стойке, Хлопуша уже его дожевывал.
– С яйцом и луком, – сообщил он. – Прекрасно!
– Первоход отправил нас искать упыря, а не набивать себе брюхо пирогами, – хмуро отчеканила Лесана.
– Никуда твой упырь не денется, – добродушно проговорил богатырь, доставая из корзинки еще один пирог. – Голод делает тебя сердитой, милая. Съешь пирожок, и сразу подобреешь!
– Хлопуша, ты ли это? – окликнул здоровяка целовальник. – Давно тебя не было видно! Все ломаешь хребты волколачихам?
– Ну, кто-то же должен щипать этих сучек за их аппетитные задницы, – отозвался Хлопуша и игриво подмигнул целовальнику.
Тот засмеялся и брякнул перед здоровяком на стойку полную кружку с шипучей брагой:
– Отведай бражки, силач!
Хлопуша сгреб со стойки кружку и поднес ее к губам.
– Нет! – сердито сказала Лесана и попыталась вырвать кружку из лапищи Хлопуши. Но тот легонько отвел ее руку в сторону и быстро, в несколько больших глотков осушил кружку до дна.
– Ух, хороша у тебя бражка, Озар! – Хлопуша грохнул о стойку пустой кружкой. –

Клянусь бараньей лопаткой, водка в твоём заведении должна быть ничуть не хуже браги!

– Угадал! – Целовальник плеснул в кружку водки. – Отведай сам.

Лесана вновь попыталась остановить Хлопушу, но опять потерпела неудачу. Выпив водку, Хлопуша икнул и пробасил:

– Давай еще!

Лесана сердито выругалась на своем наречье, но Хлопуша ее уже не слушал. Еще трижды он ставил кружку на стойку, требуя добавки, и трижды Озар с веселым видом плескал ему водки. Трижды Хлопуша запрокидывал голову и единым махом заглатывал содержимое кружки, после чего передергивал плечами, нюхал засаленный рукав кафтана и восторженно восклицал:

– Убр-р-р! Хорошо пошла, зараза!

Наконец Лесане удалось оттеснить его от стойки.

– Хлопуша... – Голос девушки дрожал от негодования. – Пока ты тут пьешь и ешь, мои соплеменники умирают! Мы пришли сюда по делу.

– Ах, да, – Хлопуша кивнул. – Мы должны порасспрашивать людей про твоего ручного упыря. Ну, это просто. – Он повернулся к ближайшему бражнику, толкнул его в плечо и спросил: – Слышь-ка! Ты не видал тут поблизости упыря?

Бражник возрился на него изумленным взглядом.

– Ясно, – хмыкнул Хлопуша. Он обвел толпу бражников, толкущихся у стойки, веселым взглядом и громогласно призвал:

– Эй, народ! Люди!

Гул голосов стал тише, десятки пар глаз уставились на Хлопушу. Тогда Хлопуша громогласно осведомился:

– Кто-нибудь из вас видел в городе упыря?

Народ снова зароптал, но на этот раз удивленно.

– А на что тебе упырь, здоровяк? – крикнул кто-то из бражников.

– Нужен, раз спрашиваю, – грубо пробасил Хлопуша. – Ну как, видел его кто-нибудь или нет?

Чья-то тяжелая рука легла Хлопуше на плечо.

– Чего расшумелся, толстяк?

Хлопуша сбросил с плеча огромную лапу охоронца, одетую в медный наруч, обернулся и прорычал:

– Как ты меня назвал?

Охоронец, такой же рослый, как Хлопуша, но сухой и жилистый, проговорил тем же высокомерным голосом:

– Ты слышал мои слова, толстяк. Хочешь, я повторю их тебе еще раз?

Лицо Хлопуши потемнело от гнева.

– Попробуй повтори, – прорычал он. – И, клянусь жареной куропаткой, я забью эти слова тебе в глотку.

Охоронец осклабил в ухмылке крепкие белые зубы, посмотрел на целовальника и небрежно осведомился:

– Озар, этот толстобрюх заплатил тебе за выпивку?

Хлопуша взревел от гнева, кулак его стремительно понесся охоронцу в челюсть. Ратнику следовало бы увернуться, но вместо этого он схватился за рукоять меча. Схватиться-то схватился, но вытянуть из ножен не успел. Кулак Хлопуши с треском врезался охоронцу в лицо и сбил его с ног.

– Подмога! – завопил тот, пытаясь подняться. – Подмога!

Четыре охоронца с обнаженными мечами и перекошенными от злобы лицами уже неслись к Хлопуше. Богатырь повернулся к ним и тоже начал вытаскивать меч, но за спиной у него вырос еще один охоронец и быстро приставил к горлу Хлопуши лезвие кинжала.

– Вложи меч в ножны, здоровяк! – резко проговорил он и слегка надавил лезвием Хлопуше на шею. – Ну!

На ключицу Хлопуше сбежала струйка крови. Он пару секунд стоял неподвижно, затем нехотя вложил меч в ножны и сказал:

– Я погорячился, ребята. Выпил лишнего. С кем не бывает?

Охоронцы окружили Хлопушу. Самый рослый из них, тот, которого Хлопуша повалил по полу, приблизился к нему почти вплотную, усмехнулся и хлестко ударил его кулаком в лицо. Потом еще раз, и еще. Голова Хлопуши слегка качнулась.

– Отлично, – сказал он примирительным голосом и даже улыбнулся разбитыми губами, хотя по потемневшим глазам здоровяка было видно, что он едва сдерживает гнев. – Ты дал мне по морде, охоронец, и теперь мы в расчете. Позволь мне уйти, и все останутся целы.

Охоронец, глядя Хлопуше в лицо холодными, безжалостными глазами, покачал головой:

– Нет, толстяк. Ты обнажил оружие против княжьих охоронцев и теперь отправишься в темницу.

– Княжьих? Да разве вы княжи?

– Неделью назад князь Добровол издал указ, по которому все охоронцы, на кого бы они ни работали, переходят под его власть и считаются княжьими.

– Леший! – выругался Хлопуша. – Я ничего не знал про этот указ!

Охоронец усмехнулся:

– Теперь знаешь. Горан, свяжи ему руки!

Один из охоронцев снял с пояса веревку и шагнул к Хлопуше. И в этот момент Лесана выступила из толпы вперед и звонко выкрикнула:

– Нет!

Все присутствующие повернули головы и уставились на нее. А Лесана уже поднесла к губам узкую ладонь и тихонько дунула на нее. Облачко перетертой в пыль сухой травы взвилось в воздух.

Лесана опустила руку и, уставившись самому рослому из охоронцев в глаза, произнесла несколько слов на своем странном, курлыкающем языке. Лица охоронцев стали растерянными, руки, сжимающие мечи, опустились вдоль тел.

– Одион! Двойчан! Талоста! – громко произнесла Лесана. – Ничего не случилось, охоронцы. Никто ни с кем не ссорился. Повторите!

– Ничего не случилось, – хором ответили охоронцы. – Никто не ссорился.

– Верно, – кивнула Лесана и повернулась к толпе бражников. – И вы тоже ничего не видели! – властно проговорила она. – Здесь не было ни меня, ни этого здоровяка. Нас здесь не было! Повторите это!

– Вас здесь не было, – раздался в ответ нестройный хор голосов.

Лесана взяла растерянного Хлопушу за руку и повела его к двери. Толпа расступалась перед ними. Хлопуша то и дело оглядывался и таранился изумленно на лица охоронцев, выглядевших так, будто они задремали на ходу.

– Шагай быстрее! – приказала ему Лесана. – Скоро они очнутся!

Хлопуша ускорил шаг, и оба они вышли на улицу.

Молча и быстро пройдя по улице, беглецы свернули в ближайший темный переулок, и там Лесана остановилась и дала волю своему гневу.

– Болван! – со злостью воскликнула она, испепеляя Хлопушу сердитым взглядом. – Ты просто болван!

– Ну, чего ты расстраиваешься? – примирительно произнес Хлопуша. – Охоронцы от нас отстали. Мы с тобой свободны, как птицы в полете.

– Я извела на охоронцев последнюю щепоть колдовской травы! – с гневом и горечью заявила Лесана. – Последнюю! Понимаешь ты это?

– Не расстраивайся, – прежним добродушным голосом проговорил здоровяк. – Доберемся до Иноземья – нарвешь своей травы. Зачем же так переживать?

– «Доберемся»... – с досадой повторила Лесана. – Думаешь, туда так легко добраться?

– Уж как-нибудь дойдешь, – заверил ее Хлопуша. – Ведь впереди буду идти я. А

впереди меня будет идти мой меч. Прорвемся, сестренка! – Здоровяк широко улыбнулся и легонько хлопнул Лесану по плечу. – Прорвемся!

7

После бурной встречи, объятий, радостных возгласов и нового знакомства Прошка снова посветлел лицом. Однако когда Глеб завел речь о «домашнем чудовище» Прошки Суховерта, парень ссутулился, опустил взгляд и тихо отступил в угол.

Глеб взглянул на Лесану и сказал:

– Мы нашли твоего упыря, травница.

– И где он теперь?

– Здесь.

Глеб нагнулся, ухватил рогожу за края и одним резким движением стянул ее. Лесана ахнула и попятилась. Хлопуша тоже слегка побледнел.

На полу лежал связанный по рукам и ногам живой мертвец, и выглядел он страшно. Глаза чудовища, устремленные на людей, пылали лютым огнем, зубы лязгали, раздирая собственные губы, из утробы доносился рык разъяренного зверя.

– Должно быть, ты ошибся, Первоход, – проговорил Хлопуша, с мрачным удивлением разглядывая упыря. – Лесана говорила, что ее упырь смирный. А этот – лютее и страшнее голодного волколака.

– Он не ошибся, – тихо сказала Лесана. – Это тот упырь, которого мы искали.

Хлопуша растерянно поскреб пятерней в затылке и пробасил недовольным голосом.

– Тогда я совсем ничего не понимаю.

– Понять это несложно, – спокойно пояснил Глеб. – Упырь был смирным, пока Прошка не скормил ему убитых людей.

Лица присутствующих вытянулись от изумления.

– К-как так убитых? – тихо пробормотал Рамон. – Кем?

Глеб не удостоил его взглядом. Он по-прежнему смотрел на травницу.

– Лесана, одна из гончих смерти прорвалась в наш мир, – сказал он. – Не знаю, что это за тварь, но она уже начала охоту.

– Как это могло случиться? – сдавленным голосом проговорила девушка.

– Парень, с которым ты познакомилась, прикормил упыря, и тот в благодарность открыл ему ворота в Иноземье.

Лесана изумленно уставилась на Прошку.

– Ты был в Иноземье? – недоверчиво спросила она.

– Всего минуту, – нехотя ответил Прошка. – Огляделся, и сразу обратно. Но эта проклятая тварь успела выскочить оттуда.

Лесана что-то коротко и яростно проговорила на своем курлыкающем языке, потом помолчала несколько секунд и сказала:

– Если оставить гончую смерти здесь, она наделает в вашем мире много бед.

– Уже наделала, – сказал Глеб. – Мы должны прикончить эту тварь. И ты здорово нам поможешь, травница, если скажешь, как ее убить.

Лицо девушки дрогнуло, а в глазах ее промелькнуло отчаяние.

– Я никогда не слышала, чтобы кто-то сумел одолеть гончую смерти, – ответила она. – Ее невозможно убить.

– Погоди... – Хлопуша нахмурился. – Ты хочешь сказать, что эту тварь нельзя прикончить?

– Не знаю. Если и можно, то я не знаю, как.

– Гм... Ну, дела. – Хлопуша поскреб пальцами затылок и взглянул на Глеба. – Первоход, если гончую смерти никому не удавалось убить, то мы...

– То мы будем первыми, у кого это получится, – холодно dokonчил Глеб. – Лесана, расскажи нам все, что ты знаешь про эту тварь.

Травница сжала кулаки и заговорила тихим, подрагивающим от гнева голосом:

– Она убила уже около двух сотен моих соплеменников. Напав на жертву, гончая смерти перегрызает ей шею, как это делают обычные собаки и волки. Но иногда эта тварь посылает впереди себя гонца.

– Гонца?

Лесана кивнула:

– Да. Гонец – это призрак умершего родственника. Он заставляет жертву открыть дверь. Гончая смерти не может войти в дом сама. Ее нужно впустить.

– И этим она сильно отличается от самой смерти, – с хмурой усмешкой заметил Глеб. – Скажи-ка, Лесана, эту тварь можно как-нибудь подманить?

– Не знаю. Может быть. – Девушка задумчиво нахмурила лоб. – Я не уверена, но... Однажды я видела, как гончая смерти, идущая по следу жертвы, едва не свернула с пути. Я поцарапала веткой руку, и ветер донес до нее запах моей крови. Я видела из кустов, как тварь остановилась и повернула голову в мою сторону. Но тут я зажала царапину пахучим листом апалуса, и тварь понеслась дальше.

Глеб выслушал травницу внимательно, а после спросил:

– И как ты это объяснишь?

– Мне кажется, я как-то связана с этими собаками, – неуверенно ответила Лесана. – Один из жрецов случайно обмолвился об этом.

– Что он сказал?

– Он обмолвился... Обмолвился, что гончие смерти появились *из-за меня*. Но тут же поправился, сказал, что они появились *из-за всех нас*. Из-за того, что мы *неправильно себя вели*.

– Жрецы Нуарана не оговариваются просто так, – сказал Глеб. – Не знаю, что тебя связывает с гончими смерти, однако... – Глеб прищурил холодные глаза. – Однако мы можем попробовать.

Тут Рамон, молчавший все это время, выступил вперед и удивленно спросил:

– Первоход, ты хочешь, чтобы Лесана стала приманкой? Но это опасно. Что, если мы не сможем остановить пса, и он разорвет травницу?

Темные брови Глеба сошлись на переносице.

– Что ты предлагаешь, толмач?

Рамон перевел взгляд на девушку.

– Я предлагаю спросить ее, – ответил он. – Пусть она сама скажет.

Лесана улыбнулась и мягко проговорила:

– Благодарю тебя, благородный Рамон. Но свой выбор я уже сделала. Если есть хоть одна возможность расправиться с тварью, мы должны ее использовать.

– Но...

– Ты услышал ее мнение, – перебил Глеб. – Она согласилась стать приманкой. А значит – быть по сему.

* * *

Вечер выдался безветренный и тихий. В небе полно звезд. Глеб стоял перед домом, глядя на эти звезды и покуривая бутовую сигарету, которую достал для него Прошка. На душе у него было тревожно. Главным образом из-за того, что он все еще не чувствовал в себе прежних сил. Да и не должен был чувствовать. Процесс восстановления будет долгим и трудным. Если, конечно, гончая смерти не прикончит его раньше.

Услышав за спиной легкие шаги, Глеб обернулся.

– Я тебе не помешаю? – спросила Лесана.

Глеб стряхнул с сигареты пепел и пожал плечами.

– Да нет.

Лесана встала рядом и тоже посмотрела на звезды.

– Красивые, – сказала она. – В моем мире небо совсем другое.
Глеб затянулся сигаретой и выдохнул вместе с дымом:
– На нем нет звезд?
– Есть. Но они... другие. Не такие яркие. Наше небо никогда не бывает таким темным, как ваше.
– Какого же оно у вас цвета? – спросил Глеб.
Лесана задумалась, потом пожала плечами и ответила:
– Трудно сказать... Наверно, багровое. Звезды проступают на нем только перед самым рассветом и светят тускло, будто через пелену.
– Это плохо, – сказал Глеб. – Звезды – это самое красивое, что я видел в этом мире.
Помолчав немного, он покосился на Лесану и сказал:
– Я вот все думаю: быть может, Рамон прав?
– О чем ты? – не поняла Лесана.
– О том, что мы не должны рисковать твоей жизнью. Мы будем рядом, но кто знает – удастся ли нам удержать эту тварь?
Лесана улыбнулась.
– Все в порядке, Первоход. Это мой собственный выбор.
Они еще немного помолчали, глядя друг на друга. Наконец, Глеб сказал:
– Ты очень храбрая, Лесана. Когда я смотрю на тебя, я вспоминаю другую девушку.
Он хотел отвернуться, но в этот миг тонкие пальцы Лесаны нашли в темноте его руку и крепко ее пожали.
– Первоход, я хочу тебе признаться, – проговорила девушка, и Глебу послышалось в ее голосе волнение.
– Признаться?
– Да. Я не знаю, что со мной творится. Я... я почти не знаю тебя. Но звук твоего голоса все больше волнует меня. А когда ты смотришь на меня, все во мне замирает. – Лесана сделала паузу, а потом вдруг спросила с обезоруживающей простотой: – Как думаешь, это любовь?
Глеб смутился.
– Я не знаю, – ответил он.
Лесана задумчиво посмотрела на звезды, улыбнулась своим мыслям.
– Я никогда не испытывала такого прежде, Первоход. Но мне кажется, что я тебя люблю. Это очень похоже на то, что рассказывала мне бабушка. А уж она-то знала толк в любви.
Глеб молчал, не зная, что сказать в ответ. Он был растерян. Тогда Лесана заговорила снова:
– Я не хотела тебя смутить, Первоход. Я просто хотела, чтобы ты это знал.
Некоторое время Глеб вглядывался в мерцающие глаза Лесаны, потом поднял руки, осторожно обхватил щеки девушки ладонями, наклонился и нежно поцеловал ее в губы.
Когда он отпрянул, Лесана прикрыла глаза и вновь потянулась к нему своими губами. И Глеб поцеловал ее снова, на этот раз крепче и проникновеннее, чем в первый.
Лесана вдруг негромко засмеялась. Потом отпрянула, провела узкой ладонью по длинным, серебристым волосам Глеба.
– Твои волосы совсем белы, Первоход. Мне это нравится, но... мне жаль, что я не видела тебя прежним. Не видела и даже не представляю. Это как тайна, которую знают другие, но которая навсегда останется для меня непостижимой.
Глеб улыбнулся.
– Поверь, ты немного потеряла.
– Я потеряла тебя, прежнего. Того, кого никогда не знала и никогда уже не узнаю.
Тонкие руки Лесаны обвили шею Глеба. Она легонько поцеловала его в губы и прошептала:
– У меня никогда прежде не было мужчины. Я хочу узнать, как это бывает. Наверное,

другой возможности у нас уже не будет.

Глеб снова смутился. Три года, проведенные в темнице, избавили его от самоуверенности.

– Ты так решила? – спросил он.

Лесана кивнула:

– Да.

– Что ж... Тогда... – Глеб перестал себя сдерживать, обнял девушку и крепко прижал ее к себе. – Тогда я научу тебя всему, что умею сам. Вернее... – По губам Глеба скользнула улыбка, – всему, что еще помню.

8

Глеб, Хлопуша, Рамон и Прошка стояли возле стола в полном вооружении. Лица их были суровы, губы – плотно сжаты. Лесана, напротив, была спокойна и, вопреки обыкновению, доброжелательна. Она то и дело бросала быстрые взгляды на Глеба и незаметно улыбалась. Словно теперь у них была одна общая тайна на двоих.

Глебу, однако, было не до этих «гляденок». После того что произошло у них с Лесаной, он не мог относиться к ней как к чужому человеку и клял себя за это. Он заставлял себя быть спокойным и хладнокровным, но не мог. Сердце его было переполнено любовью, а душу терзало ощущение вины. Должно быть, так же чувствовал себя библейский старец Авраам, ведя на заклание своего любимого сына Исаака.

Расхаживая перед вооруженными друзьями, Глеб наставлял их, объяснял, что нужно делать. Те внимательно слушали и кивали. Улучив момент, Лесана взяла Глеба за руку, пожала ее и прошептала:

– Не волнуйся, Первоход. Все будет хорошо.

– Да, – ответил Глеб и тоже выдавил из себя улыбку. – Я на это надеюсь.

Наконец, Глеб закончил наставления. Достав из-за пояса кинжал, он повернулся к Лесане. Прищурил холодные темные глаза и уточнил:

– Ты готова?

Она посмотрела Глебу в глаза своими огромными серыми глазищами и кивнула:

– Да, Первоход.

Глеб отвел взгляд и быстро провел острым лезвием по смуглому предплечью Лесаны. Из разреза выступила кровь. Несколько секунд все молчали.

– Ну? – нетерпеливо спросил Хлопуша. – Ты что-нибудь чувствуешь?

– Я чувствую... холод, – ответила Лесана и поежилась.

В тот же миг и все остальные почувствовали мертвенный холод, исходящий от стен избы, и тоже передернули плечами.

– Она идет, – тем же тихим, будто неживым голосом проговорила Лесана. – Гончая уже идет. Она взяла мой след.

Глеб встал между Лесаной и дверью. Ворот его шитого золотом терлика был расстегнут, серебристые волосы зачесаны назад и перехвачены лентой. Он нервным движением поправил на перевязи меч. Потом проверил, на месте ли чехол с ножом, укрепленный на правой ноге пониже бедра.

«Зря мы все это, – мрачно подумал Глеб. – Нашли жертвенного барашка. Пора заканчивать этот спектакль!»

Он повернулся, намереваясь шагнуть к Лесане и перевязать ее рану, и в этот миг огромная черная тень выскочила из стены, перемахнула через Хлопушу, Рамона и Прошку и бросилась к девушке.

Глеб опередил чудовище всего на одно мгновение. Он оттолкнул Лесану в сторону, а сам прыгнул на пол и увернулся от клыкастой морды собаки, но лицо его обдало таким лютым холодом, что усы и борода моментально покрылись изморосью.

Гончая достигла противоположной стены и исчезла, а Глеб вскочил на ноги.

– Где она? – севшим от волнения голосом спросил Прошка, и голос его в наступившей тишине прозвучал зловеще. – Куда подевалась эта тварь?

– Прошла сквозь стену, – сказал Глеб, крепко сжимая в руке меч и оглядывая бревенчатые стены.

– Она ушла?

– Гончая смерти никогда не оставляет намеченную жертву, – хрипло проговорила Лесана. – Она вернется за мной.

Подойдя к Глебу, Лесана тоже достала меч. Около минуты все пятеро, встав друг к другу спинами и образовав полукруг, внимательно смотрели на стены, ожидая нового нападения чудовища.

И тут черная тварь выскочила, но не из стены, а из потолка. На пути у нее стояли Рамон и Хлопуша. Отшвырнув в сторону толмача, тварь сбила с ног Хлопушу, быстро подмяла его под себя и попыталась вцепиться здоровяку в горло. И это бы ей удалось, если бы Глеб не сунул твари в пасть свой меч.

Острые зубы чудовища проскрежетали по клинку, оставляя на нем глубокие царапины. В этот миг Рамон вскочил на ноги и, сжимая в руках два обоюдоострых кинжала, прыгнул гончей на спину. Клинки его кинжалов сверкнули в свете факела и вонзились чудовищу в шею. Два клубка черного дыма вырвались из шеи твари, подобно двум фонтанам крови.

Одним движением гончая сбросила с себя Рамона, сшибла с ног выскочившего перед ней Прошку и устремилась к Лесане. Однако на этот раз на пути у нее снова вырос Глеб. Дважды махнув мечом, он рассек чудовищу грудь, но струя черного дыма, вырвавшаяся из рассеченной груди, ударила Глебу в лицо, на мгновение ослепила его и заставила закашляться.

Гончая вновь устремилась на Лсану, но Глеб судорожным движением ухватил ее за хвост левой рукой и резко рванул на себя. Тут подоспели Хлопуша и Прошка. Два меча одновременно вонзились в правый бок чудовища, а клинок Лесаны разрубил адскому зверю морду.

Чудовище завертелось вокруг своей оси подобно черному смерчу, разбрасывая вокруг дым. Клочки черной плоти, срезанной мечами, завертелись вокруг этого смерча и стали с ним одним целым.

Отброшенная резким потоком воздуха, Лесана отлетела к стене, ударилась об нее затылком и потеряла сознание, а мужчины закашлялись и стали тереть пальцами слезящиеся глаза. Отравленные черным дымом, они не заметили, как гончая вновь бросилась на Лсану и что раны, оставленные на ее черной шкуре мечами и кинжалами, уже затянулись.

Первым опомнился Глеб. Раскрыв слезящиеся от дыма глаза, он увидел перед собой черную тень и, не раздумывая, бросился на нее. Меч Глеба со свистом рассек воздух. Гончая извернулась и ударом огромной лапы вышибла меч из пальцев Глеба, а затем подмяла его под себя и попыталась вцепиться ему зубами в лицо. Но в руке Глеба уже был нож, который он выхватил из чехла, прикрепленного к ноге.

Уворачиваясь от лязгающих клыков гончей, Глеб три раза ударил ее кинжалом в морду и в шею, а на четвертом тварь схватила за клинок зубами, вырвала его и отшвырнула в сторону.

Глеб понял, что ему конец, и в этот миг кто-то появился за спиной у чудовища. В свете факела блеснул клинок меча, и тварь взвыла от боли.

На этот раз Хлопуша, Рамон, Прошка и присоединившийся к ним Глеб навалились на гончую сообща и рубили и резали тварь до тех пор, пока она не превратилась в груды черных ошметков, похожих на трухлявую ветошь. А когда у друзей не осталось сил, Глеб сорвал со стены факел и швырнул его на темную, исходящую черным ядовитым дымом груды.

Пламя ярко вспыхнуло, и изрубленное тело твари зашипело и засвистело под языками огня, изрыгая черные облака смрадного дыма.

Лесана сидела на лавке с бледным, как полотно, лицом и смотрела расширившимися от ужаса глазами на огромное черное пятно сажу на полу. Глеб подошел к девушке, положил ей руку на плечо и ласково спросил:

– Ты в порядке?

– Да... – негромко отозвалась Лесана. Помолчала пару секунд и добавила: – Эта тварь еще страшнее, чем я думала.

– Rogso сапе... – шепнул Рамон, тоже глядя на пятно. – Проклятая собака. – Он вяло перекрестился ослабшей рукой и пробормотал: – Благодарю тебя, Господи, за то, что помог нам расправиться с адской тварью.

– Ты скверно выглядишь, толмач, – сказал ему Глеб. – Думаю, тебе нужно прилечь и хорошенько отдохнуть.

Рамон и впрямь выглядел сильно ослабевшим. Схватка с гончей Велеса отняла у него последние силы. Однако выказывать свою слабость толмач не собирался.

– Я чувствую себя не так плохо, как выгляжу, – пробормотал он и попытался улыбнуться обескровленными губами.

– Ему сейчас нужен не отдых, а хороший кусок жареного мяса, – пробасил Хлопуша. – Да и бражка не помешала бы. Хорошая бражка кого угодно поставит на ноги.

– Или свалит под лавку, – хмуро проронил Глеб.

Здоровяк глянул на Глеба, усмехнулся, потом кивнул на то, что осталось от гончей, и спросил:

– Что скажешь об этой твари, Первоход?

– Скажу, что она намного сильнее волколака, – отозвался Глеб.

– Но мы сумели ее убить, – подал голос Рамон.

– Сумели, – согласился Глеб. – Ценой огромных усилий. Раны на шкуре этого чудовища затягивались прямо у нас на глазах. Хотя каждая из этих ран была смертельна. А если верить тому, что говорит Лесана, в Иноземье этих тварей – целая стая. Перебить их будет сложно. Я бы даже сказал – нереально.

Некоторое время все молчали, хмуро глядя на черное пятно. Первой молчание нарушила Лесана.

– Жрецы верят, что ты можешь нас спасти, Первоход. Иначе они не послали бы меня за тобой.

– Жрецы умеют убеждать, – с холодным скепсисом изрек Глеб. – Но я бы на твоём месте не верил всему, что они говорят. Мория здорово подорвала мои силы. На Рамона вообще страшно смотреть. У Прошки сломано ребро, а Хлопуша расшиб колено.

– Обо мне не беспокойтесь, – сказал, прерывая долгое молчание, Прошка. – Мое ребро меня почти не тревожит.

– А я стяну колено тряпицей, – подал голос Хлопуша. – Прежде это мне помогало.

Глеб посмотрел на друзей удивленно.

– Вы в самом деле готовы выступить против стаи этих чудовищ?

– А разве у нас есть выбор? – ответил за всех Рамон.

– Первоход, благодаря тебе нам удавалось выпутаться и не из таких переделок, – поддержал толмача Хлопуша. – Пока ты был рядом, я никогда не сомневался в победе.

Некоторое время Глеб задумчиво морщил лоб, потом недовольно вздохнул и сказал:

– Ладно. До утра отдохнем, а на рассвете займемся нашим упырем. Если честно, мне не терпится взглянуть на сияющие врата. Ну а там... будь что будет.

– Верное решение! – пробасил Хлопуша. – Но перед тем, как завалиться на боковую, предлагаю поужинать. Клянусь жареным гусем, у меня уже два часа урчит в желудке. Кто-нибудь возражает?

Возражающих не нашлось, и Хлопуша потянулся к сумке с сухарями и остатками вяленого мяса.

Ночь прошла без приключений. С первыми лучами солнца Лесана подняла мужчин. Она выглядела возбужденной, беспрестанно хмурила брови, говорила отрывисто и явно скрывала волнение. Видно было, что она страстно хочет отправиться в свое Иноземье и в то же время сильно этого боится.

Позавтракали сухарями с водой. Говорить никому особо не хотелось. Хлопуша то и дело поглаживал разбитое колено. Прошка морщился при каждом резком движении. Рамон был бледен и по-прежнему выглядел изможденным – ночь не восстановила его силы. Глеб внешне был спокоен, но Лесана, время от времени внимательно вглядывавшаяся в его лицо, понимала, что славному ходоку тоже не по себе.

Улучив момент, Лесана шепнула Глебу на ухо:

– У нас все получится, Первоход. Ты – самый сильный и ловкий из всех мужчин, каких я только видела.

Она хотела быстро поцеловать его в губы, но покосилась на Прошку и Рамона и передумала. Глеб же смотрел на травницу с затаенной тоской. Он чувствовал, что сегодня для них все закончится. И что эта славная девушка, сумевшая разбередить его душу, исчезнет из его жизни, оставшись в памяти светлым и грустным воспоминанием.

Упырь, которого Прошка и Глеб выволокли из чулана, выглядел не таким свирепым, как вчера. Было видно, что он сильно ослабел без еды.

– Накормить бы его для начала, – неуверенно проговорил Прошка, покосившись на Глеба и Лесану.

Но те пропустили его слова мимо ушей.

– Думаю, пора посмотреть, на что он способен, – сказал Глеб. – Лесана, действуй.

Девушка выдвинулась вперед, пристально посмотрела упырю в глаза, а затем положила руки ему на плечи и заговорила с ним на воркующем языке. Упырь зарычал и, дернув головой, попытался схватить Лесану зубами за руку, однако веревка не позволила ему этого сделать. Еще около минуты травница бормотала заклинания, а потом остановилась, посмотрела на Глеба и с отчаянием в голосе заявила:

– Ничего не получается, Первоход. Он стал слишком свирепым, и я не знаю, как это исправить.

– Дать ему по шее – сразу станет шелковым! – угрюмо пробасил Хлопуша.

Лесана покачала головой:

– Это не поможет. Он должен захотеть сам. Это *его* дар.

– Дар, дар, – проворчал Хлопуша. – Он ведь упырь. Живой мертвец. Боги не одаривают мертвецов.

– И все же он умеет делать то, чего мы не умеем, – сказал Рамон, лежа на топчане и тяжело и шумно дыша.

Несколько секунд все молчали. Потом Прошка Суховерт угрюмо проговорил:

– Это я виноват. Я впустил в наш мир гончую смерти. И я накормил упыря теплым человеческим мясом.

Глеб знаком оборвал его излияния и в упор посмотрел на Лесану.

– Есть ли еще какой-нибудь способ? – спросил он.

По лицу травницы пробежала тень, она разомкнула губы и негромко ответила:

– Способ есть. Но для того, чтобы он сработал, нужна бурая пыль.

– Пыль? – Хлопуша хмыкнул. – Где ж мы ее достанем, бурую пыль? Нынче каждая щепоть пыли стоит равную меру золота. А, насколько я знаю, среди нас с вами богачей нет.

– Богачей нет, – согласился Глеб. – Но бурая пыль есть. Ведь так, Прохор?

Ворёнок поежился под пристальным взглядом Глеба.

– Как ты узнал, Первоход? – спросил он.

– Когда я пришел к тебе, ты слишком поспешно спрятал кузовок с пылью и просыпал немного на стол.

Хлопуша смотрел на Прошку удивленным и подозрительным взглядом.

– Парень, у тебя в самом деле есть бурая пыль? – недоверчиво поинтересовался он.

Ворёнок кивнул.

– Есть.

– Стало быть, ты у нас богач?

– До сих пор был. – Прошка поднял взгляд на Глеба. – Первоход, я хотел такой же спокойной жизни, как та, что была у тебя, – тихо сказал он. – Дом на берегу Эльсинского озера. Сад, огород... И чтобы больше никаких темных тварей. Никаких подзатыльников и унижений.

– Мечта хорошая, – одобрил Глеб. – Возможно, когда-нибудь она и осуществится. А пока – доставай свой кузовок.

Прошка встал с лавки и, понутив голову, двинулся в угол комнаты. Там он отколупнул от стены дощечку, сунул в дыру пальцы, немного пошарил, а потом достал крохотный березовый кузовок.

Вернулся к столу и протянул его Глебу. Тот взял, открыл, понюхал и удовлетворенно кивнул.

– То, что нужно. Что теперь, Лесана?

Травница сдвинула брови и сурово ответила:

– Нужно заставить упыря съесть горстку бурой пыли.

– Ну, это запросто! – сказал вдруг Хлопуша. Шагнув к упырю, здоровяк быстро схватил урода за волосы и оттянул ему голову назад, а другой рукой зачерпнул из кузовка жменьку бурой пыли и швырнул ее упырю в раскрытый рот. Затем основанием ладони захлопнул мертвецу пасть и прижал нижнюю челюсть к верхней.

– Жри, гад! – грозно пророкотал он. – Глотай!

Кадык на шее упыря судорожно дернулся. Затем голова его поникла, а глаза закатились под верхние веки. Хлопуша повернулся к Лесане.

– Клянусь куриными потрохами, он проглотил бурую пыль! Что дальше, травница?

Лесана протянула руку к живому мертвецу, коснулась легонько пальцами его лба и громко проговорила:

– Алиор куно пеленоро!

Упырь вздрогнул и открыл глаза. Однако смотрел он не на Лесану, а куда-то мимо нее. Глеб проследил за взглядом упыря и слегка побледнел. Прямо в центре горницы появилось небольшое голубоватое облачко, похожее на размытый клубок табачного дыма. Облако стало стремительно сгущаться и разрастаться.

За спиной у Глеба тихонько ахнул Хлопуша. Лесана поднялась с лавки и шагнула к облаку. Оно уже было размером с человека и приобрело странную плоскую форму, став похожим на большое овальное зеркало или окно с серебристо-голубым стеклом.

Глеб сглотнул слюну и хрипло спросил:

– Это и есть врата в Иноземье?

– Да, – ответила Лесана.

– Долго ли они будут открыты?

– Не знаю. Думаю, не больше получаса.

Хлопуша, скрипнув отодвигаемой лавкой, выбрался из-за стола, подошел к Глебу и Лесане, остановился рядом и спросил:

– Кто войдет первым?

Ответить ни Лесана, ни Глеб не успели. Прошка вдруг вскочил с лавки и, отпихнув в сторону Глеба, ринулся к сияющему облаку. В два прыжка достиг он облака и хотел нырнуть в него, как в распахнутое окно, но неведомая сила отшвырнула его, и Прошка, больно ударившись об стену, рухнул на пол. Все это заняло всего одну секунду.

Хлопуша ринулся к Прошке и хотел его поднять, но парень оттолкнул здоровяка и крикнул с горечью в голосе:

– Оно меня не впустило!

Лесана усмехнулась недоброй усмешкой и холодным голосом пояснила:

– Врата испорчены! Ты испортил их в тот миг, когда накормил упыря мертвой человеческой плотью!

Глеб откинул с лица серебристую прядь волос и хмуро спросил:

– Значит, теперь мы не сможем туда войти?

Травница повернулась к Глебу и пристально посмотрела ему в глаза.

– Не смогут только люди, – сказала она.

Пару секунд Первоход молчал, и на лице его застыло удивленное и угрюмое выражение. Потом он качнул головой, отвел взгляд от Лесаны и неторопливо подошел к серебристо-голубому облаку, которое при его приближении еще больше сгустилось. Там Глеб остановился, секунду помедлил, а потом шагнул в светящееся облако и исчез из вида.

– Он вошел! – изумленно и радостно крикнул Хлопуша. – Рамон, Прощка, вы видели? Облако пустило Первохода!

– Да, – тихо отозвался со своего топчана Рамон. – Но не знаю, должен ли ты этому радоваться.

Хлопуша хотел что-то ответить, но вдруг изменился в лице.

– погоди... Лесана сказала, что людям туда путь заказан. Выходит, Глеб Первоход... не человек? Лесана, отвечай! Глеб – не человек?

– Я знаю лишь то, что он не такой, как вы, – ответила травница, пристально глядя на облако. – Прощайте. И не поминайте нас лихом.

Не успел Хлопуша ничего ответить, как Лесана быстро шагнула к облаку и исчезла из вида, поглощенная его мертвенным, холодным светом.

10

– Вот это да! – воскликнул Глеб, оглядываясь по сторонам. – Действительно, другое измерение, дьявол его подери! Никогда не думал, что бредни фантастов окажутся правдой!

Глеб стоял посреди большой поляны, буйно заросшей травой. Трава была удивительная – синяя, со сверкающими, как искорки, прожилками. Но еще удивительнее были цветы. Желтые и рыжие, они полыхали, словно огонь. Казалось даже, что воздух над ними подрагивает от жара.

Над цветами порхали невиданные насекомые – крылья их сверкали так же ярко, как цветы, и Глебу стоило больших усилий отвести взгляд от этого удивительного искрящегося танца.

– Ну, как? – услышал он за спиной голос Лесаны. – Нравится?

Девушка встала рядом с Глебом и взяла его за руку.

– Нравится, – ответил он. – Но слишком похоже на сон.

Глеб взглянул на лиловую стену леса, начинающегося сразу за поляной. По листве пробежал порыв ветра, и деревья вспыхнули серебристым огнем.

– Чёрт бы меня побрал, – прошептал он, завороченно глядя на это зрелище. – Никогда не видел ничего красивее.

Лесана тихо засмеялась.

– Я рада, что тебе понравился мой мир, Первоход. Если бы не гончие смерти, я бы сказала, что Иноземье ничем не отличается от вашего блаженного Уграя.

– В этом я не сомневаюсь, – отозвался Глеб. – Но почему здесь нет твоих соплеменников? Я думал, нас будут ждать.

– Наш город расположен в пятнадцати верстах отсюда. Он стоит прямо посреди леса, и его охраняют сто самых метких лучников.

Глеб снова оглядел сверкающий, переливающийся серебром мир Иноземья. Легкий теплый ветер ворошил его седые волосы. Сверкающие насекомые носились над цветами, и аромат, исходящий от этих цветов, был тоньше и изысканнее аромата самых дорогих духов.

– От кого же вы защищаетесь? – спросил Глеб. – У вас есть враги?

Лесана стиснула пальцы Глеба и ответила:

– Лес, который ты видишь, прекрасен, но в нем водятся дикие звери. Большинство из них смирные, но порою... Порою из леса выходят настоящие чудовища. Они пытаются войти в город, но наши стрелки убивают их прежде, чем они достигнут городской стены.

Глеб усмехнулся:

– Вот тебе и «блаженный Уграй».

– Эти чудовища – не порождения нашего мира, – пояснила Лесана. – Они приходят к нам из мрачного царства Нави. И случается это очень редко. Если открываются врата в царство мертвых, наши жрецы тут же запечатывают их заклатьем. И тогда чудовищам приходится искать новые лазейки. До появления гончих смерти мы не испытывали от этого особых неудобств.

– Ложка дегтя в бочке меда, – задумчиво изрек Глеб. – Что ж, без нее никогда и нигде не обходится. Но давай вернемся к нашему делу. Ты хотела, чтобы я пришел в Иноземье, и я сделал это. Что теперь, Лесана? Что мне делать дальше?

– Я... не знаю. Я хотела отвести тебя к жрецам, Глеб. Но сейчас эта мысль не кажется мне правильной.

По листве деревьев снова пробежал резкий порыв ветра, но сейчас, наряду с серебристыми искорками, пронзившими листву, Глеб заметил еще кое-что. Кое-что такое, что заставило его напрячься и зорко взглянуть в лиловую стену леса.

– Что? – быстро спросила травница, заметив, как изменилось лицо Первохода. – Ты что-то почуял, Глеб?

– Мне показалось, что я увидел большую тень, – тихо ответил Глеб. – Тень, похожую на черный дым.

Глеб осторожно втянул ноздрями воздух. Лицо его еще больше посуровело, а на высоком бледном лбу его резко обозначились морщины.

– Они идут, Лесана, – проговорил он еще напряженной, чем прежде. – Я чувствую запах гари.

– Да, – тихо отозвалась девушка. – Я тоже. – Лесана облизнула пересохшие губы и добавила дрогнувшим голосом: – Гончие смерти идут сюда. – Она еще крепче сжала пальцы Глеба и вдруг хрипло и взволнованно сказала: – Врата – у нас за спиной! Мы еще можем вернуться в твой мир, Первоход!

Глеб усмехнулся и медленно покачал головой.

– Ну уж нет. Несколько лет назад я едва не уничтожил твоё племя. Не скажу, чтобы я сильно об этом сожалел, но...

Он не договорил и положил руку на крест меча.

– Ты готов умереть за нас? – удивленно спросила Лесана.

– Не знаю, как насчет твоего племени, но ты мне точно безразлична. – Глеб прищурил темные, недобрые глаза. – Кроме того, я давно готов к смерти. С того самого дня, когда впервые попал в Гиблое место.

Черные тени теперь были явственно видны. Они то и дело проносились по лиловой стене деревьев, и когда это происходило, деревья вздрагивали своими раскидистыми ветвями и будто слегка съеживались.

Лесана нахмурилась и с горечью произнесла:

– Мне жаль, что я не смогу применить колдовство, Глеб. На гончих смерти мои чары не действуют.

– Тогда нам придется положиться на мои, – ответил Глеб и крепко сжал пальцами рукоять заговоренного меча.

Гончие смерти появились неожиданно. Только что перед глазами у Глеба и Лесаны была лишь лиловая полоса леса, и вот уже огромные черные псы несутся по поляне им навстречу. Пять... Десять... Пятнадцать... все новые и новые твари выскакивали из леса, пополняя огромную стаю.

– Их больше, чем я думал, – сказал Глеб.

– Да, – тревожно отозвалась Лесана. – Что, если жрецы ошиблись на твой счет? Что, если ты с ними не совладаешь?

Глеб, не ответив, с лязгом вытянул из ножен меч-всеруб. Лесана тоже вынула свой короткий меч. Ходок и травница встали плечом к плечу, глядя на армаду приближающихся тварей. Клинки их мечей отбрасывали голубые отблески, а лица были бледны и суровы.

Первая гончая взмыла над травой. Глеб быстро шагнул вперед, заслоняя собой Лесану, и молниеносным ударом меча рассек чудовищу брюхо.

Клубы черного, зловонного дыма, вырвавшись из распоротого живота зверя, окутали все кругом. А потом все завертелось и закружилось. Глеб прыгал в клубах дыма, словно демон в адской кухне, разя мечом тварей и уворачиваясь от их острых клыков и когтей. Его клинок то и дело вспыхивал в черном мареве голубым пламенем, как луч света в крошечной тьме.

Глеб не видел Лесану, но каким-то шестым чувством все время ощущал ее присутствие и знал, где она находится, а потому успевал расправиться со свирепыми тварями за мгновение до того, как их зубы настигали Лесану.

Несколько раз травница падала на землю, и Глеб, схватив девушку за рукав куртки, рывком поднимал ее на ноги и продолжал битву.

А потом случилась беда. Все произошло, как в замедленном фильме: огромная черная лапа сбила Глеба с ног, и сразу две пасти, утыканные зубами, вынырнули из тьмы и, вцепившись Глебу в плечи, дернули его в разные стороны. Кости Глеба затрещали, левая ключица хрустнула, как сухая ветка, а из ран брызнула кровь.

Глеб попытался вырваться, но тут третья гончая прыгнула ему на грудь, и Первоход увидел перед собой два красных, пылающих злобой глаза.

– Дьявол... – прохрипел Глеб и увидел, как раскрытая пасть чудовища стремительно несется к его горлу.

– Нет! – крикнула рядом Лесана.

Перед глазами у Глеба голубой молнией сверкнул меч травницы, и гончая смерти слетела с его груди, клацая развороченными зубами.

– Прочь! – оглушительно закричала Лесана и несколько раз махнула мечом, отгоняя от Глеба чудовищ. – Оставьте его! Я вас больше не боюсь!

Глеб успел увидеть, как Лесана ринулась прямо в центр адской своры и утонула в клубах черного дыма. А потом глаза его заволокло пеленой, он потерял сознание.

11

– Очнись! Открой глаза и встань, Первоход!

Глеб открыл глаза. То, что он увидел, выглядело настолько нереально, что сначала Глеб подумал, что спит. Однако прошло несколько секунд, и он окончательно пришел в себя. Мозг его заработал четко и ясно, и вместе с этим пришло осознание того, что все, что он сейчас видит, – реальность.

Прямо перед Глебом лежала на траве Лесана. Над ней стоял высокий человек, закутанный в черную хламиду. Лицо его было скрыто под черным наголовником. Вокруг Глеба, Лесаны и черной фигуры полыхала стена голубого огня, отрезавшая их от всего остального мира.

Глеб поднял с травы меч и встал на ноги. Потом нахмурился и неприязненно посмотрел на незнакомца. Верхняя часть его лица находилась под наголовником, и Глебу был виден только узкий и белый, словно выточенный из мрамора, подбородок.

– Здравствуй, ходок! – проговорил незнакомец из-под капюшона, и Глеб поразился тому, каким густым и глубоким был у него голос.

– Здравствуй и ты, жрец Нуарана, – отозвался Глеб. Он шагнул к Лесане, но жрец холодно изрек:

– Ты не должен ее трогать, ходок. До тех пор, пока мы не закончим наш разговор.

Глеб остановился, взгляделся в запрокинутое лицо травницы и спросил:

– Она жива?

– Да, – последовал ответ. – С ней все будет в порядке.

Глеб поднял взгляд на жреца.

– До сих пор я никогда не видел жрецов Нуарана по отдельности, – сказал он. – Только всех вместе. И я никогда не видел жрецов Нуарана безоружными.

– Оружие мне ни к чему, – спокойно проговорил жрец, и от голоса его – неправдоподобно ровного и гулкого, Глебу стало не по себе. – Ты пришел спасти нас от уничтожения, ходок. Ты – наш друг.

Жрец вынул кисти рук из широких рукавов черной хламиды и поднял их к голове. Руки эти были неестественно белые, перевитые голубоватыми жилками. Взявшись за края капюшона, жрец медленно снял его с головы.

Глеб впервые видел лицо жреца Нуарана открытым. И лицо это было гораздо больше похоже на человеческое, чем он ожидал. Череп жреца был абсолютно лысым и мертвенно-бледным. Глаза были черными, лишенными белков. Губы – такие же белые, как и кожа.

Что-то в этом жутковатом лице, похожем на мраморную маску, показалось Глебу знакомым.

– Мы виделись раньше? – неуверенно спросил он.

По белым губам жреца скользнула тень усмешки.

– Неужели ты не узнал меня, ходок? – проговорил он своим ровным, гулким голосом. – Я Ростих. Мальчик, которого ты отдал жрецам несколько лет тому назад.

– Вот оно что! – выдохнул Глеб. И кивнул: – Да, теперь я вижу. Ты тот самый мальчишка, который явился сюда из далекого будущего, заблудившись во времени. Но ты сильно изменился, Ростих.

– Да, – гулко проговорил жрец. – Я изменился. – Он немного помолчал, разглядывая Глеба черными, бесстрастными глазами, а потом продолжил: – Я пришел, чтобы объяснить тебе скрытый смысл всего, что тут произошло.

– Это было бы неплохо, Ростих. Честно говоря, я уже распрощался с жизнью, но проклятые гончие испарились так же внезапно, как появились.

– И что ты об этом думаешь?

Глеб взглянул на лежащую у его ног девушку.

– Я думаю, что Лесана применила какое-то мощное колдовство. У вас, нелюдей, это в порядке вещей.

– Твое предположение верно лишь в одном: гончих смерти уничтожила Лесана, – гулко прогудел жрец.

Глеб нахмурился.

– Зачем же тогда понадобился я? К чему было городить огород, если травница с самого начала могла их убить?

Некоторое время жрец молчал, разглядывая Первохода таким взглядом, словно пытался определить для себя – стоит ли открывать ходоку правду? Поймет ли он? Наконец, он заговорил снова:

– Никакого царства Велеса и никаких гончих смерти не существовало, Глеб. Не существовало до тех пор, пока Лесана не создала их в своем воображении. Это её *дар*. В детстве бабушка много рассказывала ей про страшного владыку Преисподней и про его вечно голодных псов, которые хватают души умерших и уносят их в Навь. Когда Лесане было пять лет, она заблудилась в лесу и набрела на стаю волков. Подоспевшие воины отогнали хищников, но страх уже поселился в душе девочки, он стал медленно разъедать эту незрелую душу. Однажды, найдя свою бабушку мертвой, Лесана испугалась. В тот миг в ней и открылся этот странный дар – оживлять свои фантазии и делать их частью реальности. Гончие смерти, которые до сих пор существовали лишь в ее воображении, стали настоящими.

Слушая ровный, гулкий, монотонный голос жреца, Глеб задумчиво разглядывал Лесану. Грудь ее мерно и тихо вздымалась под охотничьей курткой, губы были слегка приоткрыты, густые, длинные волосы лежали вокруг головы веером.

– Ты сказал, что это *дар*, – негромко проговорил Глеб. – Но, по-моему, это проклятие.

– Проклятие тоже может стать бесценным даром, – возразил жрец.

– Угу. – Глеб мрачно усмехнулся. – Вечно у вас, нелюдей, все не по-людски. Почему вы не открыли ей правду? Почему сказали, что я могу спасти ваше племя от гончих смерти?

Жрец немного помолчал, затем ответил:

– Страх поселился в душе Лесаны, подобно ядовитому паразиту. Он отравил своим ядом ее кровь. Мы ничем не могли ей помочь.

– Но... при чем тут я?

– Лесана с детства слышала истории про Глеба Первохода. Героя, который в одиночку победил армию нелюдей и открыл для нас врата Иноземья. В ее воображении ты стал непобедимым героем. Лесана была уверена, что ненавидит тебя, но на самом деле она испытывала к тебе другие и гораздо более глубокие чувства. В какой-то степени ты стал ее кумиром, Первоход. Мы понимали, что происходит, и решили это использовать.

Лесана справилась со своими страхами. И сделать это ей помогла любовь. Девушка расправилась с чудовищами, которые терзали ее душу. Теперь она в безопасности. И мы – тоже.

Лицо Глеба дернулось.

– Сказка про всепобеждающую любовь... – с холодной и горькой усмешкой произнес он. – Как это по-книжному. И что же мне делать теперь? Что мне делать, жрец?

Ростих сдвинул безволосые брови и сухо отчеканил:

– Это ты должен решить сам.

Глеб некоторое время молчал, потом посмотрел на стену огня, отделяющую его от лилового, искристого мира, в который он попал.

– Что такое Иноземье, Ростих? Ответь мне. Я хочу знать.

– Ты уже знаешь, Глеб. Иноземье – это мир, в котором мы нашли себе убежище.

– Это другая планета? А может, другое измерение? А может быть, ваше Иноземье – это рай? Отвечай мне, жрец!

– Думай так, как тебе удобнее, Первоход. – Ростих медленно повел плечами. – Мне пора. Врата в твой мир все еще открыты. Однако скоро они закроются. У вас с Лесаной мало времени.

– Мало времени? – Глеб нахмурился. – Для чего?

– Для того, чтобы принять решение. Прощай, ходок.

Жрец накинул на голову капюшон, повернулся и шагнул за стену огня.

* * *

Открыв глаза, Лесана несколько секунд смотрела на Глеба таким взглядом, будто не узнавала его. Потом веки девушки дрогнули, и она еле слышно проронила:

– Первоход.

– Слава богу, ты очнулась! – Глеб улыбнулся. – Как ты себя чувствуешь, милая?

– Хорошо. Но... – Лесана приподняла голову с коленей ходока и огляделась. – Что случилось, Глеб? Куда подевались гончие смерти?

Глеб погладил ее ладонью по мягким волосам и ответил:

– Их больше нет. Ты их убила.

Лесана устремила взгляд на Глеба и тревожно проговорила:

– Но... я не помню, как это сделала, Первоход. Ты уверен, что гончие не вернутся за нами? Они ведь всегда возвращаются.

– На этот раз они не вернутся. Говорю это тебе со всей ответственностью.

Лесана задумчиво нахмурилась.

– Должно быть, я применила против них колдовство, – раздумчиво произнесла она. Потом прислушалась к себе и добавила: – Глеб, я больше не чувствую своего дара.

– Не беспокойся об этом, – сказал Глеб. – С тобой все будет хорошо. Но мы должны спешить, Лесана. Портал скоро закроется.

– Я... не понимаю.

Глеб наклонился и нежно поцеловал девушку в прохладный лоб, а затем стал говорить – быстро, негромко, взволнованно:

– У меня есть дом на берегу Эльсинского озера. Большой и светлый. А при доме – огромный сад. На ветвях там растут вкусные плоды. И там всегда тепло. В озере полно рыбы, в лесах – дичи. И люди там добрее, чем в Хлынском княжестве.

– Зачем ты мне все это рассказываешь, Глеб? – удивленно спросила травница.

– Я хочу, чтобы ты отправилась туда со мной, Лесана.

На лице девушки отобразилось недоумение.

– Здесь, в Иноземье, мой дом, – сказала она. – И здесь живет мой народ.

– У нас будет свой дом, Лесана. Ничем не хуже этого.

Он вновь провел ладонью по ее волосам и хотел поцеловать ее в губы, но девушка слегка отстранилась.

– Нет, Глеб, – произнесла она полным горечи голосом. – Я не могу. Я часть этого мира.

– Я знаю, Лесана. Знаю, что ты чувствуешь. Но это пройдет. Ты привыкнешь.

Она посмотрела ему в глаза полным нежности взглядом и медленно покачала головой:

– Я не смогу жить среди людей, Глеб. Я все время буду чувствовать себя чужой. Когда-нибудь я надоем тебе, и тогда у меня не останется ничего, кроме моей тоски.

За спиной у Глеба послышался легкий треск, словно кто-то разрывал ветхую ткань. Лесана взглянула туда, поднялась на ноги и взволнованно проговорила:

– Первоход, врата закрываются! Тебе пора!

– Идем со мной, – снова сказал Глеб, даже не посмотрев в сторону портала. – Прошу тебя, Лесана, пойдем со мной. У нас все получится. Клянусь тебе. Но... не оставляй меня одного.

– Нет, Глеб. Я не могу с тобой уйти. Я прошу, не нужно больше слов. Прости меня, Первоход! Прости меня!

Девушка подняла руки и легонько хлопнула в ладоши, а потом произнесла несколько слов на своем языке. В ту же секунду неумолимая сила потянула Глеба к portalу, и он заскользил по траве к серебристому облаку.

– Нет! – яростно крикнул Глеб и попытался ухватиться за траву. – Нет, я не хочу!

Ему удалось вцепиться пальцами в жесткий стебель какого-то цветка, но неведомая сила снова потянула его к portalу, стебель хрустнул, Глеб взмахнул руками, теряя равновесие, и в этот миг серебристо-голубое облако, ярко вспыхнув, с шумом втянуло Глеба в себя и поглотило его.

Эпилог

Неделя, прошедшая с тех пор, как светящееся облако исторгло из себя Глеба Первохода, а затем исчезло, не прошла для Рамона даром. Благодаря стараниям Хлопуши, заботящегося о нем, как наседка заботится о цыпленке, толмач окреп.

Глеб же, напротив, с каждым днем выглядел все хуже. Однако все понимали, что причина его страданий совсем не в телесной хвори. Большую часть времени Первоход просто лежал на лавке и глядел в потолок. Хлопуша, Рамон и Прошка, видя, в каком мрачном настроении пребывает их товарищ, предпочитали не приставать к нему с расспросами.

Однажды, когда Рамон и Глеб были в избе одни, Глеб встал с лавки и неторопливо прицепил ножны к поясу. Затем повесил на пояс кинжал. Рамон тоже поднялся с лавки и

осторожно спросил:

– Куда ты собрался, Первоход?

– Верну себе свою жизнь, – последовал угрюмый ответ. – А заодно и тебе – твою.

– Я... не понимаю.

Глеб повернулся к толмачу, задрал правый рукав и выставил перед собой руку.

– Видишь? – сухо и мрачно спросил он. – У меня на предплечье четыре шрама. А в Волховом лесу их было пять. Еще четыре испытания, и я покину ваш проклятый мир, чтобы никогда больше сюда не вернуться. Но для этого я должен действовать.

Рамон прищурил черные, бархатистые глаза и вдруг негромко проговорил:

– Ты хороший человек, Первоход. Но тебе не хватает веры.

– Веры? – В глазах Глеба мелькнуло удивление. – Ты сказал «веры»? Я не ослышался?

Рамон, не отвечая ему, поднял руки к шее и осторожно снял шнурок с маленьким серебряным крестиком. Потом подошел к Глебу и сказал:

– Наклони голову, друг. Прошу тебя.

Глеб, сам не зная почему, не стал спорить. Усмехнувшись, он слегка пригнул голову. Рамон повесил ему на шею крестик, после чего отошел на шаг, вгляделся в суровое, жесткое лицо ходока и убежденно произнес:

– Это должно помочь.

– Сомневаюсь, – хмуро проговорил Глеб. – Зря ты мне его дал, толмач. Не по адресу подарок.

– Это не подарок, – возразил Рамон. – Когда тебе станет легче, ты мне его вернешь. Если тебе так удобнее, отнесись к нему как к оберегу.

– Не вижу в этом никакого смысла, но... спасибо.

Глеб опустил рукав, повернулся к стене, снял с гвоздя плащ и накинул его на плечи.

– Молись за мою грешную душу, толмач, – сказал он. – Думаю, скоро ты услышишь про меня много страшных вещей.

– И я должен буду поверить тому, что услышу? – осторожно спросил Рамон.

Глеб глянул на него холодным, недобрым взглядом и отчеканил:

– Я бы на твоём месте поверил. Прощай!

Он развернулся и твердой, тяжелой поступью двинулся прочь из горницы.

– Отче наш, сущий на небесах... – беззвучно пробормотал ему вслед Рамон. – Помоги Первоходу в его нелегком деле. И будь милостив к его врагам. Должно быть, очень скоро все они предстанут пред Тобой.

В сенях гроыхнула входная дверь, а затем все стихло. Рамон, прихрамывая, подошел к лавке, медленно опустился на нее и трижды осенил себя крестным знаменем. На душе у него было беспокойно.